4534

ПРИЛОЖЕНІЕ

къ газетѣ

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ"

ГОДЪ X.

НА 1895 ГОДЪ.

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ

ВЫПУСКЪ I-й

Подъ редакціею И. И. ПОПОВА.

Содержаніе:

I. Льготный второго разряда. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ изъ сибирскаго народнаго быта **Павла Оекскаго** 1

II. Очерки быта рабочихъ на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ. **В. Семевскаго** 81

III. Исторія одной сибирской деревни **В. А.** 103

IV. В. Томсенъ. Дешифровка орхонскихъ и енисейскихъ надписей **Г. Потанина** 133

V. Объявленія 136

ИРКУТСКЪ.

Типографія К. І. Витковской, Харламп. ул., д. № 1.

1895.

Музей-заповедник инв. №

ВЛАДИМИР
СЕРОВ-НИКОЛАЕВ
ЗАПОВЕДНИК

ЛЬГОТНЫЙ ВТОРОГО РАЗРЯДА.

Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ.

Посвящается

Н. Г. Козлову.

Дѣйствующія лица:

Иванъ Иванычъ Никулинъ, волостной писарь, *доморощенный пройдоха.*

Иванъ Ильичъ Ласточкинъ, сельскій писарь, «*джентльмэнъ*» *изъ ссыльныхъ.*

Ермило Ермиловичъ Купряковъ, мужикъ.

Анна Федоровна, его жена.

Василій, ихъ сынъ.

Маша, его невѣста и потомъ жена, около 16-ти лѣтъ, но физически вполнѣ развитая; красавица.

Фекла Ермиловна, замужняя сестра Купрякова, крестная Василья.

Григорій Петровичъ Устиновъ (онъ-же **Сергѣй Петровичъ Бобковъ**), видный и степенный мужчина.

Ивашка (Иванъ Свороти съ дороги), старикъ поселенецъ, когда-то хорошій поваръ въ городѣ, теперь—скверный и въ деревнѣ; за рѣдкимъ спросомъ поварскихъ услугъ, занимается сводничествомъ; вездѣ вхожъ, вездѣ его терпятъ и онъ всюду суетъ свой носъ; совершенно плѣшивъ, говоритъ весьма медленно—тянетъ; вѣчно пьянъ. «*А, впрочемъ, хорошій человѣкъ*».

Дуня, дѣвушка.

Фролъ Фроловичъ Свистулькинъ, торгующій.

Римма Кифовна, его жена.

Стратилатъ Стратилатовичъ Рождественскій, дьячокъ.

Варвара Прохоровна, его жена.

Степанида Егоровна, попадья.

Михайло Семенычъ Кошелевъ, волостной старшина.

Елена Савишна, его жена.

Петръ Петровичъ, земскій засѣдатель.

Березовскій, судебный слѣдователь.
Орловъ, товарищъ прокурора.
Два городовыхъ.
Два рекрута.
«Вѣстовой» у земскаго засѣдателя.
Мужики, бабы, гости и гостьи.

Между третьимъ и четвертымъ дѣйствіемъ проходитъ около шести съ половиною лѣтъ.

Дѣйствіе первое

ПРИПИСАЛСЯ.

Квартира волостного писаря.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Никулинъ и Ласточкинъ.

Ласточк. Вотъ, видите-ли, Иванъ Ивановичъ, въ чемъ дѣло. Помните, года три тому назадъ, въ Зубаревкѣ цѣлую купеческую семью вырѣзали?

Никул. Помню.

Ласточк. Тогда еще главный-то убійца удралъ.

Никул. Помню, помню.

Ласточк. Ихъ, разбойниковъ-то, и безъ него человѣкъ пять осудили по этому дѣлу... А онъ—такъ и ухнулъ.

Никул. И это знаю... Въ чемъ-же дѣло-то?

Ласточк. А вотъ въ чемъ, Иванъ Иванычъ... Вы помните, какъ звали этого самаго... Коновода-то?

Никул. Ну, ужь этого не помню... Да не тащите вы, пожалуйста, какъ черта за волосы!

Ласточк. А ну-те-ка, вспомните... Не Сергѣй-ли Петровъ Бобковъ?

Никул. Кажется, что такъ... *(заинтересовываясь)*. Ну, и что-же?

Ласточк. Его вѣдь ищутъ... Сто рублей награды обѣщаютъ за поимку.

Никул. Знаю, что ищутъ, и знаю, что обѣщаютъ.... Да гдѣ-жь его возьмешь?

Ласточк. *(таинственно)* Онъ здѣсь.

Никул. Здѣсь?!!

Ласточк. Собственной персоной.... «Нельзя-ли,»—говоритъ,—«къ вашей волости приписаться?»

Никул. *(помолчавъ)* А ежели его сцапать?

Ласточк. Ну, вотъ—«сцапать»!... Какая-же изъ этого выгода?

Никул. А обѣщанная-то сотня?

Ласточк. Велика важность — «сотня»! Тутъ дѣло-то не сотней пахнетъ.

Никул. Да вѣдь сотня-то сотней, а кромѣ того еще и начальству угодишь!... Развѣ ужь у него очень мошна набита?

Ласточк. Надо думать, что такъ!... *(въ сторону)* И на кой я дьяволъ сказалъ ему, что это Бобковъ?! Вотъ дубина! Пожалуй, еще все дѣло испортитъ!... *(Никулину)* Пораскиньте-ка, Иванъ Иванычъ, умомъ-то!... Не лучше-ли будетъ «сцапать»-то не его.... а с-ъ н-е-г-о?... А съ начальствомъ вамъ—не дѣтей крестить!

Никул. Надо пораскинуть.... что лучше?

Ласточк. Мало-ли по поселенческимъ-то алфавитамъ числится разныхъ Ивановъ Непомнющихъ, Сидоровъ Бутылкиныхъ и тому подобныхъ, которые уже давно на томъ свѣтѣ обрѣтаются.... а то—и въ сей юдоли лучшую участь избрали.... Почему-бы это Бобкова не превратить въ какого-нибудь Сидора Бутылкина.... За приличное, конечно, вознагражденіе?

Никул. *(что-то соображая)*, А ему, этому Бобкову, сколько, примѣрно, лѣтъ?

Ласточк. Безсовѣстно молодъ, каналья!... Не больше, какъ двадцать четыре года.... Подходящаго, пожалуй, трудновато и по алфавиту надти.

Никул. Гм!... «трудновато».... Такой-то вотъ именно и есть у меня на примѣтѣ!...

Ласточк. Что вы?!

Никул. Точь-въ-точь!... Въ прошломъ году осиновскіе мужики отправили въ царство небесное....

Ласточк. Вотъ, видите! Еще въ прошломъ году осиновскіе мужики объ насъ съ вами побезпокоились!.... *(Приложивъ палецъ ко лбу).* А я, знаете, что-то не помню....

Никул. За то я помню.... Вы этого дѣла и знать не должны....

Ласточк. А!... ну, чортъ съ нимъ—и съ дѣломъ! Такъ вотъ, пошевелите-ка мозгами то!.... Я тутъ, знаете, тороплюсь.... Одной бабѣ одна баба о-д-н-и-м-ъ словомъ о-д-н-о оскорбленіе нанесла.... Такъ

надо это въ слезницѣ изобразить.... Усердно проситъ!.... И даже, въ доказательство усердія, десятокъ яицъ принесла....

Никул. Ну, ладно, идите, изображайте!... А я, между тѣмъ, подумаю....

Ласточ. *(у выхода)*. Подумай-ка!... Тогда и мнѣ, грѣшному..., *(дѣлаетъ жестъ, какимъ передразниваютъ взяточниковъ)*. А все-таки я оселъ! Да еще какой оселъ?! *(Морщится и уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Никулинъ одинъ.

Кого, чортъ возьми, предпочесть—начальство или свой собственный карманъ?.... Начальству угодить—хорошо. Но вѣдь и въ свой собственный карманъ нѣсколько радужныхъ не дурно опустить.:... Коли этотъ гусь пришелъ на приписку, такъ ужь навѣрное не съ пустыми руками... Положимъ, за поимку его обѣщаютъ сто рублей.... но вѣдь это только «обѣщаютъ».... Говорится: «лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ». А тутъ какъ-разъ наоборотъ приходится сказать: «лучше журавль въ рукахъ, чѣмъ синица въ небѣ»... Впрочемъ, будемъ посмотрѣть, что выгоднѣе: ежели сцапать—сцапаемъ и по начальству представимъ, а ежели приписать—припишемъ.... Все въ нашихъ рукахъ! *(Ходитъ, потирая руки)*.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Никулинъ и Купряковъ.

Никул. А! Ермило Ермиловичъ!... Ну, что, принесъ метрику?... Садись!

Купряк. *(садится)*. Принесъ, Иванъ Иванычъ.

Никул. Давай-ка, братъ, поглядимъ!

Купряк. *(достаетъ изъ-за пазухи бумагу, завернутую въ платокъ, развертываетъ и подаетъ Никулину)*. Погляди-ко-те.

Никул. *(читаетъ про себя)*. Ну, нѣтъ, братъ, твой Василій не будетъ имѣть льготы перваго разряда. Ты родился перваго января тысяча восемьсотъ двадцать седьмого года, а нынѣ—тысяча восемьсотъ восемьдесятъ второй....

Купряк. *(перебивая)* Ну, такъ вотъ! Мнѣ, значитъ, въ самый Новый годъ и минуло пятьдесятъ пять лѣтъ. А ты самъ-же говоришь,

что, по закону, ежели кому пятьдесятъ пять годовъ кончилось, такъ ужь тотъ неспособнымъ считается....

Никул. Но вѣдь дѣло-то вотъ въ чемъ. Василій твой идетъ къ призыву въ нынѣшнемъ году. А лѣта, по воинскому уставу, считаются къ первому января того года, въ которомъ призывъ. Тебѣ къ первому-то января и не выходитъ пятидесяти-то пяти лѣтъ: дня не хватаетъ.

Купряк. Какъ-же не хватаетъ, коли я, значитъ, въ самый первый январь родился?

Никул. Вишь, надо, чтобы до перваго вышло,—хоть наканунѣ.

Купряк. Да тутъ што-же—одинъ день.... пустякъ!

Никул. Такой ужь законъ! Ничего не подѣлаешь!

Купряк. Какъ-же теперь будетъ?

Никул. Да какъ? Дадутъ твоему Василью льготу второго разряда— и все тутъ.

Купр. Неужели возьмутъ парня-та?

Никул. До сихъ поръ льготныхъ второго разряда еще не бирали.

Купряк. А у Спиридона Прохорова.... возьмутъ Гришку?

Никул. Того ужь никакъ не возьмутъ: льготный перваго разряда.

Купряк. Леготный первова разряду?! Это у какова-же онъ Бога вымолилъ?!

Никул. Очень понятно: одинъ сынъ.

Купряк. Да вѣдь самому-ту Спиридону тридцать девять годовъ! Вѣдь онъ быкъ-быкомъ—вишь, какой красной! А я што супротивъ ево?

Никул. Такъ вѣдь у тебя еще и кромѣ Василья сыновья есть.

Купряк. То-то, што «сыновья»... Одному—три года, а другой—въ зыбкѣ качается.... Вотъ такъ попильцы-кормильцы!

Никул. Вишь, по закону, только-бы сыновья были.... Еще хорошо, что имъ у тебя меньше восемнадцати лѣтъ; а то-бы твой Василій подлежащимъ былъ!

Купряк. Да ежели-бы которому-нибудь изъ ихъ восемнадцать-ту годовъ было, такъ я-бы и говорить-то не сталъ! Ступай, молъ, Васинька, съ Богомъ.... послужи!

Никул. Ну, а за то, что имъ меньше,—Василью-то и дается льгота второго разряда.

Купряк. Да второва-та разряду берутъ!... Ты разсуди: ежели-бы у меня Ваську взяли и у Спиридона-бы Гришку взяли,—кому-бы изъ

насъ хуже было? Спиридонъ-отъ быкъ-быкомъ, да и семьи у ево одна баба.... А вѣдь у меня, слава те, Господи, шестеро ѣдоковъ; а работниковъ-то ... только и есть, што одинъ Василій.... Ну, кому-же бы изъ насъ хуже-то было?

Никул. Тебѣ, конечно.

Куприк. Вотъ то-то и есть!... А вѣдь ты самъ-же говоришь, што у Спиридона-та ужь навѣрнякъ не возьмутъ Гришку!... Ну, а у Ферапонта Горбатова—Стенку... какъ?

Никул. Тоже не возьмутъ.... Тоже льготный перваго разряда.

Куприк. *(съ иронiей)* По закону, значитъ?

Никул. По закону. Да ты пойми, чудакъ! Ферапонту-то вѣдь пять-десятъ восемь лѣтъ!

Куприк. Вѣрно.

Никул. Значитъ и толковать не объ чемъ!

Куприк. Какъ не объ чемъ? Вѣдь у ево ишшо два дуба! Вонъ какiе молодцы!

Никул. *(наставительно)* Ну, какiе-же дубы! Одному къ первому января—семнадцать лѣтъ и одиннадцать мѣсяцевъ, а другому—шестнадцать лѣтъ. *(Серьезно растолковываетъ).* По закону, братъ, работниками въ семьѣ считаются только такiя лица, которымъ къ первому января призывнаго года—не меньше восемнадцати и не больше пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду. Вотъ и выходитъ, что у Ферапонта-то всего-на-всего одинъ работникъ—Стенка. Какъ-же этого самаго Стенку взять?... Положимъ, что Ферапонтъ тебя поядренѣе... даромъ, что старше... да и остальные ребята у него вполнѣ работники, — такъ вѣдь что-жь подѣлаешь?... Такой ужь законъ...

Куприк. Ну, а какъ-же Гришка-та Спиридоновъ остается? Вѣдь Спиридону-ту нѣту пятидесяти пяти годовъ: ему всего тридцать девять. Стало-быть, онъ работникомъ долженъ считаться.

Никул. Гришка у Спиридона—одинъ сынъ. А по закону: «единственный сынъ въ семьѣ пользуется льготою перваго разряда», не смотря ни на какiя лѣта его отца.

Куприк. Ну, а моёму-ту Васькѣ какъ-же легота второва разряду? Вѣдь онъ у меня тоже, можно сказать, одинъ сынъ.

Никул. Фу, братецъ! Да вѣдь я же тебѣ растолковывалъ, что ты считаешься работникомъ въ семьѣ, какъ имѣющiй къ первому ян-

варя пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду. А по закону, такъ: «призываемый, при отцѣ, способномъ къ труду, и братьяхъ моложе восемнадцати лѣтъ отъ роду, имѣетъ право на льготу второго разряда».... Какой-же онъ у тебя «можно сказать» единственный сынъ? Остальныхъ-то куда дѣваешь?

Куприк. Одно удивленье! Самъ Ферапонтъ—конь-конемъ; ребята у ево всѣ—вербы.... А Стенка все-таки не подетъ въ солдаты.... потому леготный первова разряду.... Значитъ, у ево, у Ферапонта-та четыре работника останется!... Ково-же они кормить будутъ? Вѣдь у ихъ всей и семьи, что они сами, да молодая Ферапонтова баба... мачиха, то-ись, ребятамъ-та.... Такъ вѣдь на ей самой—хоть воду вози! Ты разсуди-ко. Ужь коли-ежели взять у ково парня въ солдаты, такъ значитъ, прямо у Спиридона да у Ферапонта, потому имя никакого отъ этово убытку не будетъ.... хозяйство не разстроится: окромя, сколько хошь работниковъ-то останется.... Возьми-же, примѣрно, у меня Ваську,—что я должонъ дѣлать? Прямо раззоряйся!... Дѣвчонки малы.... старуха тоже што-то расхлябалась.... А пользы-то-кормильцы, впшь какіе: одному—три года, а другой въ зыбкѣ качается....

Никул. Да ты что раньше смерти заумиралъ? Не безпокойся, не возьмутъ и твоего Василья!... Я-же тебѣ говорю, что еще примѣра не бывало, чтобы льготныхъ второго разряда брали.

Куприк. А нѣтъ такого закону, штобы леготныхъ второго разряду совсѣмъ нельзя было брать въ солдаты?

Никул. Ну, закона-то такого нѣтъ.

Куприк. Значитъ, могутъ и взять?

Никул. Могутъ-то—могутъ, да, понимаешь-ли ты, еще примѣра не бывало.... Подлежащихъ для этого достаточно. Да и тѣхъ не всѣхъ берутъ.... многіе, съ высокимъ жеребьемъ, остаются.

Куприк. А какъ настоящихъ-та.... али какъ тамъ—принадлежащихъ... ну, забракуютъ всѣхъ?

Никул. Ну, ужь не знаю.... Только примѣра не бывало.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же и **Ласточкинъ.**

Ласточ. *(вопросительно смотритъ на Никулина, по поводу присутствія посторонней личности).* П...неудобно...

Никул. А! кстати, Иванъ Ильичъ! Принесите-ка, пожалуста, изъ волостного правленія алфавитъ поселенцевъ на букву У.

Ласточ. *(уходя).* Понимаемъ-съ, для чего это.... Значитъ, съ сегодняшняго числа фамилія Бобкова будетъ начинаться на букву.... У!.. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же безъ **Ласточкина.**

Никул. *(желая поскорѣе выпроводить Купрякова).* Такъ вотъ какъ, Ермило Ермиловичъ.... Еще примѣра не бывало!

Купряк. *(въ сторону)* Оно и безъ примѣра, другой разъ, по затылку прилетитъ....

Никул. *(въ сторону)* И какого онъ тутъ еще дьявола торчитъ?... Кажется, ужь все растолковалъ.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и **Ласточкинъ.**

Никул. *(беретъ отъ Ласточкина толстую-претолстую книгу, открываетъ, перелистываетъ и останавливается на одномъ мѣстѣ).* Вотъ!... *(тычетъ пальцемъ въ разогнутую книгу, передавая ее обратно Ласточкину).*

Ласточк. *(читаетъ молча и отходитъ съ книгою въ рукахъ въ другую сторону. Никулинъ идетъ за нимъ. Весь слѣдующій разговоръ они ведутъ тихо отъ Купрякова—вполголоса).* Значитъ, вы хотите Бобкова, во имя Отца и Сына, перекрестить *(тычетъ пальцемъ въ алфавитъ)* вотъ въ этого самаго Устинова?

Никул. Да..... если.... Ну.... одинмъ словомъ—е-с-л-и....

Ласточ. Гмм!... А вѣдь, дѣйствительно, подходящій.... лѣта, ростъ, примѣты.... То-есть, лучшаго осиновскіе мужики даже и въ царство небесное не придумали-бы отправить!...

Никул. Умные мужики: знали, что дѣлали!

Ласточ. Ну, такъ что-же?.... Онъ здѣсь—дожидается.... Послать его къ вамъ, что-ли? *(Киваетъ головой въ сторону Купрякова)* Этотъ не помѣшаетъ?

Никул. Э!... что́ онъ смыслитъ?... Только подъучите, ка́къ слѣдуетъ отвѣчать на вопросы.... *(подмигиваетъ)*. Да я думаю, онъ и самъ не дуракъ....

Куприк. *(въ сторону)*. Должно-быть, плутни какія-нибудь.... Тоже—о-хо-хо!....

Ласточк. *(идетъ къ выходу)*. А вѣдь я угадалъ, что фамилія Бобкова отселѣ будетъ начинаться съ буквы У.... Волостной писарь все можетъ! Особливо съ помощью сельскаго писаря Ласточкина... *(Тычетъ себя пальцемъ въ грудь и уходитъ. Алфавитъ остается разогнутымъ на столѣ)*.

ЯВЛЕНІЕ 7-е

Тѣ-же безъ Ласточкина.

Никул. Такъ вотъ-съ какъ, Ермило Ермиловичъ.... Увѣряю тебя, что еще примѣра не бывало!... А больше, братъ, я тебѣ ни сообщить, ни посовѣтовать.... ни чего не могу. (*Въ сторону*). Вотъ, гость!... Хоть полѣномъ гони!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ-же и Бобковъ.

Никул. *(смотритъ въ разогнутую книгу)*. Ты—Григорій Петровъ Устиновъ?

Бобк. *(съ плутовской улыбкой)*. Такъ точно-съ.

Никул. Судился въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ шестомъ году въ Саратовскомъ окружномъ судѣ за кражу?

Бобк. Точно такъ-съ.

Никул. Присуждень къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Восточной Сибири?

Бобк. Такъ точно-съ.

Никул. Въ здѣшнюю волость прибылъ въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмомъ году?

Бобк. Точно такъ-съ.

Никул. Здѣсь причисленъ къ деревнѣ Колючкиной?

Бобк. Такъ точно-съ.

Никул. *(совершенно неожиданно, словно желая покуражиться надъ Бобковымъ).* А гдѣ эта самая деревня находится?

Бобк. *(нисколько не смутившись).* А я, знаете, ни разу и не бывалъ въ ней.... не знаю, гдѣ и стоитъ «Колючкина», да «Колючкина»... А Богъ ее знаетъ что и за Колючкина.... Съ самаго-же съ прибытія, получилъ, знаете-ли, билетъ.... да—только меня здѣсь и видѣли.... Потомъ ужь билеты-то все почтой выхлопатывалъ.

Никул. *(въ сторону).* Молодецъ! Нашелся!.... да еще и кромѣ того съ три короба насказалъ.... Съ такимъ субъектомъ можно дѣло имѣть.

Куприк. *(въ сторону).* А онъ ево ловко допрашиватъ!... То-нись, отвѣчай только: «Такъ точно-съ» да «точно такъ-съ»—и больше ни чего.... Вотъ такъ допросъ!.... Тутъ всякой—Устиновъ будетъ.... Ну, ихъ!... *(Никулину).* Прощенья просимъ, Иванъ Иванычъ! *(Уходитъ).*

Никул. *(въ догонку ему).* До свиданья, до свиданья, Ермило Ермиловичъ! *(Про себя).* Наконецъ, таки-чортъ унесъ!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же безъ Куприкова.

Никул. Такъ вотъ, братъ.... Какъ тебя звать-то?

Бобк. Да ужь теперь, видно—Григорій Петровичъ Устиновъ.... по батюшкѣ-то и мѣнять не пришлось....

Никул. Ну это, братъ, еще будемъ посмотрѣть!...

Бобк. *(обезкураженный).* Это вы про настоящее-то имя спрашиваете?

Никул. А то про какое-же?... Это-то *(тычетъ пальцемъ въ алфавитъ)* я и безъ тебя знаю.

Бобк. Настоящее-то — Сергѣй Петровъ Бобковъ.

Никул. Это, братъ, ты въ Зубаревкѣ-то отличился?

Бобк. *(мнется)*. Да ужь про это што-бы, Иванъ Иванычъ, и помимать?

Никул. *(перемѣнивъ тонъ)*. Ну, ничего, братъ, не сердись.... Это я такъ.... къ слову.

Бобк. Што вы, Иванъ Иванычъ! Помилуйте! Какія тутъ сердца!

Никул. Такъ вотъ, братъ, пожалуй, преображайся въ Устинова.... Подсудность не забылъ?

Бобк. Теперь хоть на экзаментъ!

Никул. Ну и отлично!... Значитъ, дѣло за условіями?... (*Вдругъ сообразивъ*). Постой, братъ!.... Да ты не дуракъ-ли, въ самомъ дѣлѣ?!... Зачѣмъ это тебѣ понадобилось имя-то свое намъ съ Ласточкинымъ открывать?!.... Вѣдь ты просто могъ-бы сказать: «я», — молъ, — «бродяга.... примите меня»... либо назваться какъ-нибудь иначе.... Оно-бы, глядишь, и стоило подешевле.

Бобк. Это што, Иванъ Иванычъ — «подешевле»? Разъ — што мнѣ лучше, ежели меня за-знамо приписываютъ....

Никул. (*перебивая*). Однако, братъ, ты хитеръ!....

Бобк. Ну, а второе.... Вѣдь Иванъ-отъ Ильичъ меня знаетъ: вмѣстѣ въ партіи шли.... Къ нему-то вотъ я и пришелъ.... по старой дружбѣ....

Никул. (*перебивая*). А онъ мнѣ, значитъ, по первому-же абцугу и разболталъ, кто ты такой есть?.... Ну, да у насъ, братъ, съ нимъ тоже дружба: что онъ знаетъ — то я знаю, что я знаю — то онъ.... (*въ сторону*) какъ-бы не такъ!... (*Бобкову*) А все-таки вотъ этого-то онъ мнѣ не сказалъ — что вы съ нимъ давнишніе пріятели.... Да и раньше никогда не говорилъ — «я», — дескать, — «знаю Бобкова».... Ахъ, онъ, распротаковскій!.... (*Шутя.*) Ну, да я съ нимъ потомъ за это разсчитаюсь!... А теперь давай-ка, съ тобой посчитаемся!

Бобк. Што-жь, Иванъ Иванычъ.... не постоимъ.... Што слѣдуетъ — то слѣдуетъ....

Никул. У тебя, небось, мошна-то.... о-го!

Бобк. Тоже большихъ денегъ нѣту, Иванъ Иванычъ. ..

Никул. Ну, а какъ?... тысяченкой можешь пожертвовать?

Бобк. Што вы, Иванъ Иванычъ!... Ужь не обидьте....

Никул. Но.... однако?

Бобк. Да ужь, безъ ряды, Иванъ Иванычъ.... получите пять катеринъ.

Никул. Идетъ!... Да и ты, братъ, тоже—иди.... за Ласточкинымъ!... Сейчасъ мы тебѣ состряпаемъ «полицейское удостовѣреніе о личности»—и будь ты Устиновъ!... А надъ Сергѣемъ Петровичемъ Бобковымъ пропоемъ «вѣчную память!»

Бобк. (*улыбаясь*). Сію минуту! (*Торопливо уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Никулинъ одинъ.

Гмм!.... Пятьсотъ рублей сами въ карманъ лѣзутъ!... Отчего-жь не подставить карманъ? (*Подставляетъ обьими руками карманъ*). Тинь-тинъ-тинъ-тинъ!... А что касается начальства... Мм—нѣтъ, ужь, братъ лучше журавль въ рукахъ, чѣмъ синица въ небѣ.... Во-первыхъ, онъ—журавль».... а во-вторыхъ—«въ рукахъ».... понимаете—«въ ррукахъ»!... А тамъ что—«синичка».... да и та «въ небѣ».... (*въ обоихъ случіяхъ дѣлаетъ подобающіе жесты*). А вѣдь я, чортъ возьми, Купрякова-то напрасно не напугалъ!... Надо ему сказать, что его Василья забрить могутъ.... Отъ Купрякова тоже есть чѣмъ поживиться.... Сотняжки двѣ достанетъ старичина.... А Василій, какъ льготный второго разряда, и такъ не уйдетъ.... Значитъ, двѣ катеринки можно зашибить.... такъ себѣ.... ни за-что-ни-про-что.... За процвѣтаніе гласности, чортъ меня побери!!... Пойду-ка я пошлю за Купряковымъ сторожа. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Ласточкинъ и Бобковъ.

Ласточк. (*осматривается*). Гдѣ-же это Иванъ Иванычъ?

Бобк. Должно-быть, вышли-съ.

Ласточ. Ну, какъ вы?... сговорились?

Бобк. Да на это-же похоже.... въ родѣ—какъ сговорились...

Ласточ. Ага... (*дѣлаетъ гримасу и растопыриваетъ пальцы*) А сюда?

Бобк. Сколько-же?

Ласточ. Ну, милліонъ—не милліонъ.... а такъ—по совѣсти....

Бобк. Полсотни?

Ласточ. Ну, что, братецъ, за ряда?!

Бобк. (*отдаетъ Ласточкину деньги*). Вотъ, катерина.

Ласточ. Ну, это подходяще!... Тебя, братъ, не разорветъ!... (*запихиваетъ деньги и хлопаетъ по карману*). Весело съ ними! (*Дѣлаетъ печальную физіономію.—Въ сторону*). О-охъ! проиграю я ихъ волостному писарю... Чувствую, что проиграю.... Ужь сколько разъ закаивался играть съ нимъ.... нѣтъ! Какъ только (*хлопаетъ по карману*) заведутся.... Ну, знаете, словно тебя кто шиломъ коиетъ!... Зудъ, понимаете-ли такой!... Во всѣхъ мѣстахъ зудитъ!... Ну, и несешь на алтарь волостного писаря тельца....

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и **Никулинъ**.

Никул. А! вы здѣсь... Напишите-ка, Иванъ Ильичъ, Устинову полицейское удостовѣреніе о личности.... Вотъ, возьмите алфавитъ.

Ласточ. (*показывая на Бобкова*). Этому Устинову?

Никул. Нѣтъ, покамѣстъ (*показываетъ на алфавитъ*) тому.

Бобк. Что-жь тутъ?.. Никому не обидно...

Ласточ. (*уходя*). Давно-бы такъ... А то «сцапать!...» Что резонъ—то резонъ!... А, впрочемъ, мое при мнѣ... (*Хлопаетъ по карману*). Туточка! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ-же безъ **Ласточкина**.

Никул. Ну, что-же теперь... Здѣсь поселиться думаешь... или опять на-сторону?

Бобк. Хочу, знаете, здѣсь притулье поимѣть.

Никул. Что-жь... хорошое дѣло... А прежнія шалости... по боку, значитъ?

Бобк. Надоѣло... Да ужь больше и не для чего.

Никул. Обезпечепъ, стало-быть?... Ну, а говорится, что «повадился кувшинъ по воду ходить?...»

Бобк. Это пустое, Иванъ Иванычъ!... Это ужь какой человѣкъ, ежели эдакъ-то... Умный свое возьметъ, да и поживаетъ смирехонько... Съ деньгами-то вѣдь и такъ можно дѣла обдѣлывать... Сначала-то вотъ... правда, што... Да вѣдь какъ быть-то, коли отъ трудовъ праведныхъ только горбъ ростетъ?...

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ-же и Ласточкинъ.

Ласточ. Готово-съ!

Никул. *(принимая отъ Ласточкина бумагу, въ тонъ ему).* Больше ничего-съ.

Ласточ. То-есть я больше не нуженъ-съ?... *(Никулинъ утвердительно раскланивается, уходя).* Значитъ дѣло приходитъ къ расчету... А сіе лучше всего сдѣлать безъ свидѣтелей... *(тычетъ себя пальцемъ въ грудь)* хотя-бы и благородныхъ.... Да-съ .. «Бумажку—извольте, денежки—позвольте»... *(жестикулируетъ).* А, впрочемъ, мое при мнѣ... *(хлопаетъ по карману и уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ-же безъ Ласточкина.

Бобк. *(передаетъ Никулину деньги).* Получите.

Никул. *(передаетъ Бобкову бумагу).* И ты, братецъ, получи!

Бобк. Много благодарны!

Никул. Смотри, братъ, не втрескайся!... А то и меня втюришь.

Бобк. Будьте безъ сумленья, Иванъ Иванычъ! Теперь я—Устиновъ.... не поймаютъ!... Пускай Бобкова ищутъ!... А ежели, чего Боже сохрани,—такъ мы хорошихъ людей не выдаемъ: впередъ годятся... Не сумлевайтесь, не втюримъ!...

Никул. Желаю, братъ, тебѣ всего хорошаго.

Бобк. Чувствительно благодарны!... Впередъ не оставляйте!

Никул. Что-жь, домкомъ намѣреваешься обзавестись?

Бобк. Да думаю, Иванъ Иванычъ... Признаться, грѣшнымъ дѣломъ, тутъ мнѣ одна дѣвчонка приглянулась...

Никул. Ты что-жь, давно развѣ здѣсь?

Бобк. Да ужь недѣли двѣ околачиваюсь.

Никул. А не боялся влопаться?

Бобк. Осторожность имѣлъ, Иванъ Иванычъ.

Никул. Чья-же это тебѣ дѣвчонка-то приглянулась?

Бобк. А тутъ... крестьянина здѣшняго... Василья Андрейча Подоспова... Славная дѣвушка... Машей зовутъ .. Очень она мнѣ нравится.

Никул. О-го, братъ! У тебя губа-то не дура! Первая красавица на селѣ... Маша-то... А, впрочемъ, что-же... съ Богомъ, съ Богомъ! *(Ходитъ).*

Бобк. Имѣю честь кланяться, Иванъ Ивашычъ!

Никул. До свиданья, до свиданья!... Желаю, братъ, тебѣ всего хорошаго! *(Жмутъ другъ другу руки).*

Бобк. *(уходя).* Ишу! теперь, слава Богу... приписался... *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Никулинъ и Купряковъ.

Никул. Ага!... Садись... Вотъ, братъ, какая штука, Ермило Ермиловичъ — я тебѣ давеча и позабылъ сказать... Подлежащихъ-то вѣдь нынче мало записано... такъ мало, что и чортъ его знаетъ, что это такое! Все больше льготные... да не какіе-нибудь, а перваго разряда!... Ужасно мало подлежащихъ!... Да и народишко—такая мелочь, что и глядѣть срамъ!... Такъ-что Василья-то у тебя, пожалуй, и на самомъ дѣлѣ, въ солдаты возьмутъ..

Купряк. *(ошеломленный).* Што ты, батюшка Иванъ Иванычъ!... Неужели?!

Никул. Да братъ.., надо подумать! *(Думаетъ).*

Купряк. Помоги ты моему горю, батюшка Иванъ Иванычъ!

Никул. *(словно выдумалъ).* Да я что-жь?... Не во мнѣ сила.

Купряк. Знамо въ начальствѣ... Это што и говорить—знамо, што сила въ начальствѣ!

Никул. Вотъ то-то и есть... Сухая ложка ротъ деретъ...

Купряк. Да я, батюшка Иванъ Иванычъ, чѣмъ могу... Не оставь только!

Никул. Это что—«чѣмъ могу»!... Тутъ, по крайней мѣрѣ, рублей четыреста надо!

Купряк. Што ты кормилецъ?!!

Никул. Да ужь я, братъ, знаю!

Купряк. Охъ, ты, мать-пресвятая Богородица!!

Никул. Такъ вотъ, видишь-ли, я завтра ѣду въ городъ. Если хочешь, переговорю, пожалуй...

Купряк. О, Восподи, батюшка небёсный Отецъ!... Четыреста рублей! Гдѣ я этакую прорву денегъ возьму?!.. Нельзя-ли, батюшка, Иванъ Иванычъ, хоть сотенкой оботтись?

Никул. Совсѣмъ невозможно!... Да какъ знаешь, впрочемъ... Я только такъ предупредилъ, чтобы ты во-время объ себѣ позаботился...

Куприк. Спасибо, спасибо, кормилецъ!... Ну, ужь двѣ сотни найду, а а больше — хоть зарѣжь, нѣту!

Никул. Развѣ ужь для тебя постараться!... Мужикъ-то ужь ты очень хорошій!

Куприк. Похлопочи, кормилецъ!... Вѣкъ Бога молить буду!

Никул. Ну, ладно!... Только поскорѣе ступай, неси деньги... А то мнѣ некогда...

Куприк. Да рази сейчасъ, кормилецъ?

Никул. Даже сію минуту, потому-что я завтра чуть-свѣтъ ѣду!

Куприк. *(уходя)*. Охъ! вразуми ты меня святая великомученица Варвара!.. Матушка Парасковея-пятница!... Ужь нѣтъ-ли тутъ какого подвоха?... Помяни Восподи! царя Давыда! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Никулинъ одинъ.

Совсѣмъ старикъ изъ ума выскочилъ!... Лепечетъ, какъ сирота казанская... Однако, я его ловко ошеломилъ!... *(Ходитъ, ухмыляясь)*. Ну, вотъ и еще двѣ катеринки!... Денёкъ, оказывается, ничего-себѣ выдался... Тащи-ка, старина, двѣ радужныхъ!... Ничего, братъ, упрячемъ! *(дѣлаетъ соотвѣтственный жестъ)*. А сынка твоего, надѣюсь, и такъ не возьмутъ... Думай, братъ, потомъ на здоровье, что это я ему помогъ... Нѣтъ, братъ, нынче не тѣ времена, чтобы за двѣсти рублей, что-нибудь въ эдакомъ родѣ устроить: подавай больше!... *(Садится)*.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Никулинъ, Купряковъ, Ласточкинъ и Ивашка.

Ласт. *(пьянъ)*. Несу на алтарь волостного писаря тельца!

Куприк. Я, батюшка Иванъ Иванычъ... *(держится за пазуху)*.

Ивашка. (*Совсѣмъ пьянъ. Усиленно кланяется и что-то мычитъ*).

Никул. (*Ивашкѣ*). Ну, а ты за копмъ чортомъ?! *(Въ сторону)*. Э-эхъ! оба-то вы съ Ласточкинымъ совсѣмъ не кстати!

Ивашка. Двухгривенный, Иванъ Иванычъ... Ужь я вамъ такой кремъ!...

Никул. Убирайся ты къ чорту и съ твоимъ кремомъ!... Нѣтъ у меня...

Ивашка. *(перебивая)*. Ужь такой кремъ!...

Никул. Убирайся!... Нѣтъ у меня двухгривенныхъ!

Ласточ. Понимаешь-ли ты—«убирайся»!... И-и съ кремомъ убирайся!

Ивашка. Какъ это—«съ кремомъ»?... Лучше съ двухгривеннымъ... *(А на предложеніе убираться—нуль вниманія, словно это не къ нему относится)*.

Никул. Не съ двухгривеннымъ, а съ кремомъ къ чорту убирайся!

Ивашка. «Съ кремомъ... къ чорту»?!... Нѣтъ, не согласенъ...

Ласточ. Исчезни, поваръ Ивашка!!

Ивашка. А ты што?... А тебѣ чево?... *(Въ сторону)*. Только-бы этотъ не выпроводилъ... Штобъ ему лопнуть!... А ужь тотъ не отвертится!...

Никул. Да уходи-же ты, чортъ тебя побери!!

Ласточ. *(Купрякову)*. И ты, братъ уходи!... Тутъ, братъ, теперь не до васъ!... (*въ сторону*). Теперь, братъ, у насъ подетъ... и направо и на-лѣво! *(жестикулируетъ)*.

Никул. Нѣтъ, ты, Ермило Ермиловичъ, погоди! (*Въ сторону*). Вотъ, чортъ его спрашиваетъ! Онъ и этого гонитъ!

Ласточ. *(Купрякову)*. У-хо-ди-и! Чего ты его слушаешь?

Купряк. Я, батюшка Иванъ Иванычъ... (*держится за пазуху*).

Никул. Подожди, подожди, Ермило Ермиловичъ... Да перестаньте вы, Иванъ Ильичъ! Что вы его гоните!

Ласточ. (*Купрякову*). Уходи! (*Ивашкѣ*). И ты уходи!... Оба, маршъ!

Ивашка. И тотъ реветъ, и другой реветъ... И чортъ ихъ разберетъ!

Купряк. (*не знаетъ, куда ему дѣться; роется что-то за пазухой*). Што это, Восподи?!

Никул. Да провались-же ты, наконецъ... хоть въ тартарары!!

Ласточ. Исчезни, поваръ Ивашка!!!

Ивашка. А вотъ не исчезну, да и шабашъ!... Хоть ты тутъ матушкурѣпку пой!...

Никул. (*выдергиваетъ изъ жилетнаго кармана рубль и быстро суетъ Ивашкѣ*). На! на! на! Только убирайся! убирайся! убирайся!

Ивашка (*падаетъ ему въ ноги*). Вотъ благодѣтель!... Истинный, то-есь, благодѣтель рода человѣческаго!... *(Плачетъ)*. Рубль!... Цѣлый рубль!!... Ина, Ивашка!... Взалейся!... И взальюсь!... И взальюсь!... *(Плачетъ)*.

Купряк. (*неловко роняетъ изъ-за пазухи двѣ сотенныхъ и пляшетъ на мѣстѣ*). А-яй-а-та-та-та-та!...

Ивашка. Деньги!... Сотенныя!!... (*хочетъ подпрыгнуть*).

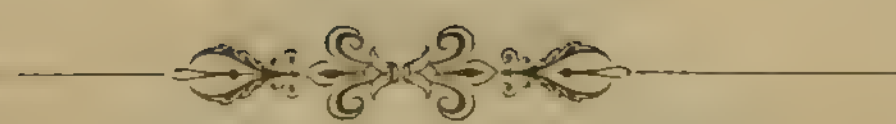
Никул. (*быстро подлетаетъ къ Купрякову, нагибается, схватываетъ деньги, суетъ руку съ деньгами въ пазуху Купрякова и, сдѣлавъ видъ, что оставилъ ихъ въ пазухѣ, опускаетъ руку въ свой брючный карманъ. — Купрякову*). Смотри, опять не вырони!

Ласточ. (*въ сторону*). И это принесъ на алтарь волостного писаря тельца... А онъ совсѣмъ безсребренникъ—ишь, деньги-то назадъ старику въ пазуху положилъ.. Только онѣ ужь навѣрное за рукой къ нему въ карманъ сами перебѣжали...

Купряк. (*шаритъ въ пазухѣ; наконецъ догадывается*). Нѣтъ, ужь больше не выроню...

Ивашка. (*въ сторону*). Да... ужь больше не выронишь... Онѣ въ карманѣ у Ивана Иваныча... О-о-охъ! благодѣтель рода человѣческаго!..

Занавѣсъ.



Дѣйствіе второе.

Трое влюбленныхъ.

Сцену театра пересѣкаетъ улица; въ глубинѣ, вдоль улицы, прясло изъ жердей; одно звено прясла разобрано. Солнце только-что зашло.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Ивашка одинъ, не очень пьянъ.

(*Идя на сцену*). Ну, ужь, признаться, и порученьевъ надавали!... Цѣлыхъ три!... Ишь ты, копнуло ихъ!—вдругъ всѣ куда-то собрались! А домовничать-то и не кого оставить: на всѣхъ одна Дунька! Да вѣдь не разорваться-же и Дунькѣ... въ самомъ-то дѣлѣ?! Чѣмъ-же она виновата, что во всемъ селѣ больше — какъ есть ни одной домовницы? Да и я тоже ничѣмъ не виноватъ, што она одна! (*Смотритъ вдоль улицы*). Ну! еще и этотъ идетъ! (*Суетится*). И улизнуть-то вѣдь не куда!... Ужь съ этимъ не знаю, какъ и раздѣлаться!... Плохи, братъ поваръ Ивашка, наши съ тобой дѣла!...

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Ивашка и Устиновъ.

Устин. А! ты, братъ, здѣсь!... Ну, какъ наши дѣла?

Ивашка. (*въ сторону*). Ни къ чорту не годятся... (*Устинову*). Да ничего!... Только вы-бы сами, Григорій Петровичъ, переговорили, какъ-нибудь, съ Машей-то...

Устин. Ты, братъ, што-то на-послѣдки вилять началъ... Смотри, Ивашка!

Ивашка. Што вы, Григорій Петровичъ!... Я... то-ись, вотъ какъ бьюсь!...

Устин. Да ужь ты сколько времени бьешся, а толку все нѣтъ... А еще увѣрялъ меня: «Я,»—дескать,—«въ недѣлю всю музыку обработаю»... Вѣдь самъ-же ты говорилъ, што Маша меня любитъ, только ей стыдно разговаривать со мной, да встрѣчаться.... А то: «переговорить»!... Это-бы я и безъ тебя зналъ... да, вишь, она на меня козой смотритъ, близко не подпускаетъ...

Ивашка (*въ сторону*). То-то, братъ, и есть, што она Васютку Купрякова любитъ... А если я тебѣ и говорилъ, што она тебя любитъ, такъ это, братъ, сущая неправда... (*Устинову,—что называется «сорвалось»*). Да, знаете... дѣйствительно, козой смотритъ...

Устин. А какъ-же ты говорилъ?!... Ты это, братъ, што?!...

Ивашка (*въ сторону*). Вотъ такъ бухнулъ! .. (*Устинову*). Да... знаете... То-исъ, нѣтъ, знаете... (*Въ сторону*). Ну! совсѣмъ запутался...

Устин. «Да, знаете... то-исъ, нѣтъ, знаете»... Платокъ-то ей... шелковый—отдалъ?

Ивашка (*въ сторону*). Въ кабакъ заложилъ... (*Устинову*). Какъ-же, какъ-же, Григорій Петровичъ! .. Отдалъ, отдалъ...

Устин. Взяла?... И бусы взяла?

Ивашка (*въ сторону*). Все взялъ... зза полштофъ... (*Устинову*). Взяла, взяла, Григорій Петровичъ... И бусы взяла...

Устин. Што-же она говоритъ?

Ивашка (*въ сторону*). Ну! теперь привязался... (*Устинову—рѣшительно*). Вы вотъ што, Григорій Петровичъ... Вы не сумлевайтесь!... Ужь я какъ сказалъ, такъ и сдѣлаю! .. Ужь собью Машу!... (*Въ сторону*). Чорта два, собьешь... Она и разговаривать-то не хочетъ... Ужь только-бы мнѣ отъ него отвертѣться... А Машу и сбивать не буду, потому хорошо знаю, што она Ваську Купрякова ни на кого не промѣняетъ...

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ-же и **Маша** съ цѣлымъ хороводомъ дѣвушекъ.

Маша. Вотъ сюда, дѣвушки! Тутъ улица шире... Ну, давайте!... (*Берутся за руки, образуя кругъ; по-срединѣ круга становится одна изъ дѣвушекъ; кружатся и поютъ*):

Какъ по морю, какъ по морю,
Какъ по морю, морю синему,
Какъ по морю, морю синему,
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Плыла лебедь съ лебедятами,
Плыла лебедь съ лебедятами,
Со малыми, со малыми,
Со малыми со дѣтятами,
Со малыми со дѣтятами....

Устин. Развѣ и мнѣ подти, похороводиться (*идетъ къ дѣвушкамъ*).

Ивашка. Ну, слава тебѣ, Господи!

Устин. Здравствуйте, Марья Васильевна!

Маша. Здравствуйте. (*Дѣвушки перестаютъ кружиться и пѣть; безпорядочно смѣшиваются*).

Ивашка. (*Манитъ пальцемъ одну изъ дѣвушекъ*). Ослѣпла, дура.... Ага, узрила!...

Дуня. (*Подбѣгаетъ къ Ивашкѣ*). Ну, чего тебѣ?

Ивашка. Тебя тутъ одинъ.... приглашаетъ сегодня ... домовничать.

Дуня. Вотъ вишно новости!... Хто это такой?

Ивашка (*въ сторону*). То-то, кабы одинъ, а то цѣлыхъ трое... Пошлю-ка я ее къ волостному писарю... (*Дунѣ*). Иванъ Ивановичъ.., подешь?

Дуня. Вотъ вишно, выдумалъ!... Съ какой стати! (*Убѣгаетъ къ хороводу*).

Ивашка. (*Ей въ слѣдъ*) Врешь, подешь.... Избаловалась дѣвченка...

Устин. (*Заигрываетъ съ Машей*). Што это вы, Марья Васильевна, какъ-то все не ласковы со мной?

Маша. Отстаньте!

Устин. Напрасно, Марья Васильевна, пренебрегаете... (*Вѣжливо заигрываетъ*).

Маша. Говорю, што не лѣзьте!... Вотъ вишно, въ самомъ дѣлѣ!...

Ивашка. (*Кивая головой въ сторону Устинова*). Поиграй еще!... Это, братъ, тебѣ не Дунька.... Пожалуй и въ рожу заѣдетъ.

Устин. Гнушаетесь, значитъ, мною, Марья Васильевна!

Маша. Што мнѣ гнушаться!... Не лѣзьте, да и только!

Ивашка. Ей-Богу! она ему въ рожу заѣдетъ... А тогда ужь онъ ясно увидитъ, что я ему все навралъ... про любовь-то, про эту... Удти-ка отсюда, по-добру-по-здорову... А то она ему въ рожу, а онъ—мнѣ въ рожу!..Што-же тутъ хорошаго! (*Уходитъ.—Немного начинаетъ темнѣть*).

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же безъ Ивашки.

Уст. Я вамъ, Марья Васильевна, кажется, ничего худого не сдѣлалъ.... Худого слова, што-есть не говорилъ!..

Маша. Да што вы ко мнѣ постоянно вяжетесь?!.. Проходу не дасте!.. Скажу вотъ тятинькѣ.... Подемте, дѣвушки, на другое мѣсто!... Подемте!—да ужь скоро и по домамъ... (*Убѣгаютъ съ пѣснями*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е

Устиновъ одинъ.

Вретъ, должно-быть, все этотъ самый Ивашка.... Не любила она меня никогда и не любитъ!... Тоже нашелъ кому повѣрить... Ивашкѣ! (*Задумывается*) Да!... Все-то ужь все испыталъ—ничего не выходитъ!... До Ивашки дѣло дошло... (*Задумывается*) Эхъ! всю-бы я жизнь за нее!.. Все пропадай! — только-бы она была моя!... Просто силю и вижу ее. (*Задумывается*). Всѣ мѣры употреблю!!—а ужь сдѣлаю по своему!... А теперь пока нечего и печалиться... Увидимъ, што будетъ дальше... (*Задумывается, крутитъ усъ и медленно уходитъ со сцены*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Ивашка и Дуня.

Ивашка (*переходя рядомъ съ Дуней сцену и торопя ее*). Да шевелись же ты, шилохвостая!... Што ты—какъ неживая?.. Вѣдь Иванъ-отъ Иванычъ теперь, поди...ужь въ мелкіе кусочки изорвался... Ишь, торопится куда-то... А домовничать-то и не кому...

Дуня. Вотъ пшшо новости! Што ево такъ приспичило! Ишшо успѣетъ!..

Ивашка. «Успѣетъ«!... Стало-быть, приспичило, коли двухъ десятниковъ посылалъ... рразыскивать меня....

Дуня. Ну, не лопнетъ!

Ивашка. «Не лопнетъ»!... Онъ-то не лопнетъ... А какъ вдругъ што-нибудь такое?.. Тогда, значитъ, я отвѣчать должонъ?.. (*Они уже у самого выхода*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е

Тѣ-же и Ласточкинъ.

Ласточк. (*Бѣгомъ догоняетъ Ивашку и Дуню—и схватываетъ послѣднюю за руку*) Стопъ!!.. Ты, братъ, куда это ее сопровождаешь?! Вѣдь ты мнѣ честнѣйшее слово далъ!..

Ивашка. Къ...къ...вамъ, къ вамъ, Иванъ Ильичъ!.. (*Въ сторону*). Совсѣмъ пропалъ поваръ Ивашка...

Ласточк. Да развѣ я тамъ живу? Вѣдь я вонъ, гдѣ живу! (*Въ обоихъ случаяхъ показываетъ пальцемъ въ противуположныя стороны*).

Ивашка. Нѣтъ, къ вамъ, Иванъ Ильичъ... Што вы!

Дуня. Ну, да какже! Вѣдь ты сказалъ: къ Ивану Иванычу!

Ивашка. Фу, ты... Я говорю: къ Ивану Ильичу!

Ласточк. Да развѣ я тамъ живу?!

Ивашка (*словно и не слышитъ Ласточкина*). А ты говоришь: «къ Ивану Ильичу»... то-исъ—къ Ивану Иванычу»!

Ласточк. (*Положительно наступаетъ*). Да развѣ я въ той сторонѣ живу?!

Ивашка. (*Глупо*). А вы гдѣ живете?

Ласточк. (*Выпучивъ глаза*) Вотъ-те на!! Ты што, забылъ?!

Ивашка. (*Также глупо*). Должно-быть, забылъ.

Ласточк. У чорта на куличкахъ! (*Подхватываетъ Дуню подъ руку и ведетъ обратно*). Подемъ!

Дуня. (*Будто сопротивляется*) Это ишшо куда? (*оба уходятъ*).

Ивашка. (*Имъ въ слѣдъ*) Къ чорту на кулички... (*телитьетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Ивашка одинъ.

Вотъ тебѣ и «не лопнетъ»!... Теперь совсѣмъ лопнетъ... со злости... А ужь какъ онъ мнѣ наказывалъ эту самую Дуньку привести!.. И откудова чортъ выбросилъ это веретешко?!.. Вѣдь торопилъ шилохвостую! Нѣтъ, таки свое: «Што ево такъ приспичило» да «Не лопнетъ».... Вотъ тебѣ и «не лопнетъ»!.. Стало-быть, теперь я долженъ изъ-за нее лопаться....

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Ивашка, Купряковъ и мужикъ.

Муж. (*поспѣвая за Купряковымъ*). Значитъ, совсѣмъ ужь... покончили?

Купряк. (*торопливо переходитъ сцену*). Бѣгу по вино!... Совсѣмъ ужь!... Только вино осталось роспить! (*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Ивашка одинъ.

(*Смотритъ имъ вслѣдъ*). Што-бы это такое значило?... А, впрочемъ, развѣ и мнѣ подти вино расить... Можетъ, и не лопну... (*Уходитъ. Стемнѣлось*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Маша одна.

(*Осматривается по сторонамъ*). Никого нѣту... Все-таки тамъ подожду... Спрячусь... А то ишшо кто по улицѣ подетъ... (*входитъ черезъ разобранное прясло въ огородъ и прячется за цѣлымъ прясломъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Маша и Василій.

Вас. (*осторожно*). Маша!... Ты гдѣ?

Маша. Это ты, Вася? (*Оби садятся на жердяхъ разбросаннаго прясла*). Ты это какъ скоро?

Вас. Къ тебѣ-то-бы ишшо замѣшкался!... Да и новость тутъ одна есть... Сказать, што-ли, Маша?

Маша (*живо*). Какая, Вася, новость? Ну-ко, скажи.

Вас. Гм!.. Неужели сказать?

Маша. Да ужь ты постоянно только раздразнишь!... Видно, и новости-та никакой нѣту...

Вас. А вотъ и есть...

Маша. Ну, а есть, такъ скажи!

Вас. А поцѣлуй сто разъ!

Маша. Ой, какъ много!

Вас. (*снисходительно*). Ну, одинъ разокъ сбавлю.

Маша. Вотъ—«одинъ»!... Сбавь ишшо!

Вас. Дешево будетъ: новость-та важнецкая!

Маша. Ну, ладно, поцѣлую... скажи!

Вас. Нѣтъ, напередъ поцѣлуй! (*И, не ожидая согласія, принялся отсчитывать выряженную сумму поцѣлуевъ, на каждомъ шагу недобросовѣстно сбиваясь со счета*). Разъ... два... три... четыре.. три... четыре... пять... три... четыре... пять...

Маша. Што это, Вася! все: «три-четыре-пять»!

Вас. Немножко ошибся... пенарокомъ...

Маша. То-то—«пенарокомъ»!... Да поцѣлуй-же, какъ слѣдуетъ... а то—въ глаза!

Васпл. Будь безъ сумленья: ничего не пропустимъ! (*Цѣлуетъ нѣсколько разъ въ губы*).

Маша. Ну, будетъ!... Теперь сказывай!

Вас. Дай отдохнуть!

Маша. Ишь ты, замаялся, бѣдненькой! (*Встаютъ и идутъ на край сцены*).

Вас. А какъ! Тоже и это—работа!

Маша. Шибко ужь ты не лѣнивъ на эту работу!

Вас. У-у! меня поискать!

Маша. Да тебѣ, поди, и сказывать-та нечево?... Только поцѣлуи-та надо выманить...

Вас. (*въ сторону*). Какъ есть ничего не знаетъ!... Надо ее помучить... (*Машѣ, серьезно*). Нѣтъ, Маша, есть. Тятинька говоритъ, што меня нынче осенью женить хочетъ.

Маша. Осенью?!. Ну, мнѣ къ той порѣ ужь и года выйдутъ: на третій день послѣ Спаса-Преображенья именинница буду: семнадцатый наступитъ... (*Другимъ тономъ*). А если на мнѣ не посватаются?

Вас. Ну, вотъ!—«не посватаются»!... Ихно дѣло—женить... а ужь жениться-та — мое дѣло! На которой захочу, на той и женятъ... Про тебя тоже никто худого не скажетъ... Какую ишшо надо невѣстку?!

Маша. Власть-то родительская, Вася...

Вас. Ахъ, ты, право-ну! Да тятинька-та ишшо радъ будетъ! Прекрасно хорошо знаетъ, какая ты есть!... А я-то рази женюсь на другой?! Ты это пойми!... Да я лучше.. ну, ужь не знаю, што! (*Маша совсѣмъ успокаивается*).

Маша. А я-бы тогда—знаешь, што, Вася?—я-бы въ монашки пошла... Нѣтъ, я-бы утопилась!... Право, утопилась-бы!

Вас. Нѣтъ, Маша, ничего не бойся! Потому намъ обоимъ капутъ, ежели насъ не пожепятъ... Ну што новость-та... важная?

Маша. (*крѣпко обнимаетъ Василья и цѣлуетъ*). Важная...

Вас. То-то!... А вѣдь я тебѣ совсѣмъ не эту новость-та хотѣлъ сказать... Это ужь такъ... придумалъ

Маша (*отчаянная*). Вотъ, опять... Ну, ужь, Вася...

Вас. Да ты што это? Вѣдь другая-та новость ишшо лучше!

Маша (*живо*). Какая, Вася?... Ну-у! Вася, скажи!...

Вас. (*въ сторону*). Ага, што!... Пробѣгала сегодня... вотъ ничего и не знаешь... (*Ей*). А тятинька-то съ маменькой, да ишшо съ крестной... давеча къ вамъ пошла... такъ солнышко подъ закатъ— ты гдѣ была?

Маша. Да они мнѣ навстрѣчу попали: я въ хороводъ побѣжала.... А потомъ у Груняшки чай пила... Ну, а тутъ ужь ты и велѣлъ мнѣ здѣсь подождать.

Вас. А ты знашь, пошто они къ вамъ пошли?

Маша. Да—«пошто»? Въ гости.

Вас. А вотъ и не въ гости!

Маша. Ой, Вася! Кто-то идетъ! (*Оба убѣгаютъ и прячутся за прясло*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ-же (*за прясломъ*), **Купряковъ** и мужикъ.

Куприк. (*переходитъ сцену съ большимъ туясомъ въ рукахъ*). Вотъ, братъ, Микалай, спасибо!... Гдѣ-бы мнѣ одному эдакихъ два туяса унести!

Муж. (*идетъ рядомъ съ Купряковымъ; тоже несетъ туясъ*). Ну, вотъ! Пошто не пособить!.. Я, братъ, завсегды! (*Ставитъ туясъ на землю*). Чижело, слышь... право-ну!

Куприк. (*тоже ставитъ туясъ на землю*). И вирямь, отдохнуть.

Муж. Ну, братъ, ты и винишша этого набралъ!

Куприк. Нельзя: всѣ сусѣди собрались!.. Тоже эко-то дѣло не часто бывать... Надо всѣхъ угостить... Погулямъ, братъ, Микалай!

Муж. Я, значитъ... Почему не выпить!

Куприк. Ну, братъ, отдохнули! (*Берется за туясъ*).

Муж. Вѣрно, отдохнули! (*Оба съ туясьями, уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Василій и **Маша**.

Маша (*выходя на край сцены*). Это, Вася, куды-же дядюшка-та Ермило эстолько вина понесъ?

Вас. (*съ серьезной важностью*). А, видишь, какое дѣло... Это я тебѣ все по порядку разскажу... У это, значитъ, у дядюшки у Ермила... сынъ есть... Васькой зовутъ... Не знашь-ли экова?... Ну, вотъ, онъ и пошелъ... съ виномъ-то, значитъ... тутъ къ одному хрестьянину.... къ Василію Андреичу Подосинову.... Вотъ, какая штука... А у Василья-та Андреича—дочь.. такая красавица!... Машей зовутъ... Вотъ оно, дѣло-то, какое... Ну, значитъ, они эту самую Машу.... какъ-бы это тебѣ, значитъ, сказать... штобы не соврать?.... Ну, прямо скажу: будутъ пропивать за Ваську замужъ!... Вотъ эта и есть новость-та!...

Маша (*застыдилась*). Ой! не ври! не ври! не ври!.. Ой, Вася! какой стыдъ отъ людей-то!... Мнѣ што-есть тебя стыдно!... Да ты, поди, все это врешь!... Какъ-же это безъ насъ-то?

Вас. Да ужь тебя они теперь и такъ потеряли... А я-то.... знаютъ, што приду!

Маша. Сегодня, значитъ и рукобитье будетъ?

Вас. А когда-же?... Ну, ужь я тебя тамъ и поцѣлую-же... при всѣхъ!

Маша. Ты-бы только цѣловался! (*А сама охватила его руками и цѣлуетъ*)

Вас. (*цѣлуетъ*). Не такъ пшшо! (*Еще цѣлуетъ*). И не эдакъ!

Маша. Ну, да пшшо какъ?! И такъ всю раздавилъ!...

Васил. Ну, Маша, подемъ... А то они и въ самомъ дѣлѣ ждутъ.

Маша. И правда подемъ.... Только я въ избу-ту напередъ зайду, а ты—маленько погодя.... А то пшшо тятинька осердится.... Скажетъ: «гдѣ это они вмѣстѣ были»?....

Вас. Ну, ладно, ладно, Маша... побѣгай... Нѣтъ пшшо маленько поцѣлуй! (*Цѣлуются.—Маша убѣгаетъ, а Василій уходитъ тихо*).

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Никулинъ и **Устиновъ**, *выходятъ съ противоположныхъ сторонъ и встрѣчаются на сценѣ.*

Устин. Не къ Подосинову-ли, Иванъ Иванычъ, на просватанье?

Никул. Какъ-же, какъ-же... приглашали... Надо задти!... А ты, небось, убитъ? Улыбнулась Маша-то!

Устин. (*со вздохомъ*). Што подѣлаешь. Иванъ Иванычъ!... Сейчасъ только узналъ, што у нихъ просватанье... Да и жениха съ невѣ-

стой видѣлъ... вотъ только-что на встрѣчу попали: другъ за другомъ идутъ... Темно... да кажется, што они... (*въ сторону*). Ужь сломлю же я этому Васькѣ Кунрякову голову!

Никул. Надо, братъ, утѣшиться... Есть и кромѣ ее дѣвушки..

Устин. Нѣтъ, Иванъ Иванычъ, ужь ежели которая полюбится, такъ краше ее и въ свѣтѣ нѣтъ!... Да ужь, видно, такое мнѣ счастье... Не судьба!

Никул. Вишь, соперникъ-то ужь очень опасный у тебя!... Прямо надо сказать, что если-бы не онъ—была-бы она твоя! На селѣ-то пожалуй, кромѣ его, не кому съ тобой потягаться... А ты вотъ, чѣмъ голову-то вѣсить, подемъ-ка лучше со мной... Небось, тамъ есть чѣмъ горе-то залить!

Устин. Нѣтъ ужь, Иванъ Иванычъ.... Только вотъ не спится... шу и пляюсь...

Никул. Надо, братъ, утѣшиться!... До свиданья!... А женихъ-то, братъ, съ невѣстой, дѣйствительно, парочка подобралась!... Видно, правду говорятъ, что «кому на комъ жениться, тотъ въ того и родится»... Ну, до свиданья, до свиданья! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Устиновъ одинъ.

Ничего я не подѣлаю! Все пропало!... И головы мнѣ Васькѣ Кунрякову не сломить .. Раньше для меня, бывало, человѣка ухлопать все-одно, что плюнуть... А какъ увидѣлъ ее—куда и смѣлость дѣвалась: не то—боязно, не то—жалко всего стало... и самъ не разберу... Все равно, какъ будто это и не я... Фу-ты, Боже мой! Даже не вѣрится, што ее просватываютъ!... И какъ это такъ... вдругъ!...

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Устиновъ и Ивашка.

Ивашка (*подходитъ къ Устинову и присматривается*). Тутъ кто это?

Устин. Убирайся ты къ чорту!

Ивашка (*струсилъ, но будто не слышитъ. Невинно*). А! это—вы, Григорій Петровичъ? (*Торопится обратно*). Надо уходить по-

скорѣе, а то ишшо убьетъ, эдакой верзило... Дастъ по зубамъ, зубы-та и вылетятъ. (*Останавливается*). Ну, теперь не боюсь: идетъ кто-то.

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ-же и **Дуня.**

Ивашка (*присматривается къ Дунѣ*). Тутъ кто это?

Дуня. А тебѣ што? Ты што это по ночамъ шляешься?

Ивашка. Да вѣдь и тебѣ солнышко-то не свѣтитъ... тоже по ночамъ шляешься...

Дуня. Небось, по неволѣ...

Ивашка. То-то—и оно-то!... И я тоже по неволѣ... Ты-бы поглядѣла, какъ меня давеча Иванъ-отъ Иванычъ за воротникъ трясъ!... А все изъ-за тебя!... Говорилъ тебѣ, што—«иди ты скорѣе!» Нѣтъ, таки-свое: «Што ево приспичило» да «не лопнетъ»... Онъ-то не лопнулъ... на просватанье къ Подосинову пошелъ... А воротникъ-отъ у меня—погляди-ко!—сразу въ трехъ мѣстахъ лопнулъ...

Дуня. Эка важность—«воротникъ»! (*Кивая головой на Устинова*). Тамъ это кто стоитъ?

Ивашка (*словно боясь, что его Устиновъ подслушаетъ*). А это Григорій Петровичъ Устиновъ... Ишь... задумался—и стоитъ..

Дуня. Здравствуйте, Григорій Петровичъ!

Устин. Здравствуй.

Дуня (*язвительно*). Вы это какъ-же не на просватаньѣ?

Устин. На какомъ это просватаньѣ?

Дуня. А Машу-ту за Васютку Куприкова просватываютъ... Вы вѣдь Машу-ту, люди-ко, знаете... Али мало-мало?

Устин. Какъ не знать... А вотъ ты, такъ ужь и о просватаньѣ знаешь! Когда-же это ты усиѣла?... Вѣдь ты тоже на просватаньѣ... у Ласточкина была...

Дуня. А вы почемъ знаете?

Устин. Сорока на хвостѣ принесла... Ты-же вотъ знаешь откудова-то, што у Подосинова просватанье...

Дуня. Вамъ сорока, а мнѣ люди сказывали.

Устин. Ну, што-же? Просватанье, такъ просватанье... Не всѣмъ-же тамъ быть... (*направляется къ выходу*). Ты вотъ тоже не на просватаньѣ... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 19-е.

Тѣ-же безъ **Устинова.**

Дуня (*вслѣдъ Устинову*). Ишь ты, фря какая! Фу-ты, ну-ты! (*Хочетъ идти*).

Ивашка (*крѣпко ухвативъ ее за руку*). Ну, ужь теперь-то ты отъ меня, голубушка, не отвертишься! Ужь теперь я тебя прямо къ Ивану Иванычу на фатеру предоставлю.

Дуня. Да вѣдь онъ на просватаньѣ!

Иваш. Ну, подождешь!... Тоже и ты не лошешь... Што тебя эдакъ приспичило?.. На-што-же ему и домовница, ежели-бы онъ самъ дома былъ?!...

Дуня. Да онъ, можетъ, тамъ загуляется. да и домой не придетъ.

Иваш. Не безпокойся! Онъ свое дѣло тонко знаетъ... Ужь не задержитъ домовницу!

Дуня. Да што ты меня не отпускаешь? Я и такъ пойду! (*вырывается и убѣгаетъ*).

Иваш. (*вслѣдъ ей*). Постой!... Держи!.. Постой!... Держи!... (*Пляшетъ на мѣстѣ*).

ЯВЛЕНІЕ 20-е.

Ивашка одинъ.

(*Глядитъ Дунѣ вслѣдъ*). Ахъ, штобъ розорвало, сорока шилохвостая!... Вотъ-те и остался на бобахъ!... Теперь онъ мнѣ воротникъ-отъ—напрочь оторветъ! Значитъ. я изъ-за нее долженъ безъ воротника остаться!

ЯВЛЕНІЕ 21-е.

Ивашка и Ласточкинъ

Ласточк. (*подкрадывается къ Ивашкѣ сзади и кричитъ надъ самымъ его ухомъ*). Ивашка!

Ивашка (*вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ*). Ну-у!!... А, штобъ тебѣ околѣть!

Ласточ. Ххa-ха-ха-ха-ха!!... Подемъ на просватанье! .. Одному-то скучно, а ты, хоть и поваръ Ивашка, да все-таки живое существо.

Ивашка. Да ужь теперь какое-же просватанье? Ужь все, поди, просватали...

Ласточ. На пасъ съ тобой хватитъ! (*Идутъ*).

Ивашка (*въ сторону*). Вотъ кабы не воротникъ... Э! да вѣкъ съ воротникомъ не проживешь! (*Уходятъ*).

—

ЯВЛЕНІЕ 22-е.

Два мужика, *пьяные*; *переходятъ сцену, что называется «шагъ впередъ, да два назадъ»*

1-й муж. Ну, да и вишишша это выжрали... страсть!

2-й муж. Не поскупился Ермило Ермиловичъ... мужикъ щедрый!

1-й муж. Звонъ—што народу напоилъ!

2-й муж. Совсѣмъ, братъ, у меня ноги не дѣвствуютъ...

1-й муж. И у меня, братъ, тоже не дѣвствуютъ. (*Показывается луна*).

—

ЯВЛЕНІЕ 23-е.

Тѣ-жѣ, Никулинъ, Купряковъ, Анна Федоровна, Фекла Ермиловна, Василій и еще бабы и мужики; *всѣ пьяные; входятъ шумно.*

Купряк. (*мужикамъ*). Вы это все-то пшшо идете?!

2-й муж. Ноги пьяны, Ермило Ермиловичъ.

1-й муж. Ниу, братъ!... То-пись, во-какъ блаодарны!

Анна Фед. и Фек. Ерм. (*поютъ вмѣстѣ*):

Во пиру-то была,
Во бесѣдушкѣ,
Ой, я не медъ-то пила,
Да я не патоку!...

Купряк. (*Василью, у котораго туясъ съ водкой и чайная чашка*). Давай-ко, Васька, подноси всѣмъ!... Гуляй православные! (*Василій всѣхъ обноситъ водкой. — Всѣ до одного человѣка поютъ; пьяные мужики страшно рознятъ*).

Я пила-то, млада,
Сладку водочку,
Ой, сладку водочку,
Да все вишневочку!
Ой, да ужь я лѣсомъ-то шла—
Не боялася

Ой, чистымъ полемъ-то шла—
Да не шаталася-а-а-а-а-а!

(*Шумъ, хохотъ, восклицанія*).

Куприк. Ну, Васька! Засватали весело!... Дай, Богъ, чтобы тебѣ и жизнь веселая была!!

Всѣ. Дай Богъ!! (*За сценой раздается:* Дай Богъ!!).

ЯВЛЕНІЕ 24-е.

Тѣ-же, Ласточкинъ, Ивашка и еще трое мужиковъ; *послѣдніе пятеро, прокричавъ за сценой: «Дай Богъ!», тотчасъ-же бѣгомъ влетаютъ на сцену. Ивашка ковыляетъ сзади, кричитъ и машетъ шапкой.*

Всѣ. Дай, Богъ!! Дай, Богъ!! Уррра-а-а-а-а-а!!!

Куприк. Да, старики! Жизнь прожить—не поле передти!

Голоса. Это точно! — Што и говорить!—Правда, правда!

Фек. Ерм. (*которой Василій подаетъ водку*) Ой, да што это, Васинька! Я ужь и такъ пьяна!

Ан. Фед. Ну, што это, золовушка! Выкушай!

Фек. Ерм. Ой, што ты, невѣстушка! Ты погляди, какъ я пьяна!

Ан. Фед. Ой, да што это! Да вы-ы-ыкушай!

Фек. Ерм. Ужь и не знаю .. (*беретъ и выпиваетъ цѣлую чашку*).

Ивашка. Ну, ужь истинно, Ермило Ермиловичъ!.. Ужь парочка!... Ужь, истинно парочка!

Куприк. Это ты про моего Василья, да про Машу-ту?

Ивашка. А то про кого-же?.. Про нихъ, про нихъ!.. Сердцемъ радуюсь... сердцемъ!

Куприк. Да, братъ, парочка!.. (*Съ добродушной пропой*) Небось, у меня Васька... пожалуй, не хуже и Устинова будетъ!.. Какъ ты объ этомъ полагаешь?

Ивашка (*въ сторону*). И тутъ влопался поваръ Ивашка... Ахъ, я, старая табакерка!... Ужь, подлинно, старая табакерка! (*Куприкову*). А чѣмъ онъ его хуже!.. Нисколько не хуже!

Куприк. Ты што-же, Василій, Ивашку-ту обходишь?!

Вас. Нѣтъ, тятенька, я ему подавалъ... ни разу не обходилъ.

Ивашка. Ахъ, Ермило Ермиловичъ!.. Рубаха—человѣкъ!!.. Нѣтъ, нѣтъ, онъ меня не обходитъ! Ишь, какъ я назюзюкался!

Куприк. Всѣмъ подноси, Василій!! Всѣмъ!!... Гуляй, православные!! Не спѣсивтесь!!

Голоса. Много довольны!— И такъ ужь, Ермило Ермиловичъ!...—Много довольны!...

Ап. Фед. Нейте, люди добрые!!... Слава Богу! сынка выростили, невѣсту высватали!!.. Только бы Господь счастья послалъ! (*Шумъ, пожеланія*). Штобы въ эдакой день, да не погулять!! (*Среди шума, поетъ, хлопаетъ ладошами и пляшетъ*).

Я посѣю лебеду на берегу!

Нѣсколько женскихъ голосовъ подхватываютъ:

Я посѣю лебеду на берегу.—
Свою крупную разсадушку!

Всѣ *подхватываютъ и пляшутъ; пьяные мужики, въ сторонѣ, уморительно присѣдаютъ. Въ центрѣ: Купряковъ, Анна Федоровна, Фекла Ермиловна, Никулинъ, Ласточкинъ, молодой мужикъ и двѣ молодыхъ бабы. Ивашка, по старой памяти, старается отхватить хорошенько, но у него—то очень хорошо, то — ужь очень смѣшно выходитъ. Онъ: то попадаетъ въ самый центръ пляшущихъ, то оттираетъ или въ сторону, противоположную той, въ которой присѣдаютъ мужики, — и уже пляшетъ тутъ «самостоятельно», не обращая ни на кого вниманія. Василій стоитъ на самомъ краю сцены, глядитъ на всѣхъ и добродушно улыбается.*

Ой, жги, жги, жги, говори—
Рукавички барановыя!
Ррукавички барановыя.
За нихъ денежки не-даваныя!

Женскіе голоса: Кабы мнѣ, младой, ворона коня,—
Я-бы вольная казачка была!

Всѣ: Ой, жги, жги, жги, говори—
Рукавички барановыя!
Ррукавички барановыя,
За нихъ денежки недаваныя!

Въ самый разгаръ пляски: громкій продолжительный свистъ и восклицанія: Браво-о-о!! Жарь!!! Черпай!!!... и т. п.

Занавѣсъ быстро опускается.

Дѣйствіе третье.

ПРОВОДЫ.

Изба крестьянина средней зажиточности.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Купряковъ *въ шубѣ и съ шапкой въ рукахъ;* Анна Федоровна, Василій—*сидитъ повѣсивъ голову* и Маша—*стоитъ около Василья и тихо плачетъ.*

Купряк. *(подходитъ къ Машѣ и кладетъ ей на плечо руку).* Да полно-же ты плакать-та! Вѣдь ты и такъ всѣ глазаньки выплакала!

Ан. Фед. *(сама вытираетъ слезы передникомъ).* Полно, Машинька, полно!

Купряк. Што-же!.. Не онъ первый, не онъ послѣдній!

Ан. Фед. Слезами горю не поможешь, матушка...

Купр. (*отходитъ отъ печи и безнадежно машетъ рукой*). Э-эхъ!... Какъ узнала, што Василья забрили—и залилась!... Да съ тѣхъ самыхъ поръ и глазъ не осушаетъ!... Вотъ ужь два мѣсяца... изо-дня-въ-день!... (*Василью*). Будетъ тебѣ, Василій!... Надо-же и къ тестю да къ тещѣ сходить... Надо со всѣми проститься.

Маша. Я, тятинька, то-же пойду съ Васей... къ нашимъ.

Купряк. Всѣ подемъ!.. Неужели онъ подетъ, а мы останемся!.. Сегодня-то намъ на ево только и насмотрѣться!... А тамъ... Богъ знать, што будетъ...

Вас. (*вставая*). Ну, дакъ што-же.. подемте.. (*Въ сторону*) Кабы не Маша—и думать-бы не объ чемъ!.. Царю—отечеству не грѣхъ послужить... Люди-же служатъ... (*Василій, Маша и Анна Федоровна одѣваются у двери*).

Купряк. (*идетъ на край сцены*) Ну, што я тепереча должо́нъ дѣлать?!... Не взяли-же вотъ Спиридонова Гришку... али Стенку Феранонтова!... А у меня послѣдняго взяли!... Теперь—какъ хошь, такъ и живи... Женилъ... тратился... Куды я теперь съ эдакой семьей?!... Оно и есть чѣмъ покудова жить, да вѣдь на долго-ли всего этого хватитъ!...

Вас. Ну, батюшка, мы совсѣмъ!

Куприк. (*продолжаетъ*). Послѣдняго сына... послѣдняго польща-кормильца взяли!... (*Поворачивается къ выходу*). Иду, иду, Вася! (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Ивашка одинъ.

(*Входя*). Миръ вамъ и мы къ вамъ!... (*Осматривается*). Кому миръ и къ кому я?!... Пусто, какъ у обѣдни! (*Смотритъ въ другую комнату*). У-у-у!! А тутъ набито, какъ въ кабакѣ!... Танька! Манька! Гришка! Мишка!... Куда это у васъ всѣ провалились?

Дѣтскій голосъ за сценой. Къ свату прощаться ушли.

Ивашка (*оборачивается*). А!... Ну, подождемъ... Нельзя, надо и мнѣ проститься съ Васильемъ.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Ивашка, Никулинъ, Ласточкинъ и Устиновъ.

Никул. (*тащa за руку Устинова*). Да иди-же! Что тебя съѣдятъ, что-ли, тутъ?... Ужь коли изъ дому вмѣстѣ пошли, такъ и домой надо вмѣстѣ. . Долго-ли задти, попрощаться!... Вотъ попрощаемся, да и подемъ всѣ... Тромъ-то все-таки веселѣе... (*Осматривается*). Да тутъ никого и нѣту!

Ивашка. Хозяевъ-то дѣйствительно, нѣту... А штобы совсѣмъ никого, такъ это напрасно, потому што я здѣсь.

Ласточк. Ахъ, ты, чучело гороховое!

Ивашка. Развѣ, што чучело... Ну, такъ тогда и правда, што здѣсь никого нѣту...

Никул. Гдѣ-же хозяева-то?

Ивашка. Къ свату прощаться ушли.

Никул. Давно?

Ивашка. Да ужь вотъ я сколько времени жду...

Никул. А ты чего ждешь?

Ивашка. Какъ «чего»?!... Надо-же съ Васильемъ-то проститься!

Ласточк. Вотъ чучело!

Ивашка Опять и чучело! (*Въ сторону*). А самъ-отъ чистое веретёшко... На живомъ мѣстѣ дыру просверлитъ...

Никул. Да, плохо будетъ безъ мужа молодой солдаточкѣ!

Устин. Марьѣ-та Васильевиѣ?

Никул. Именно ей!... Ужь очень она любитъ своего Василья!

Ласточк. Да, ужь, дѣйствительно!

Ивашка. Ужь, дѣйствительно!

Устин. *(въ сторону).* А я-то се какъ люблю!... Ужь не судьба-ли мнѣ помогаетъ, что Василья въ солдаты взяли?... Если-бы!...

Никул. Вотъ присватывайтесь-ка безъ мужа-то къ ней... *(подмигиваетъ).*

Устин. Гдѣ ужь намъ, Иванъ Иванычъ!...

Ласточк. А вѣдь это вы вѣрно, Иванъ Иванычъ... про льготу-то второго разряда... прошлый разъ!..

Никул. Ужь чего вѣрнѣе!

Устин. А што такое, Иванъ Иванычъ?

Никул. Да тутъ... на счетъ закона ..

Устин. Можно полюбопытствовать?

Ласточк. Разскажите ему, Иванъ Иванычъ.

Ивашка (*на котораго никто не обращаетъ вниманія*). Разскажите, Иванъ Иванычъ... разскажите!

Никул. *(обращаясь къ Устинову).* Да дѣло вотъ въ чемъ. Законъ говоритъ такъ: «призываемый, при отцѣ, способномъ къ труду и братьяхъ моложе восемнадцати лѣтъ отъ роду,—пользуются льготою второго разряда»... Далѣе: «способными къ труду считаются лица мужескаго пола отъ восемнадцати до пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду»... (*Скороговоркой*) за исключеніемъ тамъ калѣкъ и прочаго... *(Прежнимъ тономъ).* Потомъ такая вещь: «единственный сынъ въ семьѣ, во всякомъ случаѣ, пользуется льготою перваго разряда» .. А нужно замѣтить, что льготныхъ перваго разряда нельзя брать въ солдаты... ни при какихъ обстоятельствахъ! А второго—можно... Понимаете?

Устин. Понимаю, понимаю.

Ласточк. Ну, дѣло ясное!

Ивашка. Ясное дѣло!

Никул. Но вѣдь изъ этого что́ можетъ выдти?!

Устин. Да... што-то... тово...

Ивашка. Ужь именно, Иванъ Иванычъ—«што можетъ выдти»!... Ужь именно!... (*Въ сторону*). Попробовалъ-бы онъ меня спросить:

што, молъ, это такое — «именно»?—Я-бы завертѣлся, какъ карась на сковородѣ...

Ласточк. *(указывая на Устинова)*. Да вы, Иванъ Иванычъ, думаете онъ что-нибудь понялъ?! *(Въ сторону)*. Я-то теперь хорошо понимаю, потому что онъ мнѣ разжевалъ... (*Ивашкѣ—совершенно неожиданно, словно не желая конфузить Устинова)*. Ну, а ты?... Что-же это такое—«именно»!

Ивашка *(въ сторону)*. А штобъ-те языкъ отсохъ! *(Ласточкину)*. Да какъ бываетъ «именно»!... Вотъ тебѣ и «именно»!

Ласточк. Хха-ха-ха-ха-ха!.. Ахъ, ты, чучело гороховое!

Никул. (*продолжая*). А вотъ что можетъ выдти. Я, напримѣръ, долженъ идти къ призыву въ будущемъ году. У меня: отецъ —пятидесяти четырехъ лѣтъ, мачиха еще способная къ дѣторожденію и цѣлыхъ пять маленькихъ сестеръ... Стало-быть, я, какъ единственный сынъ въ семьѣ, пользуюсь льготою перваго разряда, и вполнѣ спокоенъ, что ужь въ солдаты не уйду... Только вдругъ--можете себѣ представить!--моей мачихѣ—чортъ-бы ее побралъ! приходитъ дурацкая фантазія разрѣшиться двойнями... Ну, что ты на это скажешь?!

Устин *(не понимая вопроса)*. Я, право... што-же?... двойни!

Ивашка. Двойни, двойни, Иванъ Иванычъ... Двойничковъ Богъ далъ...

Никул. Да не въ этомъ дѣло! Двойни-то они—двойни... Это ужь не подлежитъ никакому сомнѣнію... Но вѣдь меня до этихъ двойней... нельзя было взять въ солдаты?!

Устин. Знаю, што нельзя.

Никук. Ну, а послѣ того, какъ они народились, какъ ты думаешь... можно?

Ивашка. Какъ можно, Иванъ Иванычъ!... Што-вы!... Нельзя, нельзя!

Устин. Тѣмъ больше нельзя... потому што еще два рта прибавилось.

Никул. А вотъ въ томъ-то и штука, что можно!

Ласточк. Хха-ха-ха! Вотъ въ томъ-то и штука, что можно!!

Устин. *(Крайне удивленный)*. Это какъ-же такъ?!

Ивашка. Какъ-же это такъ?!

Никул. А двойничковъ-то мачихѣ чортъ надавалъ?!... Забылъ, что-ли?

Ивашка Нѣтъ, што-вы!... Какъ можно двойниковъ забыть!

Устин. Ну, такъ што-же изъ этого?

Никул. Такъ вѣдь одинъ-то изъ нихъ мнѣ единокровнымъ братцемъ приходится!

Устин. Какой-же это братецъ?!

Никул. Что-жь онъ... сестричка, что-ли?!... Сестричка-то, братъ, своимъ чередомъ!...

Устин Знаю, што не сестричка .. такъ вѣдь ему не восемнадцать лѣтъ!

Ивашка. Ну, какіе-же восемнадцать!

Никул. Мо-ло-же!... Восемнадцати-то-лѣтнихъ не только мачихи, а и родныя матери не носятъ...

Устин. Какое-же ему «моложе восемнадцати лѣтъ»?!

Никул. Что-жь, по твоему... старше, что-ли?!

Устин. Да ему совсѣмъ никакихъ лѣтъ нѣту!

Ивашка. Совсѣмъ... совсѣмъ...

Никул. Да хоть-бы и того меньше! Все-таки вѣдь онъ моложе восемнадцати-то лѣтъ? (*Иронически*). Моложе или нѣтъ?!

Устин. Ну, понятно, моложе.

Никул. А законъ-отъ помнишь? Вѣдь тамъ только и сказано, что—«моложе»... а больше ничего!... Ты думаешь, моложе восемнадцати, такъ, значитъ... ну, эдакъ—семнадцати-шестнадцати? .. Нѣтъ, братъ, только и есть, что «моложе»... Понимаешь теперь?

Устин. Да ужь теперь понимаю.

Никул. Ну, такъ какъ?

Ласточк. Ну, такъ вотъ и раскуси!

Ивашка Да!.. Вотъ и раскуси!

Устин. Да... Это я все понялъ...

Никул. Вотъ и у Ермила Ермиловича такая-же исторія. Не будь у него двухъ карапузиковъ... или родись онъ самъ—однимъ только денькомъ раньше,—Василій-то-бы и не ушелъ!

Устин. Такъ вотъ почему Василья-то Ермиловича забрили!

Никул. Да, братъ!.. Вотъ почему!... А каково отцу-то?! Не жаль?! (*Въ сторону*). Оно, чортъ побери, и мнѣ жаль: денежки-то вернуть пришлось ..

Устин. (*Не будучи въ состояніи сочувствовать*). Какъ не жаль.. Не дай, Богъ.. (*Въ сторону*) Ужь подлинно, што сама судьба мнѣ помогаетъ... Какъ узналъ я, што ево забрили...: «ну»,—думаю,—«што-то будетъ?»... Да... што-то будетъ?...

Ивашка. (*Подходитъ къ самому лицу Никулина*). Ну, Иванъ Иванычъ!... какъ это вы посказали,—такъ ужь, дѣйствительно, удивленье!... Ужь, дѣйствительно, удивленье!...

Ласточк. Даже Ивашка—и тотъ удивляется!

Ивашка. Да я што... изъ кирпичей, што-ли, сдѣланъ,—што имъ и не удивляться?

Ласточк. Ахъ, ты, шутъ гороховый!

Ивашка. А ты—веретешко!

Ласточк. (*Съ напускной серьезностью*). Ты какъ смѣешь меня тыкать?!

Ивашка. Да ты ужь меня всего испротыкалъ... живого мѣста нѣту... да вѣдь я ничего...

За сценой два голоса: Полна, Ванюшка, тужить!
Ни одинъ будишь служить:
Будитъ Мишка, будитъ Гришка...

Одинъ голосъ: Стой!!!...Заворачивай!!

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же и два рекрута—*не столько пьяные, сколько напускаютъ на себя.*

1-й рекр. Честно́й капнаньѣ!... Наше, съ пальцемъ!

2-й рекр. И съ лукомъ!

1-й рекр. И съ перцомъ!

Ивашка. Ну, наскажите!... Ишшо—«съ простоквашей!»

Никул. (*Стисходительно*). Что, ребята... послѣдній денекъ вамъ осталось погулять?

1-й рекр. Послѣдня у попа жена, Иванъ Иванычъ!

2-й рекр. Такъ точно, Иванъ Иванычъ!

Никул. О-го! Ты ужь, братъ, по солдатски!

2-й рекр. Потому—тахтику понимамъ!

1-й рекр. А гдѣ-же Васюха?

Ивашка. Къ тестюшку проститься ушелъ.

1-й рекр. Давно?

Ивашка. Да ужь вотъ я сколько времени жду!

1-й рекр. А ты чего ждешь?

Ивашка Какъ «чего»?... Надо-же съ Васильемъ-то проститься!

1-й рекр. А-а!... Доброе дѣло...

Ласточк. Ну, какъ-же ты не чучело гороховое?!... Очень ты ему нуженъ!... Вотъ чучело полосатое!

Ивашка. Заладила сорока про Якова...

Устин. (*Послѣ раздумья, въ сторону*). Всѣ мѣры употреблю, а ужь будетъ-таки она моя! Не будь я Сергѣй Бобковъ, ежели не сдѣлаю по своему!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же, Купряковъ, Анна Федоровна, Василій, Маша и Фекла Ермиловна.

Куприк. (*Привѣтливо*). А!... Здравствуйте, здравствуйте, гости дорогіе!

Никул. Вотъ и вы, наконецъ! А мы ужь тутъ цѣлый часъ ждемъ!

(*Всѣ здороваются; Василій и Маша, молча всѣмъ поклонившись, уходятъ въ слѣдующую комнату*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же безъ Василья и Маши.

Устин. (*Толкаетъ Никулина въ бокъ локтемъ*). Надо-бы, знаете, уходить... Неловко: я у нихъ никогда не бывалъ.

Никул. (*Купрякову*). Да Василій Ермиловичъ куда это скрылся?... Мы вѣдь ужь, и въ самомъ дѣлѣ, давненько здѣсь... Надо-бы, знаешь-ли, попрощаться, да и домой пора...

Куприк. (*Въ дверь, за которою скрылись Василій и Маша*) Василій!... (*Никулину*). Сейчасъ придетъ.

Никул Ну, вотъ и отлично!... А то мы тутъ, знаете, и такъ заболтались...

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ-же и Василій, *въ одной поддевкѣ*.

Никул. Ну, Василій Ермиловичъ!... желаю вамъ всего хорошаго .. чинъ генеральскій!

Вас. Ну, ужь и сенаторской, Иванъ Иванычъ! Хоть-бы изъ солдатовъ-та не разжаловали... (*Жмутъ другъ другу руку*).

Ласточк. Всего хорошаго, Василій Ермиловичъ! (*Жметъ ему руку*).

Вас. Покорно благодарю!... Счастливо оставаться!

Устин. Дай вамъ, Богъ... (*Запинается и жметъ руку*).

Никул. Да, братъ. Ермило Ермиловичъ!... Ничего не подѣлаешь!... До свиданья!

Куприк. Э-хъ! Иванъ Иванычъ!... До свиданья. (*Никулинъ, Ласточкинъ и Устиновъ со всѣми прощаются и уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣже-же безъ Никулина, Ласточкина и Устинова.

Куприк. Да-а... Теперь—такъ вотъ: «ничего не подѣлаешь»... А еслибы не ты, такъ я-бы ево, по крайности, хоть не женилъ до при-

зова... Обнадежилъ .. Изъ городу-ту пріѣхалъ, такъ говоритъ: «и-и не думай!... жени»,—говоритъ... Вотъ тебѣ и женилъ!... Э-эхъ! да ужь все къ одному!...

1-й рекр. Што ты, Василька, не веселъ, што ты голову повѣсилъ?!

2-й рекр. Полна, Василька, тужить: ни одинъ будишь служить!

Вас. Какое ужь тутъ, ребята, веселье!..

1-й рекр. Эхъ, братъ, обабился!... То-ли дѣло—мы!

Вас. Чѣмъ-же я знадъ, што попаду въ солдаты?

1-й рекр. Это, братъ, вѣрно, Васюха!... Никто не думалъ!

2-й рекр. Это што и толковать!... Вонь какіе... посемьистѣе тебя—остались!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и **Маша**—безъ верхняго платья.

Маша. *(Въ дверяхъ)*. Маманька! *(Анна Федоровна оборачивается)*. Обѣдать!

Ан. Фед. *(Купрякову)*. Подемъ, старикъ! (*Феклѣ Ерм.)*. Проходи, Фекла Ермиловна! (*Ивашкѣ*) И ты иди, пообѣдай .. чѣмъ Богъ послалъ!

Ивашка Иду, иду, Анна Федоровна! (*Направляется въ смежную комнату*).

1-й рекр Ну, братъ, намъ, пора!

2-й рекр. Подемъ! (*Василію*). Мы съ нимъ вмѣстѣ собрались, такъ мы къ тебѣ сейчасъ подкатимъ. (*Оба уходятъ. Остальные, кромѣ Маши и Василья, выходятъ въ смежную комнату*)

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Василій и Маша.

Маша. Ну, какъ-же я теперь, Вася, останусь безъ тебя? (*Утираетъ платкомъ слезы*)....

Вас. Эхъ, Маша! Да мнѣ-то рази легко тебя оставить?

Маша. Я теперь все равно-какъ сирота какая буду...

Вас. Ты хоть-бы, Маша, не такъ шибко сокрушалась...

Маша. Ахъ, Вася, Вася!.. Ты рази не знаешь, какъ я тебя люблю? Каково-же мнѣ безъ тебя будетъ?!... Ну-ко подумай! .. Ты вѣдь не за десять верстъ ѣдешь, да не на недѣлю...

Вас. Если-бы хоть маленечко была повеселѣе, мнѣ все-же-бы легче было.

Маша. Только два мѣсяца мы съ тобой и пожили въ радостѣ да въ счастьѣ...

Вас. Што-же подѣлаешь, Маша!... Больше Бога не будешь!... Такъ ужь Богъ!...

Маша. Такъ-бы я и поѣхала съ тобой!... Въ стряпки-бы наялась у кого нибудь въ томъ мѣстѣ, гдѣ ты будешь служить... куды-бы хошь наялась, только-бы мнѣ здѣсь не оставаться!

Вас. Што ты, Маша! Ты думаешь, въ стряпкахъ-та хорошо?

Маша. Только-бы съ тобой Вася, а ужь тамъ какъ-бы не было!

Вас. Да не плачь-же ты, Маша пожалуста!...

Маша. (*съ улыбкой сквозь слезы*). А возьми меня съ собой, такъ не буду плакать...

Вас. А какъ меня на Амуръ угонятъ?

Маша. Такъ и я-бы съ тобой Вася!... Штò, што на Амуръ?

Вас. (*въ сторону*). И такъ я знаю, што ты за мной хоть на край свѣта подешь, да власть-то не моя... Опять-же и резону нѣтъ, штобы эдакъ изъ-за меня мучилась... *(Ей)*. Нѣтъ, Маша! ужь чего нельзя, такъ видно, нельзя!

Маша. Ахъ, Вася, Вася!... (*Обхватываетъ его шею руками, склоняетъ къ нему на грудь голову и беззвучно рыдаетъ. Василій утираетъ рукавомъ слезы*).

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же и **Купряковъ**; у него за поясомъ бичъ, въ рукахъ шапка и рукавицы.

Купряк. (*смотритъ на Василья и Машу*). Слезы и слезы!... Тамъ слезъ надѣлали... у свата!.. А впереди-то, впереди-то сколько слезъ! (*Плачетъ, но старается чтобы этого не замѣтили Василій и Маша*). О-о-охъ! впереди-то ужь Богъ знаетъ, што и будетъ!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же **Анна Федоровна, Фекла Ермиловна и Ивашка.**

Ан. Фед. Што это, дѣтушки!... Ужь и ѣдѣ-то понустились...

Маша. Не охота, мамашька...

Вас. Вѣрно, што-то не хочется...

Ан. Фед. Што вы это, дитятки!.. Да вы эдакъ съ голоду замрете! Вѣдь ушь и такъ на васъ лица нѣту... Подите, поѣшьте... хоть маленечко!

Фек. Ерм. Какая ужь тутъ ѣда, Анна Федоровна! Ужь до ѣды-ли тутъ!

Ивашка. Правда, правда, Фекла Ермиловна!... Ужь до ѣды-ли тутъ!

Фек. Ерм. А то-бы, Васинька, сходилъ, поѣлъ... Можетъ, што-нибудь и пропустишь... и ты, Машинька!

Вас. Сама-же, крестнька говоришь, что—«ужь какая тутъ ѣда!»... Оно и вѣрно, што не до ѣды... Да и такъ.. совсѣмъ неохота...

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ-же и два рекрута, въ тулупахъ, подпоясаны, съ шапками и рукавицами въ рукахъ.

1-й рекр. Ну, вотъ и мы! (*Видитъ, что всѣ печальны и перемѣняетъ тонъ*). Мы ужь совсѣмъ собрались.

Куприк. Да ужь, пожалуй, и пора... Ну, Василій!...

Вас. Сейчасъ, батюшка... (*Уходитъ въ смежную комнату*)

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ-же безъ Василья.

Куприк. (*рекрутамъ*). Вамъ вотъ—што, други мои! Не объ чемъ печалиться... Женъ у васъ нѣту... Дома тоже есть кому работать... есть кому и хозяйствомъ править... А вотъ наше-то дѣло—ужь совсѣмъ другое...

2-й рекр. Ну, што-же, дѣдушка Ермило Ермиловичъ, шибко-то ужь печалиться!

Ивашка. Ишь ты какой храброй!... «Што-же ужь шибко-то печалиться»!... Тебѣ, сорванцу, ладно языкомъ-то трепать: онъ у тебя безъ костей...

Куприк. (*Вообще*). Эхъ, молодежь, молодежь! Чужое горе до сердца не доходитъ... (*2-му рекруту*). Ты вотъ меня дѣдушкомъ зовешь, а говоришь, што не объ чемъ печалиться! . Кто-же у насъ те-

перь работать-то будетъ? Я-то вѣдь ужь дѣдушка, а кромѣ-то меня—бабы да вотъ малые ребяты остаются...

1-й рекр. Ну, вотъ, Ермило Ермиловичъ! Тоже и мы понимаемъ, что Василью-ту ужь не такъ способно въ солдаты-та идти!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ-же и Василій—*въ тулупѣ, подпоясанъ, рукавицы и шапка въ рукахъ.*

Куприк. Што, ужь совсѣмъ?

Вас. Совсѣмъ, батюшка.

Куприя. Ну, што-же?... время и въ путь...

1-й рекр. Да ужь пора, Ермило Ермиловичъ

Куприк. Пора другъ мой, пора... (*Садится*) Ну, присядемте... (*Всѣ садятся. Проходитъ десять секундъ въ совершенномъ молчаніи.— Вставая и поворачиваясь къ стѣны).* Благослови Господи! (*Молится въ передній уголъ. Всѣ, вслѣдъ за нимъ, тоже встаютъ и молятся, молча. Оборачиваясь).* Ну!... съ Богомъ!

Вас. Благослови, батюшка! (*кланяется ему въ ноги и плачетъ*).

Куприк. Отца-мать не забывай!... жену!... (*Плачетъ, Обнимаются и цѣлуются*).

Вас. Благослови, матушка! (*Кланяется ей въ ноги. Цѣлуются*).

Ан. Фед. Христосъ съ тобой, дитятко!... Отца съ матерью не забывай!... Машиньку!... (*Плачатъ.—Маша едва удерживается отъ рыданій*).

Вас. Благослови. кресинька! (*Кланяется Феклѣ Ермиловнѣ въ ноги. Цѣлуются*).

Фек. Ерм. Христосъ съ тобой, Васинька! (*Плачетъ*).

Вас. Прощай, Маша! (*Едва сдерживается, чтобы не разрыдаться*).

Маша. (*Броситься къ нему и обхватываетъ его шею руками*). Вася!! Вася!!! (*Страшно рыдаетъ. Всѣ плачутъ; Анна Федоровна и Фекла Ермиловна сильно рыдаютъ. Оба рекрута глядятъ на всѣхъ и утираютъ кулакомъ слезы*).

Занавѣсъ.

Дѣйствіе четвертое.

Жена безъ мужа.

Залъ на городскую ногу въ домѣ Устинова.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Маша одна.

Ну, ужь эти на меня именины, такъ просто ужасъ!.. Совсѣмъ съ ногъ сбилась!.. А ужь этотъ Ивашка, такъ просто всю душу изъ меня вытянулъ!. То—то испортитъ, то—другое испортитъ!.. Просто наказанье!.. Какой ужь онъ теперь поваръ!... Хуже самой худой стряпки!... Совсѣмъ остарѣлъ... Чистое, ей-Богу, наказанье!.. Жаркое—хотя на столъ не ставь!... А печенье, такъ просто... Ну ужь и не знаю!... Каковъ-то вотъ, ужо, выйдетъ пирогъ?.. А то онъ меня просто безъ ножа зарѣжетъ!.. ну, просто безъ ножа зарѣжетъ!!

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Маша и Ивашка.

Ивашка. (*Въ дверяхъ*). А вѣдь пирогъ-то, матушка Марья Васильевна, мы... пересолили...

Маша. Да ты чисто это... съ ума сходишь?!... Шибко пересолилъ?

Ивашка. Совсѣмъ никуда не годится.... Живая соль...

Маша. Што-же это будетъ?!.. Вѣдь ты теперь все исперепортилъ!.. А главное дѣло—пирогъ!!

Ивашка. (*Идетъ къ ней ближе*). Памяти не стало, матушка Марья Васильевна.. видно ужь старость подходитъ... Я его пирогъ-отъ... разъ пять, надо-быть, посолилъ... Нѣтъ-нѣтъ—да и посолю... Нѣтъ-нѣтъ—да и посолю... Забуду, што посолилъ—да и посолю... Вотъ тоже и печенье... Квашенка-то съ тѣстомъ возлѣ корытца стояла. А въ корытцѣ-то - мясо на котлеты было нарублено.. Ну, мнѣ перецъ-то надо было въ корытце положить, а я его—въ квашенку..

Маша. Такъ ты это въ печенье-то перцу набухалъ?!

Ивашка. Перцу, перцу, матушка Марья Васильевна... перцу...

Маша. Вотъ ты съ-нимъ и толкуй!.. А я думаю: «што оно эдакое черное, да во рту палитъ?! А онъ вонъ што... перцу въ него насыналъ!!

Ивашка. А ты, поди, матушка Марья Васильевна, думала, что я въ него, по неосторожности, земли насыналъ—што эдакое черное... Нѣ-ѣтъ, что ты, матушка Марья Васильевна!—перцу, перцу... Ужь я на счетъ чистоты.... ни-ни-ни-и!

Маша. Што-же теперь?... надо новый пирогъ дѣлать!

Ивашка. А ежели его пополоскать, матушка Марья Васильевна?.. Цыплятъ-та изъ него вытаскать, да и выполоскать.... А потомъ новую корку... Ну, и съѣдятъ... Не Богъ вѣсть, какія господа на именины-то соберутся...

Маша. Да, полно, годится-ли эдакъ-ту?

Ивашка. Съѣдя-а-а-тъ!... Не безпокойся, матушка Марья Васильевна!... хотя не это, такъ сожрутъ!. Вотъ я, ужо, пойду, пополощу... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Маша одна.

Кабы сама умѣла эдакіе разные пироги да печенья стряпать, такъ и горя-бы никакого не было!... А все-таки за нимъ надо смотрѣть!... Побѣгу сама! (*направляется къ выходу. Останавливается и смотритъ въ переднюю*). Тамъ кто это? Што нужно?

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Маша и два мужика.

1-й муж. Да мы, вотъ, къ его милости, къ Григорью Петровичу.

2-й муж. Дѣло, значитъ, у насъ ему есть... докука.

Маша. Онъ отдыхать ушелъ, послѣ обѣда... Да сегодня онъ и дѣловъ никакихъ дѣлать не будетъ... Лучше и не ждите!

1-й муж. Нѣтъ, ужь, сдѣлай милость, Марья Васильевна... мы-бы ужь подождали.

2-й муж. Потому ужь дѣло-то у насъ очинно спѣшное.

Маша. Онъ сегодня именинникъ... А въ праздникъ онъ никогда никакихъ дѣловъ не дѣлаетъ... Опричь воскресеньевъ .. (*Уходя*). Да по мнѣ, ждите, коли охота!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же безъ **Маши.**

1-й муж. (*Кивая головой Маши вслѣдъ*) Сбилъ вѣдь таки бабу-ту!... Чево-то-чево у него съ ей не было... а сбилъ таки!

2-й муж. Што ей теперь! Живетъ, какъ барыня!... Хоромы-то, вишь какія!

1-й муж. Да, братъ, хоромы!... И откудова што взялось! Въ кабачишкѣ спервоначалу-ту сидѣлъ! А потомъ какъ началъ пыхать, да какъ началъ,—такъ только туды гляди! .. Ну, да и жила! Хоромы-та эти, пожалуй, и не выстроилъ-бы, кабы не Марья Васильевна: это ему ее надо было прельстить...

2-й муж Ну, да и строгая-же она была... Страсть! Сколько вѣдь не поддавалась!

1-й муж. Помаялся таки, нечего сказать! Ужь крѣпко стояла! Даже и думать нельзя было, што она согласится на эдакое дѣло!... Вѣдь она ево близко не подпускала! Ну да и онъ хитеръ! Какъ Василья-та ужь совсѣмъ увезли, такъ онъ спервоначалу-ту, эдакъ съ полгода вида што-есть не показывалъ, како у ево тако намѣреніе есть!... Ну, а потомъ ужь и началъ подъѣзжать—съ подгорѣлымъ-то солодомъ ..

2-й муж. Говорятъ, она на ево старшинѣ жаловалась?

1-й муж. Чево тутъ не было!... Оборони Богъ!... Къ старшинѣ-та придетъ, а онъ пишо сбивать ее примется: што,—молъ,—ты за барыня такая, што отъ эдакова человѣка носъ воротишь... Кладъ:—молъ,—«тебѣ въ руки попадается, а ты пишо пользоваться не умѣешь»... Знаешь, какой онъ ошшаульникъ... Ну, куды подешь, кому скажешь?! Поплачетъ, поплачетъ, да такъ оно и останется... А этотъ опять за свое!... Вѣдь больше трехъ годовъ онъ съ ей бился!... Да, пожалуй, такъ ничего-бы и не подѣлалъ, кабы не добрые люди... Добрые люди помогли!... Спроси-ка у Акулины Спиридоновны, какъ она ее къ себѣ въ гости зазвала... да рюмочкой попотчивала?...

2-й муж. Болтали што-то... Слышалъ и я про это.

1-й муж. Какъ они ее, значитъ, тогда подняли, да Григорій отъ Петровичъ переночевалъ съ ей .. ну, съ тѣхъ поръ и пошла!.. А потомъ ужь она и совсѣмъ къ ему перекочевала...

2-й муж. Што-же... вѣдь ужь она, однако, дивно съ имъ живетъ?

1-й муж Да какъ тебѣ сказать? Всего-то ужь, видно, года два съ половиной... потому — какъ штуку-ту эту надъ ей сдѣлали, такъ она, послѣ того, эдакъ съ полгода ишшо дома прожила. . у Ермила Ермиловича... ну, да вотъ ужь года два—здѣсь ..

2-й муж. Да, братъ .: време-то невидаючи идетъ!

1-й муж. Што и говорить!.. Вотъ вѣдь ужь скоро шесть съ половиной годовъ будетъ, какъ Василій-отъ у Ермила Ермиловича ушелъ!

2-й муж. Какъ же это онъ такъ долго? Вѣть ужь сверстники-та ево всѣ вышли.

1-й муж. А ево, вишь, на Амуръ угнали... Ну, а съ Амуру-ту ужь постоянно на седьмой годъ выходятъ.

2-й муж. Плохо, говорятъ, Ермило-го Ермиловичъ живетъ?

1-й муж. Совсѣмъ плохо!.. Ну, да ты разсуди: кто же ему што припринасетъ? Вѣдь ужь ему шестьдесятъ съ лишнимъ годовъ,— какой онъ принаситель!.. А парни-та у ево што? — одному десятый годъ, а другому восьмой .. Дѣвченка ишшо мало-мало орудуетъ... годовъ четырнадцати... Старуха совсѣмъ плоха... Такъ, братъ, ево все и пошло къ низу, какъ Василья-та забрили!.. Теперь ужь на прежнюю-ту точку неподняться.. хоть и Василій выйдетъ .:

2-й муж. (*Прислушивается и толкаетъ 1-го мужика локтемъ въ бокъ*). Должно-быть, самъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же и **Устиновъ**.

1-й муж. Съ добрымъ утромъ, Григорій Петровичъ! (*идетъ къ нему на встрѣчу и здоровается за руку*).

Устин. Здравствуй-ка!... Ты-бы лучше сказалъ: «съ добрымъ вечеромъ». А то: утро нашелъ!

1-й муж. Да ты, значитъ, какъ сейчасъ всталъ, вотъ, по нашему и выходитъ доброе утро...

2-й муж. Здравствуй, Григорій Петровичъ!.. Мы къ вашей милости!.. Просьбица къ тебѣ есть (*чешетъ за ухомъ*).

1-й муж. (*Чешетъ затылокъ*) Ужь не оставь, Григорій Петровичъ!

Устин. Нѣтъ, ужь съ просьбицей-то лучше завтра приходите.. Сегодня мнѣ недосугъ... праздникъ у меня.

1-й муж. Слышали, Григорій Петровичъ... Съ днемъ Аньделя васъ!

2-й муж. Съ Аньделемъ, Григорій Петровичъ...

Устин. Покорно благодарю!.. Спасибо!.. Только ужь съ просьбицей-то завтра приходите... Я тоже человѣкъ православный: надо-же и мнѣ въ году-то хоть одинъ денекъ попраздновать...

1-й муж. Дѣло-то ужь у насъ очинно спѣшное.

2-й муж. Ужь не оставь, Григорій Петровичъ!

Тстин. Нѣтъ, ужь у меня такой порядокъ, чтобы въ сегодняшній день —никакихъ дѣловъ!..

1-й муж. Да и дѣло-то вотъ какое, Григорій Петровичъ...

Устин. И слушать не хочу!.. Лучше и не говори.

2-й муж. Ахъ, Григорій Петровичъ!.. А у насъ только на тебя и надежа была...

Устин. Да што вы, до завтрева-та умрете, што-ли?

1-й муж. Да вишь ты, дѣло-то какое. Сегодня у меня...

Устин. (*Перебивая*) Сегодня я никакихъ дѣловъ не дѣлаю.

2-й муж. И у меня тоже сегодня, Григорій Петровичъ ..

Устин. (*Перебивая*). Ничего я сегодня не дѣлаю!.. Приходите завтра

1-й муж. (*Чешетъ затылокъ*). Ахъ, ты, причина!... Ужь какой ты нынче строгой сталъ, Григорій Петровичъ... (*Въ сторону*). Ишь, какъ вѣдь ерепенится надъ нашимъ братомъ... будто и восподинъ какой... поселенецъ! Да ишшо и поселенецъ-отъ фальшивый... Тоже слухи-то ходятъ...

2-й муж. Да какъ-же Григорій Петровичъ?... Неужели ужь ты насъ и не ублаготворишь?

Устин. По моему, ужь если вамъ такъ шибко што надо, такъ вчерабы придти.

1-й муж. Да вѣдь мы, Григорій Петровичъ, не знали, што ты сегодня будешь именинникъ.

Устин. А не знали, такъ и ждите до завтрева.

2-й муж. (*Въ сторону*). И слушать не хочетъ!!

1-й муж. Ну, што же... (*кланяясь*) не взыши за безпокойство, Григорій Петровичъ! (*направляется къ выходу*)

Устин. Какое тутъ безпокойство!..

2-й мужикъ. Прощенья просимъ!

Устин. До свиданья, до свиданья! Ужь што—такъ приходите завтра!

(*мужики уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Устиновъ и Маша.

Маша. (*Заигрывающимъ тономъ*). Давно, лежебокъ, поднялся?

Устин. Да только-што поднялся .. А ужь гостей двухъ выпроводилъ.

Маша (*Не слушая Устинова*) Ну, ужь этотъ Ивашка... все у меня сегодня испортилъ!.. Просто онъ меня сегодня всю измучилъ!.. Говорила тебѣ, што какой онъ поваръ?.. Нѣтъ, таки свое!.. Въ прошломъ году онъ ишшо ладной былъ... а ужь нынче, такъ совсѣмъ никуда не годится!

Устин. Да ну, ево, твоего Ивашку! . Наварганитъ чего-нибудь . . не на базаръ!.. Ты вотъ лучше меня поздравь!..

Маша. Да тебя што... десятой разъ поздравлять-то? Ишь ты... какой ловкой...

Устин. Крѣпче будетъ! (*Обнимаетъ ее и цѣлуетъ*).

Маша. (*цѣлуетъ его въ губы*). Ну, ладно, ладно!

Устин. Вотъ это другое дѣло!... А то—Ивашка!

Маша. Да вотъ изъ-за Ивашки-то мнѣ опять надо сейчасъ въ кухню бѣжать!... (*Роется въ шкафу и уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Устиновъ одинъ.

(*Смотритъ на часы*). О-го! ужь скоро восемь. Гляди, и гости собираться будутъ... (*Прислушивается*). Да вотъ ужь, кажется, кто-то и на поминѣ легокъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Устиновъ, Свистулькинъ и его жена.

Свист. Мое почтеніе, Григорій Петровичъ! Съ днемъ Ангела!

Рим. Киф. Съ днемъ Ангела, Григорій Петровичъ!

Устин. Милости просимъ, милости просимъ!... Покорно благодарю! (*жметъ имъ руки*). Прошу покорно! (*Гости садятся. Молчаніе*). Ну, што новенькаго, Фролъ Фроловичъ?

Свист. Да ничего... Все по старому... (*Молчаніе*).

Устин. Какъ поживаете?

Свист. Да ничего... Какъ вы?

Устин. Што ужь, знаете хвастать?... хорошо живу: худо—не́ чѣмъ!

Свист. Ха-ха!... Дай Богъ и впередъ такъ! (*Приносятъ водокъ, винъ, закусокъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ-жѐ Никулинъ, Ласточкинъ и Степанида Егоровна.

Устин. Милости просимъ! милости просимъ, господа!

Никул. Съ Ангеломъ!

Ласточ. «Проздравляю съ днемъ вашова Аньделя»!

Устин. Покорно благодарю! покорно благодарю! (*Всѣ здороваются*).

Ст. Егор. Ну, ужь этотъ Иванъ Ильичъ!... постоянно што нибудь смозитъ! (*Устинову*). Съ днемъ Ангела!

Рим. Киф Да ужь Иванъ Ильичъ!... постоянно такой!... Все ужь какую-нибудь словесность подпуститъ!

Ласточк. Именно словесность, Римма Кифовна!... Возьму да и подпущу! (*Здоровается съ ней*). Наше вамъ глубочайшее!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ-же, Рождественскій, его жена и еще гости и гостьи.

Рожд. Григорію Петровичу! Съ днемъ Ангела!

Варв. Прох. Съ днемъ Ангела, Григорій Петровичъ!

Устин. Покорно благодарю! Проходите! (*Рождественскій и Римма Кифовна со всѣми здороваются*).

Ласточк. А ужь у тебя, Фролъ Фроловичъ... актецъ-то мы составимъ!... Это ужь, братъ, «не сумлевайся»!

Свист Ну, ладно... составляй!.. Объ чемъ только составлять-то будешь?

Ласточк. (*методически*). О продажѣ временнымъ купцомъ Свистульскинымъ .. изъ мануфактурной лавки... вина и питій, распивочно и навынось... Вотъ объ чемъ!

Свист. Это еще, братъ, поймай!

Ласточк. Накроемъ-съ!.. Давай, братъ, лучше заблаговременно взятку!

Свист. Нѣтъ, ужь накрывай!.. А мы, братъ, по закону торгуемъ...

Ласточк. Это гдѣ-же такой законъ, чтобы изъ лавки... п-и-т-і-я продавать?

Свист. Мы не питія... мы—красные товары продаемъ.. Ну, и тамъ протчее..

Ласточк. А въ томъ числѣ и водку!... Знаемъ, братъ, мы, какіе у тебя тамъ красные товары!... Безъ взятки, братъ, не отвертишься!...

Устин. (*съ подноса угощаетъ дамъ наливкою*). Покорно прошу, Степанида Егоровна! Пожалуйте.

Ст. Егор. Нѣтъ, што вы, што вы! Я не пью!.. И не стойте напрасно!

Устин. Самая, знаете, дамская наливочка!

Ст. Егор. Нѣтъ не могу!... Ни за что не буду!... Напрасно и не стойте!

Устин. Да ужь одну-ту можно, Степанида Егоровна!.. Для меня!... для именинника-та!

Ст. Егор. Ужь развѣ для именинника!... Ну, съ днемъ Ангела! (*беретъ рюмку*).

Устин Варвара Прохоровна! Римма Кифовна! Прошу покорно!

Вар. Прох. Ой нѣтъ! Ужь я-то ни за что не буду!

Рим. Киф. Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Григорій Петровичъ!... Нѣ-ѣтъ, што вы!

Устин. Самая, знаете, дамская!. Вы только попробуйте! А ужь она сама такъ и проскочитъ!

Никул. На именинахъ никакъ нельзя отказываться!... Это дурной признакъ для именинника... если гости совсѣмъ не пьютъ!

Ласточк. Понимаете, у именинника... хоть вотъ этакую капельку—а надо выпить! Иначе, ему никакого счастья не будетъ!—Немпучая смерть!

Варв. Прох. Ужь вы тутъ и были!... Ну, съ днемъ Ангела! (*Беретъ рюмку*).

Рим. Киф. Ужь вы постоянно кавалерничаете... Ну, ужь съ Анделомъ, Григорій Петровичъ! (*Беретъ рюмку. Степанида Егоровна, Варвара Прохоровна и Римма Кифовна чокаются и пьютъ по всей. Устиновъ обноситъ остальныхъ дамъ наливкой*).

Ласточк. Вотъ давно-бы такъ!... А то: «ужь лу-учше и не стойте напрасно!»...

Устин. (*когда всѣ дамы выпили*). Вотъ и благодарю покорно! (*наливаетъ на столъ рюмки*).

Ласточк. Э! братъ!... Бабы ужь это такой народъ: оно и выпить-то охота, да и покуражиться-то надо!

Ст. Егор. Да што-о это, Иванъ Ильичъ!

Варв. Прох. Да поди-и-те вы, Иванъ Ильичъ!... Ужь тоже скажетъ!...

Устин. *(всѣмъ мужчинамъ)* Прошу покорно, господа! *(Всѣ подходятъ, берутъ рюмки, чокаются).*

Ласточк. *(въ тотъ дамамъ).* Нѣтъ, ужь я .. ни за что! ни за что. *(А самъ подходитъ къ столу.—Общій смѣхъ).*

Никул. Ну не ерепенься: не волостной писарь!

Ласточк. Да ужь я, знаете, и такъ тороплюсь... А то еще, пожалуй, больше и не попросятъ!...

Никул. *(Устинову).* Желаю всего наилучшаго!

Ласточк. Отъ всей души!

Свист. Всякаго успѣха!

Рожд. Долгоденствія!

Устин. Ну, и я самъ себѣ тоже кой-чего желаю! *(Снова всѣ чокаются и пьютъ).*

Варв. Прох. Степанида Егоровна! Римма Кифовна! Да мы это што-же безъ хозяйки-та выпили!... Совсѣмъ не надо было пить!

Ст. Егор. Да не надо-же и есть! Мы это што-же!

Ласточк. Ну, ужь теперь ничего не подѣлаешь!.. Не назадъ-же!!

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ-же и Маша.

Устин. Да вотъ и она сама!... Теперь съ ней пожалуйте!

Ст. Егор. Што вы, што вы это, Григорій Петровичъ!

Маша. Здравствуйте!—Здравствуйте! *(Здоровается со всѣми).*

Ст. Егор. Съ дорогимъ именинникомъ, Марья Васильевна!

Варв. Прох. Съ именинничкомъ!

Рим. Киф. Съ именинничкомъ, Марья Васильевна!

Ласточ. *(Подлетаетъ).* Съ торжественнымъ днемъ Ангела... Григорія Петровича! Съ дражайшимъ именинникомъ!... Желаю вамъ обоимъ... то-есть, всего рѣшительно!! *(Всѣ прочіе тоже поздравляютъ).*

Маша. Покорно благодарю! Покорно благодарю!

Устин. *(Дамамъ).* Ну, вотъ теперь съ ней пожалуйте!.. Проси, Маша!

Ст. Егор. Нѣтъ, ужь я больше не буду!... Иванъ Ильичъ и такъ просмѣялъ!

Варв. Пр. И я тоже!... Ужь и безъ того просмѣяли Иванъ Ильичъ!

Рим. Киф. Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!... Я ужь больше ни за что! ..

Маша. (*Обноситъ дамъ наливкой*). Вы што-же это, не хотите меня и съ именинникомъ поздравить? (*Словно обиженная*). Пожалуйте... хоть по одной-то!

Ст. Егор. Ну, ужь што-же дѣлать-то! (*беретъ рюмку*).

Варв. Прох. Ну, ужь будто не могла отпереться! (*беретъ рюмку*).

Рим. Киф. За каинанью, говорятъ, и жидъ удавился! (*беретъ рюмку.— Всѣ чокаются съ Машей и другъ съ другомъ и пьютъ по всей*).

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ-же, **Кошелевъ** и его жена.

Кошел. О-го-го! народу-ту сколько набралось!... Не проворотишь!

Устин. А! Михайло Семенычъ! Елена Савишна! Прошу покорно!

Кошел. (*Устинову*). Съ днемъ Ангела! (*Машѣ*). Съ именинникомъ. (*Здоровается со всѣми*).

Устин. Покорно благодарю! Прошу покорно!

Ел. Сав. (*Устинову*). Всякаго благополучья! (*Машѣ*). Всякаго благополучья!

Маша. Пожалуйте, Елена Савишна! Проходите! (*Ел. Сав. здоровается со всѣми*).

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ-же и **Ивашка**.

Ивашка. (*Въ дверяхъ*). Все, матушка Марья Васильевна, готово.. все!... А пирогъ—такъ за мое поживаешь сойдетъ! (*Открываютъ ломбертный столъ, выдвигаютъ его на середину, накрываютъ, ставятъ пирогъ и прочее*)

Устин. Ну-ко, Ивашка, выней!... Говорятъ, ты ужь очень хорошо сегодня стряпалъ...

Ивашка. Ужь настряпалъ, Григорій Петровичъ!... Съ Анделочкомъ!.. Съ именинничкомъ, Марья Васильевна! (*пьетъ и крякаетъ*). Забі-ра-тель-но! (*Послѣ этого Ивашка пьетъ уже контрабандой*).

Устин. (*Приглашая всѣхъ ко столу*). Прошу покорно, господа! Прошу покорно!

Маша. (*Дамамъ*). Пожалуйте! Пожалуйте!... Де не взыщите! (*Вси гости садятся*).

Кошел. По моему, ужь ежели пить—дакъ пить! А ужь псь дакъ псь! (*пьетъ и пстъ здорово*).

Ел. Сав. Ну, ужь ты опять пажресься! (*однако, и сама не отстаетъ*).

Рожд. А што такое, господа, есть слово: система?

Ласточк. Система-то?... Это, понимаешь-ли ты... кикимора такая... въ родѣ вѣдьмы... Только вѣдьмы бываютъ косматыя, а система—совсѣмъ безъ волосъ... какъ есть плѣшивая!.. Вотъ: что на Ивашку посмотрѣть—что на систему.. точь-въ-точь!

Ивашка. Ну, ужь ты пошелъ опять языкомъ-то околачивать!... Какая я тебѣ система?!

Кошел. Вотъ тоже есть слово... пратикуральность!

Ласточк. Ну, это совсѣмъ въ другомъ родѣ, Михайло Семенычъ!

Кошел. Тоже звѣрь какой?

Ласточк. Нѣтъ, это вотъ што. У засѣдателя, напримѣръ, брюки—съ кантомъ, а у васъ вотъ—безъ канта. Оно и выходитъ, что у него брюки—форменныя, а у васъ—партикулярныя.

Кошел. Да! Такъ это, значитъ, штаны!

Ивашка. Ну, слава Богу, хоть штаны!... А то вѣдь онъ, пожалуй, скажетъ, што и пратикуральность плѣшивая...

Ст. Егор. Ну, ужь што у васъ и за пирогъ, Марья Васильевна! Прелесть!

Варв. Ірох. Ужь пирогъ... што и говорить!

Рим. Киф. Просто прелесть!

Ивашка. (*Въ сторону*). Ага, што!... Вотъ я его пополоскалъ—онъ и вышелъ прелесть... А не пополощи... ну, просто-бы срамъ въ зубы взять!... Теперь оплету-утъ!

Устин. Вы, господа, кажется, водку забываете?

Свист. Не безпокойся, братъ, выпьемъ! (*Наливаетъ*). Какъ это возможно водку забывать?!

Ласточк. Да наливай-же ты, чортъ-бы тебя побралъ!.. Смерть не люблю, какъ это кто конается!

Свист. Не всѣмъ-же эдакой пургой быть, какъ ты!... Ты вонъ сегодня, пожалуй, и въ городѣ-то всѣхъ именинниковъ облеталъ.. ѣздилъ туда... Да и тутъ безъ тебя не обошлось! (*Вси пьютъ*).

Никул. Дѣйствительно, чистая ласточка: не ѣздитъ—а летаетъ!

Кошел. А по отчеству поѣдетъ... въ кою пору и замчонки то всѣ охвощетъ!

Ст. Егор. Да онъ и по деревнѣ-то, какъ младъ мѣсяцъ! То—тутъ, то—тамъ! Сейчасъ былъ—и сейчасъ нѣту!

Рим. Киф. Ужь, и правда, Степанида Егоровна! Ужь, и правда!... Появится, какъ мельхіоръ—и исчезнетъ въ одинъ моцументъ!

Ласточк. Совершенный мельхіоръ, Римма Кифовна!!... Но ужь никакъ не моцументъ!

Ивашка. Вотъ такъ Гривна Фиковна! Ай, да Гривна Фиковна!... О-окрестила!... Ну, и правда... чистой махаёръ! *(Всѣ хохочутъ).*

Никул. Господа, я вамъ разскажу смѣшную сцену. Приходитъ сегодня въ волостное правленіе какой-то мужикъ за паспортомъ: «Што», — говоритъ, — «стоитъ пашпартъ?» — «Рубль сорокъ пять копѣекъ»... Ну, понимаете, казенная цѣна... — «Нельзя-ли», — говоритъ, — «за рунь уступить?» — «Нѣтъ, братъ, здѣсь не лавочка». — «Ну, хоть за рунь съ четвертью не будетъ-ли милости?» — «Говорятъ тебѣ, что здѣсь не лавочка!» — «А за рубь тридцать — можно?» — «Нельзя!» — «Да уступите», — говоритъ, — «хоть гривенничекъ!» — «Убирайся,» — молъ, — «ты къ черту!» «А!» — говоритъ, — «не хотите... такъ я на васъ и губернатору пожалуюсь!»... Вотъ ты съ нимъ и толкуй! *(Мужчины всѣ хохочутъ; слышатся восклицанія: «Вотъ, дубина?» — эдакой вѣдь мышокъ!» — Дамы, не понимая причины смѣха, хлопаютъ глазами).*

Елена Сав. У тебя Гривна Фиковна курицы-та несутся?

Рим. Киф. *(Желая замять конфузливый вопросъ)* Да ты меня почто Гривной-та Фиковной зовешь?... Я — Р-и-м-м-а К-и ф-о-в-н-а.. вотъ какъ. А то: Гривна да ишшо и Фиковна!

Ел. Сав. Ишь, имя-то у тебя мудреное... Вонъ у Пахомовны, слышь, курицы-та совсѣмъ перестали нестись!... А у тебя какъ?

Рим. Киф. *(Въ сторону)* Деревенщина!... Никакого благороднаго разговору,.. Вѣдь ужь очинно понятно, што я не намѣрена объ какихъ-то курицахъ толковать...

Ласточк. Да вы чтожь, Римма Кифовна?!... Говорите-же толкомъ: несутся у васъ курицы—или не несутся?

Уст. Какія тамъ курицы!! Давайте, господа, выпьемте!! (*Всѣ пьютъ, шумятъ, Маша относитъ дамъ наливкой*).

Ст. Егор. Ну, я просто совсѣмъ опьянѣла!

Варв. Прох. Я, такъ, кажется, и на ногахъ не устою.

Рим. Киф. Да и я тоже не трезва!

Свист. Господа! Я тоже хочу анекдотъ разсказать!

Уст. Какой тамъ анекдотъ!! Давайте еще выпьемте!! (*Всѣ пьютъ. Маша обноситъ дамъ наливкою*).

Свист. Да ты што это сегодня распился?!

Уст. Экъ, братъ! Одинъ разъ въ годъ?!.. Неужели ужь мнѣ въ цѣломъ-то году и праздника нѣтъ?!

Ивашка. Бываетъ и свиньѣ въ году праздникъ... (*Всѣ шумятъ*).

Свист. Да дайте-же мнѣ анекдотъ-то разсказать!

Уст. Што тамъ за анекдотъ!!... Еще давайте выпьемте!! (*Пьютъ*).

Ласточк. (*Вставая изъ-за стола*).

Что-жь ты замолкъ и сидишь, одинокій
Дума лежитъ на угрюмомъ челѣ?
(*Всѣ, вставая, за нимъ подхватываютъ*)
Иль ты не видишь, иль ты не видишь,
Иль ты не видишь бокалъ на столѣ?
Стукнемъ бокалъ о бокалъ, и зальемъ
Мрачную думу веселымъ виномъ!
Мрачную думу, мрачную думу,
Мрачную думу—веселымъ виномъ!

Ласточк. (*Подходитъ къ другому столу, гдѣ тоже стоятъ закуски и закуски*). А какъ-бы, господа, за здоровье и благополучіе хозяина и хозяйки?! (*Всѣ шумно къ нему подходятъ, наливаютъ рюмки и подымаютъ ихъ вверхъ*).

Ласточк. Ну, у кого глотка здоровѣе, тотъ и валяй!

Голосъ одного изъ присутствующихъ: За-здра-ві-е и бла-го-по-лу-чі-е-хо-зя-и-на-и-хо-зяй-ки... Урррра-а!!

Всѣ подхватываютъ: Урррра-а-а-а-а-а!!! (*Всѣ громко хохочутъ*).

Никул. Ну, ловко мы двинули!

Ласт. Ничего, весело!

Уст. Дай-бы, Богъ, намъ съ Машей всю жизнь эдакъ весело прожить!

Всѣ (*Опять поднимаютъ рюмки вверхъ*). Дай, Богъ!! Дай, Богъ!! Урррра-а-а-а-а-а-а!!! (*Пьютъ и громко хохочутъ. Между всѣми мужчинами начинается горячій споръ. Всѣ дамы, кромѣ Маши, перемигиваются и молча уходятъ на улицу*).

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣже и Маша безъ остальныхъ дамъ.

Маша. (*Идетъ на край сцены*). Господи! говорятъ, што когда меня просватали за Васю, такъ тоже вотъ такъ всѣ орали на улицѣ, да желали намъ съ нимъ всякаго счастья: «просватанье»,— молъ,— «веселое, такъ дай-же имъ, Богъ, и жизнь такую веселую!»... А оно вонъ што вышло... (*Задумывается*).

Никул. (*вдругъ перестивая спорить*). Господа! Какую я вамъ одну прелюбопытную штучку разскажу! (*Бѣжитъ въ глубину сцены и принимается что-то разсказывать, съ мимикой, жестикуляціей и т. п. Всѣ его окружаютъ и слушаютъ съ глубочайшимъ интересомъ*).

Маша (*продолжаетъ*). Гдѣ-то теперь Вася?... Живъ-ли ужь онъ?... Можетъ, какъ узналъ... изъ отцова письма... што я его вонъ на кого промѣняла.... да и голову свою загубилъ.... Вѣдь какъ онъ меня любилъ-то! . (*Задумывается*). Нѣтъ, я никогда, никогда, никогда не перестану его любить!... Никто не знаетъ... што у меня все сердце изболѣло объ немъ!... Только языкомъ-то болтаю, да што-нибудь дѣлаю —вотъ одно и утѣшенье... Забудешься и сердце затихнетъ... Не видать ужь мнѣ его больше... потому-што я теперь—мизинца его не стою... и за што только я и себя и его загубила?... Ужь-бы такая была!... (*Задумывается и потомъ быстро встряхиваетъ головой и идетъ къ остальной компаніи, совершенно веселая*).

Ласточк. (*Смотря на Никулина, который послѣ словъ Маши: «Ужь такая-бы была!» - дѣлаетъ преуморительный жестъ*). Ххa-ххa-ха-ха-ха-ха! (*Всѣ, вслѣдъ за Ласточкинымъ, хохочутъ на всевозможные лады, держась за бока*).

Никул (*Смотритъ на всѣхъ торжествующимъ взглядомъ*). Каково?!! (*Въ отвѣтъ продолженіе хохота*).

Ивашка (*Послѣ всѣхъ, присѣвъ, и держится за стулъ*). У-ми-ра-ю оть-смѣ .ххa-ха-ха-ха!!!

Маша. Да што это вы... бѣлены объѣлись?!

Свист. Фу-у! чортъ его... насмѣшилъ!

Ласточк (*Со смѣхомъ*). Ну, братъ, и штучка!... Правда, что прелюбопытная!

Кошел. Все брюхо раскололо!!

Ивашка (*Полусогнувшись, держится за брюхо*) Ой! брю .. ххо-хо-хо-хо хо!.. *(Шумъ, хохотъ, восклицанія).*

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ-же и остальныя дамы.

Степ Егор, Варв Прох., Рим. Киф и Елена Сав *(Входя на сцену поютъ и пляшутъ).*

По горамъ-та по высокимъ,
По горамъ-та по высокимъ—
Разцвѣли алы цвѣты,
Разцвѣли алы цвѣты!

Рьшительно всѣ подхватываютъ, пускаются въ плясъ, и, по-пути, все, что кому мѣшаетъ, схватываютъ, несутъ и отдаютъ кому-нибудь въ уголъ и, ни на одну секунду не переставая плясывать, примыкаютъ къ остальнымъ плящущимъ. Такимъ образомъ убирается все: и столъ, выдвинутый на средину комнаты, и все что на немъ было, и стулья, стоявшіе вокругъ стола, и прочее.— Маша и Устиновъ пляшутъ въ центрѣ. Маша страшно развеселилась: поетъ и пляшетъ съ необыкновенной развязностью. Ивашка положительно забылъ всякое приличіе, и отхватываетъ, какъ во второмъ дѣйствіи:

Ужь какъ всѣ цвѣты аленьки,
Ужь какъ всѣ цвѣты аленьки,—
Одинъ поалѣе всѣхъ,
Одинъ поалѣе всѣхъ!
Ужь какъ всѣ дружки миленьки,
Ужь какъ всѣ дружки миленьки,—
Одинъ помилѣе всѣхъ,
Одинъ помилѣе всѣхъ!..

Свистъ, восклицанія и прочее, какъ во второмъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ-же и **Василій**, *въ солдатскомъ мундирѣ—«бравый унтеръ-офицеръ». Его никто не узнаетъ, но пляска прекращается—какъ она могла-бы прекратиться и вообще при появленіи незнакомой личности. Однако, всѣ—какъ будто что-то припоминаютъ. Всѣ стоятъ въ безпорядкѣ: кто гдѣ остановился. Маша смотритъ на Василья пристальнѣе другихъ.*

Вас. (*медленно кланяется черезъ весь залъ Машѣ.—Совершенно спокойнымъ—убійственно-спокойнымъ — тономъ, чуть-чуть*

растягивая слова). Ну, здравствуй, женушка!... Весело живешь!... (*Затѣмъ стоитъ безъ малѣйшаго движенія, держа руки по швамъ и не сводя глазъ съ Маши.* - Нѣмая сцена — *Вдругъ его передергиваетъ. Онъ моментально бросается на Устинови, съ протянутою впередъ правою рукой, въ которой сверкаетъ ножъ, ранѣе спрятанный въ рукавъ, и схватываетъ Устинови за лѣвое плечо*).—Разлушникъ!! (*Замахивается, чтобы всадить ножъ Устинову въ грудь. -- Общій переполохъ*)

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ-же и **Купряковъ**—*старъ не по лѣтамъ, весь трясется не столько отъ старости, сколько отъ испуга.*

Купряк. (*Трясущимся, слабымъ, но когда-то зычнымъ голосомъ, медленно, вслѣдъ за словомъ: «Разлушникъ»*). Василій!!... Одумайся!! (*Дальше идти не можетъ*).

Вас. (*Оглядывается: видъ старика его пугаетъ; ножъ валится изъ рукъ*). Што ты, батюшка, што ты?! (*Бѣжитъ къ нему*).

Купряк. (*Едва держится на ногахъ*). Што это... Господи?.. Ужь... не смерть-ли... моя?

Вас. (*Подхватываетъ отца подъ мышки*). Батюшка!! Батюшка!!

Купряк. (*Уже совсѣмъ черезъ силу*). Одумайся!... Мать-ту... вспомни!.. (*Тѣло его виснетъ на рукахъ сына и, падая, увлекаетъ послѣдняго за собой*).

Вас. (*Осторожно опустивъ тѣло отца на полъ, стоитъ передъ нимъ на колѣнахъ*). Ба-тю-шка! Ба-а-тю-шка-а-а! (*рыдаетъ. -- Остальные, въ испугѣ, вытянулись въ сторону Купряковыхъ. Нѣкоторые временами перешептываются и жестикулируютъ, словно одни доказываютъ, что Купряковъ умеръ, а другіе это отрицаютъ.—Съ Машей дѣлается страшная истерика*).

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ

Всѣмъ—одно счастье.

Земская квартира.

ЯВЛЕНІЕ 1-е

Засѣдатель, Никулинъ и Ласточкинъ.

Никул. (*Входя и кланяясь засѣдателю*). Имѣю честь!...

Ласточк. (*За Никулинымъ*). Честь имѣю! ..

Засѣд. (*Здороваясь съ ними за руку*). Здравствуйте! Здравствуйте!... Вы что это, Иванъ Иванычъ, до сихъ поръ податную вѣдомость не представляете?

Никул. Помилуйте! еще вчера отправлена!

Засѣд Главное—«еще»! .. Срокъ-то когда? Къ пятому! А сегодня—двѣнадцатое!... При чемъ-же тутъ «еще», коли вчера было одиннадцатое?

Никул. Да все, знаете, со списками возился... объ испрошеніи ссуды .. А тутъ опять это происшествіе!...

Засѣд. Ну, а дополнительный сборъ съ торговыхъ предпріятій?... Что-же это, въ самомъ дѣлѣ? Пишу, пишу повторенія, а толку—ни на грошъ!

Ласточк. (*Въ сторону; передразниваетъ предполагаемую фразу Никулина*). «Да все, знаете, сельскіе писаря виноваты»...

Никул. Да все, знаете, сельскіе писаря виноваты...

Ласточк. (*Въ сторону*). Такъ я и зналъ.

Засѣд. У васъ все «сельскіе писаря»!... Ну, да ужь ладно... теперь не до этого... Присаживайтесь!... Что это у васъ тутъ за происшествіе?... Что это за Устиновъ?... Я вѣдь его, до этой исторіи-то... на именинахъ—совсѣмъ не зналъ .. Неужели онъ такой богачъ, чтобы у него могло сгорѣть на восемь тысячъ?

Никул. Онъ такой богачъ, что у него могло-бы и на двадцать сгорѣть!..

Засѣд. Да-а!!

Никул. Во первыхъ, много спасли, а во вторыхъ... суть-то у него—въ банкѣ

Засѣд. Убытокъ, тѣмъ не менѣе, крупный!
Никул. Да ужь на восемь-то тысячъ, спустя рукава!...
Засѣд. По дознанію, довольно серьезныя подозрѣнія падаютъ на этого... какъ его... ну... чортъ его?..
Ласточк. Василій Купряковъ!
Засѣд. Ну, вотъ, вотъ!... На Василья Купрякова!
Никул. Да, знаете... солидныя подозрѣнія... Только... кто-жь его знаетъ?...
Засѣд. А, вотъ посмотримъ, что скажутъ свидѣтели—подъ присягой?
Ласточк. Да, вѣроятно то-же, что и безъ присяги...
Засѣд. А скажите, пожалуста, что эта... Марья Купрякова—красавица?
Никул. Да, когда-то была, дѣйствительно, красавица!
Засѣд. А теперь что?!
Никул. Да вѣдь она сумасшедшая!
Засѣд. Вотъ-те на!... Когда-же это она рехнулась?!
Никул. Да въ тотъ-же день... когда исторія-то произошла...
Засѣд. Странно!... Въ первый разъ слышу!... Вѣдь это, такъ сказать, не послѣднее обстоятельство... въ исторіи-то!..
Никул. Да видите-ли... объ этомъ, недѣли двѣ, даже и здѣсь никто ничего не зналъ... Съ ней вѣдь тогда страшная истерика сдѣлалась...
Засѣд. Про истерику-то, вмѣстѣ съ исторіей передавали... У насъ еще каламбурили, по этому поводу: «что»,—молъ,—«это такое произошло: исторія съ истерикой, или истерика съ исторіей?»
Ласточк. (*Не скрывая напускной серьезности*). Позвольте-съ! Это—плагіатъ!.. Кто смѣлъ каламбуръ моего собственаго изобрѣтенія.. себѣ приписывать?!
Засѣд. Какъ? развѣ это вы изобрѣли?
Ласточк. Вашъ покорный слуга!.. И вотъ вамъ доказательства, спрѣчь. оный-же каламбуръ, въ точной передачѣ: «Во-первыхъ»,—дескать,—«случилась исторія съ истерикой; во-вторыхъ, произошла истерика съ исторіей; въ-третьихъ, съ исторіей сдѣлалась истерика, и въ-четвертыхъ, съ истерикой вышла исторія»... То-есть: была исторія и тутъ-же была истерика; потомъ была истерика и тутъ-же—исторія; затѣмъ, и съ самой исторіей сдѣлалась истерика, и наконецъ, съ истерикой, дѣйствительно, таки-вышла исторія!...
Засѣд. Ххa-ха-ха-ха-ха-ха-ха!.. Ну, вы, и дѣйствительно, каламбуристъ!... Вѣрю, вѣрю, что это ваше изобрѣтеніе!... ххa-ха-ха-ха-

ха!... Завтра-же отыщу плачіатора и предамъ его смертной казни!... Ну, продолжайте, Иванъ Иванычъ!

Никул. Ну, такъ вотъ, знаете... истерика—да истерика. мало-ли бываютъ истерики!—хотя, положимъ раньше за ней эдакихъ слабостей не водилось... Ну такъ тогда, знаете, всѣ и разошлись... можно сказать—разбѣжались!... Тутъ этотъ солдатъ на Устинова, съ ножомъ, налетѣлъ... Тутъ этотъ старикъ умеръ!.. Тутъ эта истерика!... Ну, знаете, всѣ—давай, Богъ, ноги!... Исторію-то съ истерикой, стало-быть, вынесли, да и пустили по бѣлому свѣту; а объ остальномъ-то никто и не догадывался... Однако, оказалось, что она тутъ-же, послѣ истерики, и съума сошла... только Устиновъ, первыя двѣ недѣли, держалъ ее въ комнатѣ... пока ужь она сама не вырвалась...

Засѣд. А скажите, пожалуста, что за человѣкъ—этотъ Устиновъ?

Никул. Прекраснѣйшая личность!

Ласточк. Прелестнѣйшій субъектъ!

Засѣд. Онъ кто-же такой?

Никул. Изъ ссыльныхъ, знаете...

Засѣд. Да!... изъ ссыльныхъ... Ну, это, знаете... Онъ что-же—здѣшней волости.. Или только такъ—живетъ здѣсь?

Никул. Здѣшней волости... Ну, а человѣкъ-то ужь онъ очень хорошій!.. Такихъ-то, пожалуй, и между полноправными не очень много!... Мало-ли, знаете, за что иногда человѣка ссылаютъ...

Засѣд. Это-то, положимъ... А все-таки...

Никул. Помилуйте! Это такая личность!...

Ласточк. Исключительный человѣкъ! (*Въ сторону*). Ужь, по крайней мѣрѣ, разъ сто надо было повѣсить...

Засѣд. Не спорю... Очень можетъ быть... (*Беретъ слѣдственное дѣло*). За нимъ-бы вотъ, кстати, надо послать... У васъ, въ перепискѣ, его показаніе, почему-то, отсутствуетъ...

Никул. Гдѣ ужь тутъ, знаете, его было допрашивать!.. До того-ли ему было!

Ласточк. Какое тутъ показаніе?!.. Прекраснѣйшій человѣкъ! (*Оборачивается къ передней*). Вѣстовой! (*Въ дверяхъ показывается мужикъ*) Сходи-ка, попроси сюда Григорія Петровича!

Засѣд. Подожди, любезный! (*роется въ бумагахъ*). Впрочемъ, ступай, ступай! (*Вѣстовой уходитъ*). Иванъ Ильичъ! Не въ службу—

въ дружбу, слетайте-до сельской... сами вы, говорятъ, летаете! — да распорядитесь, чтобы, по этой выписочкѣ, людей прислали... Это будетъ гораздо скорѣе... Вы ихъ тамъ, небось, разш-шевелите! (*даетъ ему листикъ*).

Ласточк. Сію минуту!... Дѣйствительно, знаете, не люблю... ну... эдакъ... въ родѣ... рака... Да и раковъ терпѣть не могу! Никогда и не ѣлъ эдакую мерзость! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ-же безъ **Ласточкина.**

Засѣд. Отчего вы, Иванъ Иванычъ, о смерти старика Куприкова акта не составили? Вѣдь онъ все-таки умеръ... скоропостижно...

Никул. Да что-же, знаете... старикъ онъ былъ всѣми уважаемый... умеръ не отъ насилія какого-нибудь... При томъ-же и священникъ не препятствовалъ... Ну, оно, знаете, такъ и обошлось...

Засѣд. (*не слушая, смотритъ кругомъ*). Скажите, пожалуста, сколько платятъ за эту квартиру?

Никул. Триста рублей въ годъ.

Засѣд. Прекрасная квартира!... Лучшая въ участкѣ!

Никул. Не только въ участкѣ—даже въ округѣ! господинъ исправникъ— прошлый разъ:—«единственная»,—говоритъ,—«земская квартира»!

Засѣд. Дѣйствительно, прелестная квартира!... А все-таки актъ о смерти Куприкова надо было составить... Кто его вѣдь знаетъ?... вамъ-же можетъ быть непріятность...

Засѣд. Да знаете, актъ о смерти Куприкова надо было составить... А скажите, пожалуста, что этотъ Устиновъ... оправился, послѣ всѣхъ этихъ... непріятностей?

Никул. Теперь ничего... Поговариваетъ ужь—новый домъ строить.. Да вѣдь, въ сущности, это для него пустяки!... Что ему?! Средства есть... человѣкъ одинокій... А на счетъ акта о смерти Куприкова... это ужь вы не безпокойтесь...

Засѣд. Ну, а объ этой... возлюбленной-то—не скучаетъ? Вѣдь онъ, говорятъ, въ ней, что называется — «души не чаялъ»!

Никул. Это что́, знаете?.. Свое взялъ!... Поигралъ, какъ говорится, койчѣмъ—да и за́ щеку!.. Онъ вѣдь, знаете, человѣкъ положительный, не то-что какой-нибудь вертопрахъ!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ-же и **Устиновъ**.

Никул. А вотъ и самъ Григорій Петровичъ!... Имѣю честь представить!

Засѣд. Весьма пріятно! (*Здоровается съ Устиновымъ за руку*). Что это на васъ за напасти такія?!

Устин. Не говорите, господинъ засѣдатель! .. Одно за другимъ!

Засѣд. Да, непріятныя вещи! .. Иванъ Иванычъ! Пожалуста, займитесь съ ними... спросите коротенько.

Никул. А, хорошо! (*Беретъ бумагу и проч.*). Сюда, Григорій Петровичъ! (*Примащивается къ другому столу*). Садитесь! (*Справшивает и пишетъ*).

Засѣд. (*ходитъ*). Такъ вы, значитъ, Купрякова подозрѣваете?

Устин. (*Почтительно, но солидно встаетъ*). Подозрѣваю, господинъ засѣдатель... Больше не кому!..

Засѣд. Да вы сидите, пожалуста! (*Ходитъ*). Да! и свидѣтели подтверждаютъ!...

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ-же и **Ласточкинъ**.

Ласточк. Всѣ налицо! (*Указывает по направленію къ передней*) Только Ивашки и нѣту.

Засѣд. Пускай войдутъ!... Какого это Ивашки?

Ласточк. А это мы такъ зовемъ Ивана Свороти съ дороги... Повара-то нашего .. знаменитаго... Вѣдь у него, въ показаніи-то, такъ и написано, что, дескать—«поваръ!»

Засѣд. Да! Такъ вѣдь онъ важный свидѣтель!... Его-то и нужно!

Ласточк Сейчасъ и его притарабанятъ! (*Идетъ къ выходу*). Ну, проходите!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ-же и четверо мужиковъ.

Засѣд. (*Садится, спрашивает и пишетъ. — Одному изъ мужиковъ*). Какъ звать?

Муж (*Мнется*). Забылъ, ваше благородіе.

Засѣд. (*Иронически*) Что забылъ?

Муж. Да какъ его зовутъ-то... Вотъ, ужо... эка ты!...

Засѣд. Кого—«ево»?

Муж. А ты, ваше благородіе, про ково спрашиваешь?

Засѣд. Тебя-то какъ зовутъ?

Муж. А! меня-то?... Меня-то—Петрованомъ.

Засѣд. А ты думалъ, кого?

Муж. Эка ты, ваше благородіе!... Ишь неграмотной... не расчухалъ...

Засѣд. Сколько тебѣ лѣтъ?

Муж. Годовь-та?... Да какъ тебѣ сказать, ваше благородіе?... Ну, да ужь видно... (*Глядитъ на другого мужика*). Помнишь, Миколай, у Митрошки-та кобыла затянулась... я тогды на другой женился?

2-й муж. Аа! Это значитъ, какъ у Ваньки, у рускова лѣшея, волки качерика задавили?... Ну, помню, помню! Ишшо кобыла-та затянулась па-а-самыя Окулины задери хвосты!

Муж. Ну! ну! ну!... вотъ! вотъ! вотъ!... Ну такъ мнѣ въ та-поры сорокъ два года было. (*Засѣдателю*). Вотъ и шпитай, ваше благородіе, сколько съ тово время годовъ-та прошло?

Инкул. (*покончивъ съ Устиновымъ*). Пишите ему, Петръ Петровичъ, сорокъ восемь лѣтъ! Вѣрно будетъ!... Кобыла-то вѣдь, какъ-разъ шесть лѣтъ тому—затянулась...

Засѣд. Вѣры какой?

Муж. Вѣры-та?—вѣстимо, хресьянской!

Засѣд. Женатъ? дѣти есть?

Муж Ребятишки-та?... Ребятишки-та—есть... два паришка, да двѣ дѣвчонки... да вотъ скоро пятой будетъ... баба-та у меня брюхата ходитъ... не знаю кого Богъ дастъ?... парня-ли, дѣвку-ли?...

Засѣд. Ну, ладно, ладно!... Будетъ ужь!...

Засѣд Показаніе, данное четвертаго числа этого мѣсяца, въ присутствіи конопляпскаго волостного правленія... подтверждаешь?

Муж. Подтверждаю, ваше благородіе.

Засѣд. Добавить ничего не имѣешь?

Муж. Не имѣю, ваше благородіе.

Засѣд (*Остальнымъ мужикамъ*). Вы то-же подтверждаете свои показанія?

2-й муж. (*За всѣхъ*). Подтверждамъ, подтверждамъ, ваше благородіе!... Чево тутъ ишшо?

Засѣд. А добавить ничего не имѣете?

2-й муж. Не имѣемъ, ваше благородіе.

Засѣд. (*Всѣмъ мужикамъ*). Ну, такъ вотъ, всѣ просите за себя росписаться... вонъ хоть Ивана Ильича!

Муж. (*Кланяется Ласточкину*). Потрудись ужь Иванъ Ильичъ! Сдѣлай милость!

2-й муж. Будь доброй, Иванъ Ильичъ! (*Остальные мужики просятъ Ласточкина поклонами*).

Ласточк. Ладно, ладно!... распишусь!

Засѣд. Ну, вотъ вамъ присяжный листъ, сходите всѣ къ батюшкѣ... примите присягу. А потомъ кто-нибудь изъ васъ пускай принесетъ... бумажку-то эту.

Муж. А вотъ сватъ Лука, ваше благородіе: ему по-пути... долго-ли гумашку-ту занести!... А намъ не по пути: мы, значитъ, въ другой сторонѣ живемъ... Ну, а ему... долго-ли гумашку-ту занести!...

Засѣд. Ну, хорошо, хорошо!... Ступайте! (*Мужики уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ-же безъ мужиковъ.

Засѣд. Да, Купрякову тутъ не вывернуться!... Теперь ужь свидѣтели-то—подъ присягой, подтверждаютъ!

Устин. Его дѣло, господинъ засѣдатель!... Больше не кому!...

Засѣд. Ну, а вы какъ думаете, господа?

Никул. (*Юлитъ*). Да я, знаете... тово... Кто-жь его знаетъ?... Впрочемъ, не отрицаю!

Ласточк. Я тоже, знаете-ли... Всяко вѣдь бываетъ!...

Засѣд. А свидѣтельскія-то показанія?!

Ласточк. Да оно... конечно... Должно-быть, знаете, опъ!

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ-же и Ивашка—пьянъ.

Ивашка. Вашему высокоблагородію... (*Низко кланяется*). На аршинъ въ землю!...

Засѣд Это кто такой?!

Никул. А вотъ это—Иванъ-то Свороти съ дороги и есть.

Засѣд. А!... ну-ка, пди сюда... разсказывай!

Ивашка. Слушаю-съ... слушаю-съ, ваше высокоблагородіе... (*Идетъ къ нему ближе*). Што прикажете?...

Засѣд. Ну... отчего тамъ... загорѣлось?

Ивашка. А!... Да оно, какъ ззагорѣло... ну, все и сгорѣло!... Какъ есть все сгорѣло!

Засѣд. Какъ это—«все»?! Вѣдь, говорятъ, много спасли?

Ивашка. Много спасли!... много, ваше высокоблаородіе!

Засѣд. Какъ-же, ты говоришь—«все сгорѣло»?!

Ивашка Рѣшительно все сгорѣло!... До послѣдней пинезы!

Засѣд. Да ты, братъ, пьянъ, кажется?

Ивашка. Такъ точ... Никакъ нѣтъ, ваше высокоблаородіе!... Ни въ одномъ глазѣ!

Засѣд. Иди-ка вотъ, проспись!... А то я тебя въ чижовку!

Ивашка. Слушаю-съ... слушаю-съ, ваше высокоблаородіе!.. (*Идетъ обратно*). Ишь ты—«въ чижовку»!... (*Идетъ*). Пошла дѣвушка къ обѣднѣ: вышло дѣло—наплевать!... (*Уходитъ*).

Никул. (*Въ двери «вытовому»*). Пускай его тамъ вытрезвятъ!... Водой, что-ли отольютъ... да только, штобъ поскорѣе!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣже безъ **Ивашки.**

Никул. Григорій Петровичъ теперь, я думаю, свободенъ?

Засѣд. Да, да!... Если вамъ нужно, можете идти... А то—сдѣлайте милость!—побесѣдуйте!

Устин. Извините, пожалуста!... мнѣ тутъ въ одно мѣсто нужно... крайне, знаете!... А эдакъ, черезъ часикъ, я еще явлюсь къ вамъ: надо-бы, знаете... если только можно?—послушать, што этотъ Куприковъ будетъ говорить?... Вѣдь это еще, должно-быть, не скоро: вы, вѣроятно, сейчасъ будете закусывать?...

Засѣд. Сдѣлайте одолженіе!... Пожалуста! Приходите! Присутствуйте!... А вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ, пора-бы закусить!

Устин. Пока до свиданья!

Засѣд. Ну! еще придете! что тамъ прощаться! (*Устинов уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же безъ **Устинова.**

Засѣд. А, дѣйствительно, пріятный человѣкъ!

Никул. Помилуйте!... Прелестная личность!

Ласточк. *(Съ едва уловимой иронiей).* Всѣхъ мѣръ человѣкъ!... А вотъ закусить-то, Петръ Петровичъ, дѣйствительно, не мѣшало-бы!... Въ желудкѣ-то у меня, признаться, сегодня, съ самаго утра — одно торричеліево изобрѣтеніе...

Засѣд. Идемте, идемте, господа! *(Кивнетъ головой на смежную комнату).*

Никул. Я, знаете, тоже не прочь!... Торричеліево-то изобрѣтеніе, кажется, и въ моемъ желудкѣ начинаетъ корни пускать...

Ласточк. Стремлюсь! (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 10-е

Ивашка одинъ, трезвый.

Ивашка *(обводитъ глазами комнату и оборачивается къ двери).* Никого нѣту!

Голосъ «вѣстового»: Ушли закусывать!

Ивашка. *(Идетъ на край сцены).* Да! Тутъ, такъ водой отливать!... Такъ меня и надо, стараго дурака!... Все пропилъ!.. Душу чорту пропилъ!... Стыдъ... совѣсть потерялъ!... Э-эхъ! нѣтъ на меня и пропасти!.. Умираютъ-же добрые люди!... Господи!... За рюмку... готовъ продать—брата роднаго!... За што несчастный Василій погибаетъ?!.. За што его всѣ губятъ?!.. Устинову поперекъ горла сталъ.. такъ надо и со свѣта сжить?!... «За поджегъ»... Никто не поджигалъ!... Своя неосторожность!... «Его дѣло!... Злобу питаетъ изъ-за жены!»... А!.. бошься, штобы въ другой разъ, съ ножемъ, не налетѣлъ!... А ужъ спасти-то нé кому: умеръ старикъ!... Вотъ и надо совсѣмъ выжить!... Купилъ свидѣтелей-то.. кого—за рюмку, кого—за четвертную... А остальныхъ пронырствомъ обошелъ... Озлобился!... Радъ съѣсть Василья-то!...

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Ивашка и Устиновъ.

Устин. (*Тихо подходитъ къ Ивашкѣ сзади*). Што это онъ бормочетъ?!...

Ивашка (*продолжаетъ*) Душегубецъ!... На свою голову вытрезвили!.. Всю правду скажу!..

Устин. (*Торопливо пятится назадъ и потомъ опять идетъ къ Ивашкѣ, нарочно стучи ногами сильнѣе обыкновеннаго.— Словно сейчасъ замѣтилъ отсутствіе засѣдателя и проч*). Что видно, закусываютъ?

Ивашка. Закусываютъ.

Устин. Иди-ка сюда на минуточку! (*Оба уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Ласточкинъ одинъ.

(*Выходя держится за животъ и немного трясетъ его*). Вотъ это я понимаю!... Торричелій—дуракъ!... А вотъ изобрѣтатель колбасы—это совсѣмъ другое дѣло!.. И даже совсѣмъ другое! И даже совсѣмъ наоборотъ! ..

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Ласточкинъ, Устиновъ и Никулинъ.

Устин. (*входя*). Вотъ такъ-то лучше будетъ.... .

Ласточк Слушай, Григорій Петровичъ! А вѣдь я, ей-Богу, не убѣжденъ, что это, дѣйствительно, Куряковъ!...

Никул. И мнѣ тоже, кажется... Совсѣмъ у него видъ такой невинный... Ужь виноватаго, знаешь-ли сразу видно!..

Устин. Я што-же?.. Свидѣтели! .. видѣли какъ и поджигалъ!...

Никул. Ахъ, да!.. идите-ка, Григорій Петровичъ, подпишите свое показаніе .. давеча и забыли! (*Идутъ къ столу и подписываютъ*).

Ласточк. (*Въ сторону*). Ну, братъ, хоть ты и пріятель... а все-таки, чортъ тебя знаетъ, что это у тебя за свидѣтели?... Всѣ они у тебя въ кабалѣ... И какъ они тутъ всѣ пригодились, какъ на подборъ?!... (*Вспомнивъ что-то, бѣжитъ къ дверямъ*). Вѣстовой! (*Показывается «вѣстовой»*). Бѣги живо! Василья Куряковa сюда! (*«Вѣстовой» скрывается*).

Никул. (*Покончивъ съ подписью*). Да, дѣйствительно, если только это дѣло Курякова,—значитъ, онъ ловко умѣетъ маскироваться

Устин. (*Съ убѣжденіемъ*). Да ужь его дѣло! Будьте увѣрены!

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ-же и **засѣдатель.**

Засѣд. (*входя*). Вотъ теперь можно и за дѣло приняться!... (*Устинову*). Ахъ, вы уже здѣсь!... (*Ласточкину*). А что Куприкова не привели еще?

Ласточк. Я послалъ!...

Засѣд. (*Никулину*). А онъ у васъ какъ тамъ?... Изъ арестантской-то... не удеретъ?

Никул. Нѣ-ѣтъ! У насъ вѣдь арестантская-то!... Да онъ и не побѣжитъ...

Устин. Ну, знаете, это тоже нельзя поручиться!...

Никул. Куда онъ побѣжитъ?!

Устин. (*Простительно*). Вы-бы, господинъ засѣдатель спросили этого... повара-то нашего... Онъ опять, знаете пьянъ!... Да вѣдь што-же?... показаніе-то его извѣстно...

Засѣд. Напишите, пожалуста, Иванъ Иванычъ, сейчасъ-же отъ него показаніе... А потомъ его позвать, спросить два слова, да и пускай подписываетъ... чтобы поскорѣе... Онъ кажется, грамотный?

Никул. Сію минуту!... Да, онъ грамотный! (*Садится и пишетъ*).

Засѣд. Да, знаете, пошлютъ Куприкова въ Якутку!

Устин. Штоже, господинъ засѣдатель... за дѣло!... Нашего брата вотъ тоже признаться не миловали... А и дѣло-то какое было—одна глупость!... Вѣдь я въ Сибирь-то девятнадцати лѣтъ пришелъ!

Никул. Я вѣдь вамъ, знаете, разсказывалъ про его подсудность-то .. (*Киваетъ головой на комнату, гдѣ закусывали*). Вотъ вся и подсудность!... «За кражу», дескать... А какая кража, съ какой цѣлью, какихъ лѣтъ преступникъ,—это все—наплевать!

Устин. Какая тамъ кража?!... Молодежъ, знаете—насъ человѣка три—съ гумна мѣшокъ хлѣба въ кабакъ стащили .. Ну, знаете, по молодости, по неопытности, чего не бываетъ?... Вотъ и кража!... А тутъ-же и сынъ былъ того самого мужика, который хлѣбу хозяинъ!...

Ласточк. (*Въ сторону*). Ну, братъ, ты и врешь?!... Убѣдительно!!

Засѣд. Да, знаете!.. невинные люди страдаютъ, а негодяи и разбойники остаются безнаказанными!... Слышали, небось, господа, какое опять страшное преступленіе совершено въ Ушаковскѣ?!

Ласточк. Какъ не слыхать?! Скандалъ на всю губернію!

Никул. Дѣйствительно, ужасное преступленіе!... Убійство шести человѣкъ, съ цѣлью грабежа!!

Устин. Просто волосы дыбомъ становятся!

Засѣд. И что-же?!... Всѣ до одного преступника—какъ въ воду канули!!

Устин. Вотъ то-то и есть, господинъ засѣдатель!... Нашего брата—въ Сибирь... можно сказать—ни за что!... А вотъ эдакіе-то... вотъ и ищи ихъ!

Засѣд. Да, знаете... дѣйствительно. . Да вотъ хоть-бы этотъ извѣстный и перезвѣстный Бобковъ!!... Знаменитый Сергѣй Петровичъ Бобковъ!! —какъ сейчасъ помню!!... Вѣдь ужь лѣтъ десять съ того времени прошло... А гдѣ онъ?!!... Тоже—какъ провалился!!

Ласточк. Дѣйствительно, знаете... какъ провалился!... Вѣдь тогда всю полицію на ноги подняли... и чтоже?!— тируть!...

Засѣд. А знаете, что?... Ходятъ слухи, будто онъ гдѣ-то на приписке состоитъ... подъ другимъ именемъ!... Вотъ-бы узнать!!

Ласточк. Неужели?!! (*И въ тотъ-же мигъ дергаетъ Никулина за фалду, а Устинову посылаетъ носъ, скорчивъ комически-плачевную рожу*).

Засѣд. Я вамъ говорю!... Вотъ-бы, знаете сцапать!!... У-жь я-бы его!!. .

Ласточк. Ска-ажите, пожалуста!!.... Вотъ-бы, въ самомъ дѣлѣ!!.... А должно-быть, знаете, гусь—этотъ Бобковъ!

Никул. (*Вставая изъ-за стола*). Готово, Петръ Петровичъ!

Засѣд. Ну, чтожь, давайте его сюда!

Никул. Вѣстовой! (*Показывается «вѣстовой»*). Ивашку сюда! (*«Вѣстовой» скрывается*).

Засѣд. Теперь у насъ остается только обвиняемаго спросить...

Устин. Да, знаете, што-то онъ запоетъ?... Што-есть по лицу нельзя замѣтить—вотъ какой человѣкъ!

Засѣд. Посмотримъ, посмотримъ!

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Тѣ-же и **Ивашка**—особенно пьянъ.

Засѣд. Ты опять пьянъ?!

Ивашка. Совершенно въ дрызгъ... (*Спохватившись*). То-пись—никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе!

Засѣд. Какъ—«никакъ-нѣтъ»?!—ньянъ, какъ сапожникъ!! (*Келая поскорѣе отъ него отдѣлаться*). Показаніе, данное въ волостномъ правленіи, подтверждаешь?

Ивашка. Никакъ нѣтъ, ваше высокоблародіе! (*По всѣмъ, особенно по Устинову—точно пробѣжала электрическая искра*).

Засѣд. Что-о?!... Какъ!—«никакъ нѣтъ»?!

Ивашка. Я—поваръ... а не сапожникъ.

Засѣд. Тьфу, чертъ!... Подтверждаешь-ли показаніе, данное въ волостномъ правленіи?

Ивашка. Подтверждаю, ваше высокоблародіе... подтверждаю... Тамъ хоть трава не расти,—все подтверждаю!

Засѣд. То-есть какъ это—«трава не расти?»

Ивашка. А хоть трава не расти,—подтверждаю, да и капутъ!

Засѣд. Да ты говори толкомъ!... Можетъ, ты что-нибудь другое скажешь?

Ивашка. Другое-то?... Ничевосеньки!... Подтверждаю!

Никул. Ну, такъ иди-же подписывай!

Ивашка. А ужь коли подтверждаю, такъ и подпишусь! (*Идетъ и съ помощью Никулина подписываетъ*). Иванъ... Сворочи... съ дороги... руку... приложилъ. (*Встаетъ*). И-и-и много протянулъ!

Засѣд. Ну, пускай его убирается поскорѣе!... Ему какъ ссыльному, присяги не слѣдуетъ...

Ласточк. Ну, уходи! уходи!

Ивашка. (*Идя къ двери*). И такъ ухожу!... Горшокъ котлу не товарищъ... (*Поетъ*). Пропадай моя телѣга—всѣ четыре колеса!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ-же безъ Ивашки; Василій Купряковъ и сторожъ, его сопровождающій.

Засѣд. (*Съ апломбомъ*). Ну, братъ, Купряковъ! —сознавайся! Дѣло—твое!... Знай, что отрицаніе факта, доказываемаго присяжными свидѣтельскими показаніями... ни къ чему доброму не поведетъ... Напротивъ, оно повлечетъ за собою... увеличеніе степени наказанія .. Въ законѣ, братъ, такъ и написано: «раскаявшійся преступникъ заслуживаетъ снисхожденія»... Слѣдовательно, сознавшись... или—что одно и то-же—раскаявшись,—ты будешь при-

говорешь къ такому наказанію, которое—степенью или двумя—ниже заслуженнаго тобою, но не къ такому, которое—тоже степенью или двумя—выше заслуженнаго тобою. Къ этому-же послѣднему, болѣе строгому наказанію—ты можешь быть... и, навѣрное, будешь—присужденъ... именно при упорномъ отрицаніи тобою факта, доказываемаго, какъ я уже говорилъ, присяжными свидѣтельскими показаніями... Ну, такъ вотъ!... Что ты мнѣ на это скажешь?

Вас. Сознаваться-то, ваше благородіе, не въ чемъ.

Засѣд. Да вѣдь я-же тебѣ говорилъ, что фактъ доказывается присяжными свидѣтельскими показаніями!

Вас. Какіе-же свидѣтели-та, ваше благородіе?

Засѣд. Развѣ ты не знаешь, кого на дознаніи спрашивали?

Вас. Да! Такъ только эти и свидѣтели?

Засѣд. Будетъ, братъ, съ тебя и этихъ!... Чѣмъ-же они не свидѣтели?

Вас. (*Съ чуть замѣтной иронією*). Да чѣмъ не свидѣтели, ваше благородіе: подъ судомъ не были...

Засѣд. Можетъ-быть, ты ихъ къ присягѣ не допускаешь? Но вѣдь тебя ужь объ этомъ спрашивали?

Вас. Причинъ не имѣю, ваше благородіе: въ ссорѣ съ ними, слава Богу, не былъ...

Засѣд. Да ты братъ, оказывается, тонкій! Все знаешь: и что опороченные судомъ не могутъ быть свидѣтелями, и что можно не допустить къ присягѣ того съ кѣмъ ссорился!

Вас. Такъ точно, ваше благородіе. . Знаю... Шесть лѣтъ служилъ Богу и Великому Государю! А тамъ всему научатъ.

Засѣд *(Мягче)*. Такъ ты рѣшительно не желаешь измѣнить свое показаніе?

Вас. Такъ точно, ваше благородіе... Не желаю.

Засѣд. Черкните, Иванъ Иванычъ, протоколъ, что онъ остается при прежнемъ показаніи.

Никул. Сію минуту! (*Пишетъ*).

Засѣд. Напрасно, Куприковъ!.. Лишеніе всѣхъ правъ состоянія... каторжныя работы... и Якутская область—вотъ что у тебя впереди!... И я сію-же минуту долженъ тебя отправить въ Ушаковскъ, для заключенія въ тюремный замокъ... Ты совсѣмъ готовъ?

Вас. Такъ точно, ваше благородіе. . Готовъ... Приказано было.

Никул. И у меня то-же готово, Петръ Петровичъ!

Засѣд. Ну, роспишись! (*Купряковъ роспысывается*). А что лошадь подъ него?...

Ласточк. Давно здѣсь; Петръ Петровичъ!

Засѣд. Ну, что-же, и съ Богомъ! .. (*Купряковъ встаетъ изъ-за стола и хочетъ идти къ двери*). Напрасно, Купряковъ! напрасно не сознаешься!

Вас. Эхъ, ваше благородіе! (*Указываетъ на Устинова*) Ужь коли и безъ того онъ меня погубилъ,—такъ пусть-же и доѣдаетъ собака!! Можетъ, и ему Богъ не попуститъ! А я не виноватъ въ этомъ, и передъ Богомъ не отвѣчаю!

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Тѣ-же. судебный слѣдователь, товарищъ прокурора и двое городовыхъ.

Суд. слѣд. (*Раскланиваясь съ засѣдателемъ*). Судебный слѣдователь... Березовскій!

Тов. прок. (*Дѣлаетъ то-же*) Товарищъ прокурора... Колосовъ!

Засѣд. (*Привставъ, подаетъ имъ руку*). Земскій засѣдатель Простаковъ. (*Садится*).

Суд. слѣд. (*Засѣдателю, съ вѣжливымъ наклоненіемъ головы*). Э-э кто здѣсь — Устиновъ?

Засѣд. (*Привставъ, показываетъ на Устинова*). Имѣю честь рекомендовать! (*Садится*).

Суд. слѣд. (*Устинову, сдѣлавъ шагъ впередъ*). Я, судебный слѣдователь второго участка города Ушаковска, при господинѣ товарищѣ прокурора, именемъ закона... арестую васъ! (*Устиновъ обступаютъ городовые.—Всѣ удивлены*).

Устин. (*Крѣпко выдерживаетъ*) Позвольте узнать... за што?

Суд. слѣд. (*Съ методическою вѣжливостью*). Потому что вы—Сергей Петровъ Бобковъ. (*Устиновъ озирается, какъ звѣрь, пойманный въ клѣтку. Это сила, чувствующая «свое безсиліе» передъ обстоятельствами даннаго момента Городовые, держась за револьверы, вложенные въ кобуры, смотрятъ на него, съ такимъ выраженіемъ лицъ,—словно, при малѣйшей его попыткѣ сопротивляться аресту, готовы всадить въ него всѣ пули, какія имѣются въ ихъ распоряженіи. Засѣдатель вскакиваетъ со стула, разѣваетъ ротъ и растопыриваетъ*

руки. Никулинъ и Ласточкинъ—какъ громомъ поражены. Василій смотритъ то на засѣдателя, то на Устинова и—словно хочетъ сказать: «А что, не говорилъ-ли я, что, можетъ, и ему Богъ не попуститъ?») Прошу васъ, господинъ засѣдатель, сейчасъ-же распорядиться назначеніемъ конвоя!

Засѣд. Да вѣдь это... вѣдь это—Григорій Петровичъ Устиновъ!!

Суд. слѣд. Нѣ-ѣтъ! это—Сергѣй Петровичъ Бобковъ.. Я получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, и вотъ мы уже пятые сутки—день и ночь!—скачемъ сюда, съ господиномъ товарищемъ прокурора, чтобы арестовать его..

ЯВЛЕНІЕ 18-е.

Тѣ-же и Маша, *вся украшенная лоскутками всевозможныхъ цвѣтовъ, формъ и размѣровъ; она вбѣгаетъ въ такомъ видѣ, какой могъ-бы быть у сильно взволнованнаго сумасшедшаго. За ней вслѣдъ два мужика, чтобы задержать ее.*

Засѣд. Держите ее! Держите! Кто это такая?! (*Мужики схватываютъ ее и держатъ. Она сильно бьется*).

Ласточк. Это—Марья Купрякова, Петръ Петровичъ.

Засѣд. (*Сторожу, который привелъ Василья*). Ты что еще тутъ съ нимъ стоишь?! Уводи! уводи его скорѣе! (*Сторожъ торопливымъ кивкомъ головы указываетъ Василью дверь, но онъ и безъ того уже поворачиваетъ къ выходу и дѣлаетъ шага два*).

Маша. Васинька!!! Васинька!!! Ты опять въ солдаты?!?! Пустите меня!!! Пустите!!! Я не останусь!!! Я съ нимъ пойду!!!... Хха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!!!... (*Василій обертывается къ Машѣ и утираетъ рукавомъ слезы. Судебный слѣдователь и товарищъ прокурора превращаются въ вопросительно-удивительные знаки. На лицѣ Устинова отражается жгучее страданіе отъ жалости, но онъ, стиснувъ зубы, стоитъ, какъ окаменѣлый. Всѣ остальные—совершенно теряются.*

Занавѣсъ.

Павелъ Осѣкій

ОЧЕРКИ

БЫТА РАБОЧИХЪ

НА СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРОМЫСЛАХЪ.

Промыслы Тобольско-Акмолинскаго и Семипалатинско-Семирѣченскаго округовъ [1]).

Положеніе рабочихъ въ разныхъ золотопромышленныхъ округахъ Сибири въ общихъ чертахъ болѣе или менѣе одинаково: оно измѣняется лишь въ зависимости отъ того, развита-ли болѣе крупная или мелкая золотопромышленность, преобладаютъ-ли хозяйскіе работы или вольнотарательскія (артели такъ называемыхъ золотничниковъ). Но бытъ пріисковыхъ рабочихъ областей Акмолинской, Семипалатинской и Семирѣченской представляетъ рѣзкія особенности вслѣдствіе того, что рабочими на пріискахъ этой мѣстности являются преимущественно киргизы. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ восьмидесятыхъ годовъ, рабочіе на промыслахъ этихъ областей были преимущественно или даже исключительно—киргизы. По новѣйшимъ свѣдѣніямъ (1893—94 гг.) если не всѣ то по крайней мѣрѣ 9_0^0% рабочихъ пріисковъ Семипалатинской области—киргизы, а въ Семирѣченской области рабочіе изъ калмыковъ и дунганъ. Что касается Тобольско-Акмолинскаго округа, то, по отчетамъ Томскаго горнаго управленія за 1889—90 гг., инородцы составляли на здѣшнихъ пріискахъ 28—30% всѣхъ рабочихъ. Всего рабочихъ въ 1890 г въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ было 2155 ч., въ Тобольско-Акмолинскомъ—1536 ч. об. п.

По словамъ г. Крахалева, на промыслахъ киргизской степи всѣ условія иныя, чѣмъ на другихъ промыслахъ: здѣсь рабочіе въ теченіе всей операціи

---

[1]) Источниками и пособіями при составленіи этой статьи послужили, кромѣ неизданныхъ матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ горнаго департамента и Томскаго горнаго управленія: «Извлеченіе изъ отчета о частной золотопромышленности въ Сибири за 1881 г.»; «Горн. Журн.», 1882 г. № 9; «О частной золотопр. въ Зап. Сибири изъ отчета Том. гор. упр. за 1890 г.»; «Горн. Журн.», 1891 г. № 12; «Краткій очеркъ о состояніи Семипалатинск.-Семирѣч. горн. окр. за 1893 г., А. Зборовскаго («Горн. Жур.», 1894 г. № 8); ст. Н. Боголюбскаго, Коцовскаго, Крахалева, Крашенинникова и др., а также разные матеріалы и замѣтки въ «Вѣстникѣ Золотопромышленности» за 1892—94 гг.

живутъ на пріискахъ «съ семьей, со всѣмъ домашнимъ инвентаремъ и скотомъ». Здѣшніе рабочіе—киргизы «кочуютъ лѣтомъ и живутъ зимою на такъ, называемыхъ «зимнихъ стойбищахъ» и «кыстау» (зимовка), въ районѣ которыхъ по преимуществу расположены пріиски для добычи золота. Отработавъ въ день заданное или урокъ, киргизъ идетъ десятка два саженъ отъ разрѣза (иногда и полъ-версты) въ свою юрту, домой, къ своимъ семьѣ и очагу и тутъ остается свободнымъ до слѣдующаго утра... Кончилась операція, киргизъ-рабочій также всѣмъ кошомъ двигается къ зимовкѣ. Такое передвиженіе въ Семипалатинской области не превышаетъ 40—60, а въ Акмолинской 15—20 верстъ». По словамъ г. Коцовскаго, «на пріискахъ Семипалатинской области, рабочіе состоятъ исключительно изъ мѣстныхъ киргизовъ», русскіе-же, которыхъ здѣсь сравнительно мало, занимаютъ мѣста, гдѣ необходимо профессіональное знаніе, какъ-то: кузнецовъ, плотниковъ, шорниковъ и т. д. Тяжелое впечатлѣніе «производитъ рабочій—киргизъ. Весь въ рубищѣ, а зачастую на половину обнаженный, онъ съ какимъ-то наивнымъ выраженіемъ лица», лѣниво исполняетъ свою работу. «Вся тяжесть непривычнаго труда, все неумѣнье выражается въ его жестахъ и обращеніи съ инструментами. Киргизъ по природѣ своей склоненъ къ лѣни... Вся тяжесть работы у нихъ лежитъ на женахъ, самъ-же киргизъ является повелителемъ, посвящая всѣ дни сну, ѣдѣ и разъѣздамъ по сосѣднимъ ауламъ. Но не прочно ихъ благосостояніе, все построенное на скотоводствѣ. Достаточно одного или двухъ лѣтъ падежа скота, составляющаго въ степи обыкновенное явленіе, благодаря безпечности киргизовъ, какъ все благосостояніе послѣдняго разрушается прахомъ, и онъ, окруженный большой семьей, съ уцѣлѣвшимъ отъ падежа скотомъ, незначительнымъ домашнимъ скарбомъ и юртой, отправляется на пріискъ наниматься рабочимъ». По оффиціальному свидѣтельству, «кромѣ безвыходной нужды и взысканія податей, киргиза ничто не заставитъ идти въ работу и отказаться отъ приволья лѣтнихъ кочевокъ».

Въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ горномъ округѣ киргизы нанимаются на пріиски большею частію изъ ближайшихъ волостей зимою, съ октября по январь. Являются они на пріискъ сами, безъ понудительныхъ мѣръ, начиная съ послѣднихъ чиселъ марта, хотя срокъ явки по договорамъ, заключеннымъ ими съ золотопромышленниками, назначается обыкновенно 1-го апрѣля; впрочемъ большинство рабочихъ приходитъ въ апрѣлѣ, а нѣкоторые и въ маѣ. Оканчивается срокъ найма 1-го октября. По договору рабочихъ-киргизовъ Усть-

Каменогорскаго уѣзда Семипалатинской области съ золотопромышленницею Степановою 1888 г., они обязались явиться на ея пріискъ «по первому извѣщенію чрезъ управляющаго, никакъ не позже 1-го апрѣля», или тогда, когда они будутъ извѣщены, «въ противномъ случаѣ, за неявку кого-либо изъ насъ, по какимъ-бы-то ни было причинамъ, къ означенному сроку подвергаемъ себя отвѣтственности по 30 к. за каждый просроченный день, а по окончательной неявкѣ къ работамъ до истеченія условленнаго срока, то есть по 1-е октября, виновный долженъ возвратить полученный имъ задатокъ и обязанъ уплатить неустойки 25 руб. сер. единовременно» [1]). На случай неявки къ назначенному сроку и неотработки долга къ 1-му октября, нанявшіеся киргизы ставили «въ обезпеченіе по себѣ» поручителей, которые «съ приложеніемъ тамги» отвѣчали «за неявку и неотработку долга всецѣло». Расходы при полученіи паспортовъ рабочіе принимали по этому договору на свой счетъ.

Относительно размѣра задатка мы имѣемъ мало точныхъ свѣдѣній. На пріискѣ Смирнова въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, въ операцію 1892—93 г., средній размѣръ задатка—8 р.; на пріискѣ Степановой того-же уѣзда, въ операцію 1893 г., средній задатокъ—16 руб. По свидѣтельству г. Коцовскаго, задатокъ въ Семипалатинской области рѣдко превышаетъ трехмѣсячный окладъ. На только что упомянутомъ пріискѣ Смирнова задатокъ въ операцію 1893 г. составлялъ 43% всего заработка, на пріискѣ Степановой въ томъ-же году—50%. По оффиціальному свидѣтельству, задатки нерѣдко пропадаютъ, а оставшіеся паспорты вызываютъ недоразумѣнія, такъ какъ иногда оказывается, что взялъ задатокъ не тотъ, кому выданъ паспортъ; но мы увидимъ ниже, что побѣги вовсе не составляютъ особенно частаго явленія. Большинство пріисковыхъ рабочихъ Семипалатинской области нанимается по контрактамъ. На Кокчетовскихъ промыслахъ (нынѣ Тобольско-Акмолинскаго горнаго округа) пріиски, въ первое время по ихъ открытіи (т.-е. съ начала 40-хъ годовъ) работались также контрактными рабочими; теперь-же здѣшніе пріиски разрабатываются старателями-золотничниками, и контрактными рабочими производятся работы только на весьма немногихъ пріискахъ съ болѣе богатыми розсыпями и обильными водою. Золотопромышленники нанимаютъ тутъ мѣстныхъ киргизовъ безъ всякихъ задатковъ, а если и даютъ ихъ, то товарами и припасами, а не деньгами.

---

[1]) По договору киргизовъ того-же уѣзда съ золотопромышленникомъ Брюхановымъ неустойка за неявку назначена та-же, а за просроченные дни опредѣлена пеня по 15 к.

Не явилось на пріиски Семипалатинской области въ 1879 году 5% нятыхъ рабочихъ, въ 1880 г.—4%, въ 1881 г.—2%, въ 1884 г.—4%, въ 1889—болѣе 2%, въ 1890 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ—2%, въ 1891 г. болѣе 2%, въ 1892—менѣе 1%; слѣдовательно число неявившихся рабочихъ постепенно уменьшается. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ въ 1890 г. неявившихся не было вовсе, что, впрочемъ, объясняется малымъ количествомъ контрактныхъ рабочихъ.

Пріиски киргизской степи по своему внѣшнему виду не похожи на пріиски въ тайгѣ: это скорѣе лѣтнее стойбище киргизовъ. «Только присутствіе среди цѣлаго ряда разбросанныхъ тамъ и сямъ киргизскихъ юртъ нѣсколькихъ невзрачныхъ на видъ домиковъ, въ которыхъ помѣщаются управляющіе, служащіе и мастеровые или, какъ тутъ называютъ, заводъ»—указываютъ, по словамъ г. Коцовскаго, на то, что это не стойбище киргизовъ.

Такъ какъ среднее содержаніе золота на промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа весьма ничтожно, то существованіе здѣсь золотого промысла въ его нынѣшней формѣ хозяйскаго предпріятія оказывается возможнымъ лишь благодаря незначительной толщинѣ торфовъ [1]), отсутствію работъ, требующихъ откачиванія воды, отведенія руселъ рѣкъ и т. п., а также дешевизнѣ рабочихъ рукъ и «неприхотливости требованій рабочихъ».

Орудіемъ горныхъ работъ въ Семипалатинской области является исключительно ломъ, необходимый потому, что въ золотоносномъ пластѣ встрѣчается очень много камней; кайлу здѣсь рабочіе киргизы считаютъ неудобною, но на Кокчетовскихъ промыслахъ употребляется и кайла. Промываютъ пески на промыслахъ Семипалатинской области на ручныхъ бутарахъ. Доставленные къ бутарѣ пески выгружаются на ея чугунное рѣшето, на которомъ и подвергаются протиркѣ. При постоянномъ притокѣ воды протирщики перемѣшиваютъ пески и разбиваютъ глину гребками. Только на одномъ пріискѣ Степанова г. Коцовскій нашелъ золотопромывательную машину, приводимую въ дѣйствіе наливнымъ колесомъ [2]). На Кокчетовскихъ промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа старатели-золотничники добываютъ пески преимущественно шурфами и только въ рѣдкомъ случаѣ изъ разрѣзовъ; промываютъ пески на бутарахъ и вашгердахъ.

---

[1]) Толщина торфовъ въ этомъ округѣ колеблется между $^1/_4$ и 3 аршинами, въ среднемъ-же равняется въ Усть-Каменогорскомъ уѣздѣ 2,07 ар., въ Зайсанскомъ 2,45 ар.

[2]) Прежде, въ 1868—70 гг., на пріискахъ Семипалатинской и Семирѣченской областей было 8—10 золотопромывательныхъ чашъ.

Относительно продолжительности рабочаго дня на промыслахъ Киргизской степи мы имѣемъ слѣдующія оффиціальныя свѣдѣнія. Въ 1879 году рабочій день въ Семипалатинской и Акмолинской областяхъ равнялся 12 часамъ; въ 1880 г. въ Акмолинской также, а въ Семипалатинской число рабочихъ часовъ колебалось между 8 и 12 часами, въ среднемъ-же равнялось 10-ти: въ 1881 году въ Семипалатинской—7—12 ч., въ среднемъ 9 ч., въ Акмолинской до 10 ч.: въ 1883—84 гг. въ обѣихъ областяхъ не болѣе 10 ч. Въ 1889 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ maximum 12 ч., minimum 10 ч., въ среднемъ 10 ч.; въ Тобольско-Акмолинскомъ max. 10 ч., minim. 7 ч., среднее 8 ч. Въ 1890 г. продолжительность времени, употребляемаго на исполненіе урока при горныхъ работахъ въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ и Тобольско Акмолинскомъ округахъ, колебалась между 8 и 11 часами, а средняя продолжительность рабочаго дня считалась въ первомъ округѣ 9 ч., а во второмъ 9½ ч. Въ 1891 г. въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ съ 1-го марта по 1-е мая продолжительность рабочаго дня показана въ 7 ч., а съ 1-го мая по 1-е октября—10 ч., въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ съ 1-го марта по 1-е мая—8 ч., а съ 1-го мая по 1-е октября—12 ч. По словамъ горнаго исправника Крахалева, продолжительность рабочаго дня на промыслахъ киргизской степи «не превышаетъ 12 ч., *включая сюда и* тѣ три часа, кот. идутъ на завтракъ (съ 7 до 8 ч. утра) и на обѣдъ (съ 12 до 2 ч. дня), слѣдовательно работа продолжается не болѣе 9 ч. Въ 1893 г., по свидѣтельству мѣстнаго окружнаго инженера, на однихъ промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго горнаго округа продолжительность рабочаго дня колебалась между 7 и 10 часами, на другихъ 7—8 ч., средняя-же продолжительность рабочаго дня, по его мнѣнію, равняется 8 ч. По словамъ г. Коцовскаго, на промыслахъ Семипалатинской области работы начинаются съ разсвѣтомъ, идутъ до 11—12 ч., затѣмъ для обѣда и отдыха дается одинъ или два часа; послѣ чего снова приступаютъ къ работамъ. Уроки на большинствѣ пріисковъ оканчиваются между 3 и 5 часами, но на нѣкоторыхъ пріискахъ Колбинской системы работы легче и оканчиваются къ 2 ч. Такимъ образомъ, судя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, можно было-бы думать, что продолжительность рабочаго дня за послѣднія 15 лѣтъ уменьшилась. Но по болѣе подробнымъ свѣдѣніямъ въ отчетѣ мѣстнаго окружнаго инженера на промыслахъ Семипалатинской области за 1888 годъ оказывается, что изъ 33 пріисковъ, на 4-хъ продолжительность рабочаго дня равнялась 12 ч., на 1-мъ—11 ч., на 6-ти—10 ч., на 5 пр.—

10—12 ч., на 6-ти—9 ч., на 2-хъ 9—10 ч., на 3-хъ—8 ч., на 1-мъ—8—10 ч., на 1-мъ—8—9 ч., на 4-хъ—7—8 ч., слѣдовательно на половинѣ пріисковъ продолжительность рабочаго дня равнялась 10—12 ч., въ среднемъ же на всѣхъ промыслахъ нѣсколько менѣе 10 ч. Такимъ образомъ, измѣненія сравнительно съ началомъ 80 годовъ не замѣтно, но во всякомъ случаѣ продолжительность рабочаго дня на золотыхъ промыслахъ киргизской степи менѣе, чѣмъ въ другихъ горныхъ округахъ Сибири.

Въ контрактахъ продолжительность рабочаго дня не всегда точно обозначается: такъ въ договорѣ Степановой съ рабочими—киргизами (1888 г.) сказано: «изъ рабочаго дня должно полагаться намъ на завтракъ 1 ч., на обѣденное время и отдыхъ 2 ч. въ день; работа должна быть даваема намъ урочная»,— и затѣмъ слѣдуетъ опредѣленіе размѣровъ урока. Количество рабочихъ часовъ не обозначено очевидно потому, что оно зависѣло отъ времени окончанія урока. Въ договорѣ съ Брюхановымъ киргизы обязывались работать съ 5 ч. утра до 7 ч. вечера, за исключеніемъ полутора часового отдыха для обѣда, слѣдовательно 12½ ч., но тутъ-же пояснено, что урочную работу они обязываются выполнять безъ недопмки.

Хотя приведенныя выше оффиціальныя показанія о продолжительности рабочаго дня и не вполнѣ одинаковы, но все-таки видно, что рабочій день на промыслахъ киргизской степи не такъ великъ, какъ, напр., въ Енисейскомъ или Олекминскомъ округахъ. По условію, выработанному мѣстными золотопромышленниками на съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 году, опредѣлено: «начинать работу въ 5 ч. утра и продолжать до окончанія урока, полагая при этомъ на завтракъ 1 ч. и на обѣдъ 2 ч., *но оканчивая урокъ въ 8 рабочихъ часовъ*». Въ этомъ-же условіи указанъ и размѣръ урока (см. ниже), за неисполненіе котораго назначенъ денежный штрафъ. Въ условіи не пояснено, дозволяется-ли рабочимъ, не окончившимъ урока въ 8 часовъ, продолжать работать и долѣе, или работа непремѣнно прекращается въ 4 ч. пополудни и съ неокончившаго урокъ берется штрафъ. Въ первомъ случаѣ опредѣленіе продолжительности рабочаго дня оказывается призрачнымъ, во второмъ рабочій терпитъ большой матеріальный ущербъ, а невыработка возможна, такъ какъ, хотя урокъ назначенъ умѣреннѣе, чѣмъ на промыслахъ Восточной Сибири, но максимальное разстояніе отвоза (100 саженъ) слишкомъ велико. Точное регулированіе продолжительности рабочаго дня должно было-бы вызвать отмѣну урочной системы и замѣну ея задѣльною платою безъ всякаго опредѣленія размѣра урока. Золото-

промышленники могутъ возразить, что на готовомъ нищевомъ довольствіи дурной рабочій, пожалуй, готовъ будетъ получать и самую небольшую плату лишь-бы только имѣть возможность мало работать; но отъ излишней льготы въ работѣ золотопромышленники защищены правомъ досрочнаго разсчета рабочихъ, хотя это право, разумѣется, должно быть поставлено закономъ въ извѣстныя границы.

Въ горныхъ работахъ продолжительность рабочаго дня зависитъ отъ размѣра урока. До сихъ поръ въ Семипалатинской области размѣръ уроковъ колебался весьма значительно: по свидѣтельству г. Коцовскаго, на большинствѣ пріисковъ уроки не превышаютъ 1 куб. сажени на 1-го забойщика, 1-го накладчика и 1-го возчика, хотя бываютъ уроки и значительно большіе а именно— 2 куб. саж. на 1 забойщика, 1-го накладчика и 2 возчиковъ; но бываютъ уроки и еще болѣе значительные: по договору со Степановою, на пескахъ и торфахъ, на двухъ человѣкъ и 1 лошадь, полагалось добыть и вывезти, съ начала промывки по $1^1/_3$ куб. саж. (съ 1-го августа по 1-е октября по 1 куб. саж.). Если управляющій сочтетъ болѣе удобнымъ назначать урокъ на пескахъ по счету таратаекъ, то на 2 чел. и 1 лошадь полагалось 100 таратаекъ. Если вскрыша торфа будетъ производиться съ ручною откаткою на тачкахъ, то урокъ на 3 человѣкъ назначался тотъ-же, что при лошади на двухъ. По договору съ Брюхановымъ назначено вырабатывать и отвозить одну куб. саж. золотоноснаго пласта двумя рабочими на одной хозяйской лошади, а торфа вскрывать двумя рабочими и одною лошадью $1^1/_3$ куб. саж. съ отвозомъ не далѣе ста сажень, а безъ лошади, ручнымъ откатомъ, тремъ человѣкамъ полагалась одна куб. саж. съ откатомъ не далѣе 50 саж., а если отвалъ будетъ ближе, то $1^1/_2$ куб. саж. Если вѣрить показанію горнаго исправника Крахалева, уроки на пріискахъ Семипалатинской области исполняются безъ напряженія силъ и на столько не велики, что рабочіе нерѣдко оканчиваютъ ихъ къ 4—5 ч. вечера Г. Крахалевъ увѣряетъ, что, окончивъ довольно рано свой урокъ, киргизы «работаютъ тогда по доброй волѣ, на правахъ старателей, получая за то особую плату, (60—70 к. съ куб. саж. вскрытаго торфа; «такимъ образомъ» (?), продолжаетъ г. Крахалевъ, «физическому переутомленію рабочихъ здѣсь нѣтъ мѣста» (?). Напротивъ г. Коцовскій въ своемъ описаніи пріисковъ Семипалатинской области, хотя и утверждаетъ, что уроки на большинствѣ промысловъ оканчиваются между 3 и 5 часами, но рѣшительно отрицаетъ существованіе сверхъурочныхъ старательскихъ работъ контрактныхъ

рабочихъ. «Сверхъ контрактнаго урока», говоритъ опъ, «*рабочіе не вырабатываютъ ничего болѣе*, и здѣсь, какъ мнѣ сообщали управляющіе пріисками, невозможно ввести старательскую работу, т. е. работу сверхъурочную, за которую назначается отдѣльная плата».

По условію, выработанному золотопромышленниками въ 1894 г. на съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ, «рабочіе должны вырабатывать ежедневно на двухъ человѣкъ и одну лошадь до 1 куб. саж. золотоноснаго пласта, съ зачисткою по почвѣ» и до 1 1/6 куб. сажени торфовъ. Этотъ урокъ можетъ быть задаваемъ только при отвозкѣ не далѣе 100 с., а затѣмъ пріисковое управленіе или прибавляетъ по 1 лошади съ человѣкомъ на 2 саж., или уменьшаетъ урокъ на одну четверть.

Въ томъ-же условіи относительно экстренныхъ работъ сказано: «по выполненіи заданнаго урока, пріисковое управленіе не должно задавать рабочимъ, въ тотъ-же день, другую работу, но въ случаѣ несчастья: наводненія, прорыва плотинъ и канавъ или пожара, рабочіе обязуются явиться по первому призыву днемъ и ночью и *взамѣнъ этого пользоваться отдыхомъ въ слѣдующій день, столько часовъ, сколько будетъ употреблено на сверхъурочную работу*». Это правило, хотя оно должно было-бы существовать повсемѣстно, является нѣкоторою новостью. Въ другихъ горныхъ системахъ, на нѣкоторыхъ пріискахъ полагается денежное вознагражденіе за экстренныя работы, но въ большинствѣ случаевъ оно отсутствуетъ, и пріисковыя управленія, повидимому, ограничиваются подпесеніемъ винной порціи. Въ условіи, выработанномъ усть-каменогорскими золотопромышленниками, далѣе сказано: «не вышедшіе на таковую (экстренную) работу подвергаются наказанію, какое будетъ постановлено правилами артельной расправы».

Очень важная и выгодная для рабочихъ особенность промысловъ киргизской степи состоитъ въ томъ, что по воскресеньямъ здѣсь работъ не бываетъ, всегда празднуются также, такъ называемые, «высокоторжественные дни». Впрочемъ по воскресеньямъ рабочіе отрабатываютъ иногда такіе дни, въ которые они почему-либо не могли работать. Такъ напр., киргизы, чтобы быть свободными въ праздникъ Байрама (24, 25 и 26 іюня), должны работать три воскресенья. Въ наши церковные праздники, кромѣ воскресенья, киргизы работаютъ. Впрочемъ на нѣкоторыхъ пріискахъ и «высокоторжественные дни» рабочимъ приходится отрабатывать въ другіе дни. Такъ напр., по договору со Степановою, рабочіе киргизы обязываются «работать ежедневно, исключая

воскресные и высокоторжественные дни»; но если послѣдніе будутъ приходиться въ рабочіе дни, то киргизы обязывались безпрекословно отработать ихъ въ первый воскресный день до этого праздника. По оффиціальнымъ отчетамъ 1879—1890 гг. среднее количество рабочихъ дней въ теченіе операціи въ Семипалатинской области колебалось между 86 и 108, но чаще было ближе къ этой послѣдней цифрѣ, а въ Акмолинской—области между 76 и 122. Въ 1893 году въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ наибольшее количество дней достигало на одномъ пріискѣ 173, а наименьшее на 4 пріискахъ—22—39 дней. Наиболѣе-же обычнымъ числомъ рабочихъ дней, въ теченіе операціи, т. е. съ 1-го апрѣля по 1-е октября, мѣстный горный инженеръ считаетъ 100—170.

Зимою горныхъ работъ на промыслахъ киргизской степи вообще не производится, и на пріискахъ оставляютъ лишь караульныхъ. Исключенія очень рѣдки. Относительно Семипалатинской области только въ отчетѣ за 1887 годъ, мы находимъ извѣстіе, что на промыслахъ Свято-Макарьевскаго товарищества, «*на которыхъ ведутся исключительно подземныя работы*, рабочіе задолжаются круглый годъ». Но въ отчетѣ за слѣдующій годъ сказано, что золотоносные пески добывались на этомъ пріискѣ въ открытыхъ разрѣзахъ. По словамъ окружнаго инженера Зборовскаго, «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Семипалатинской области и можно-бы производить работы до 1-го ноября и даже дольше, но... рабочіе, въ особенности изъ инородцевъ, до того привыкли къ установленнымъ срокамъ операціоннаго времени, что позже 1-го октября ни за что не остаются», и потому «зимнія работы не прививаются». Въ Кокчетовской системѣ Тобольско-Акмолинскаго округа промывка песковъ производится въ зимніе мѣсяцы лишь на двухъ-трехъ пріискахъ; но она весьма ничтожна, и, по словамъ г. Крахалева, представляетъ «скорѣе избавленіе отъ голодовки тѣхъ бѣднѣйшихъ... старателей, которымъ ни жить зимою нечѣмъ, ни дѣваться некуда». Плата за работу на промыслахъ киргизской степи весьма не высока. По оффиціальному отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири въ 1879 году, рабочіе за 6 мѣсяцевъ получали въ Семипалатинской области 25—30 р., слѣд. по 4—5 р. въ мѣсяцъ.—Дѣйствительно это было наиболѣе обычною платою, но изъ отчета о золотопромышленности въ Семипалатинской области за 1879 г. видно, что на нѣкоторыхъ промыслахъ плата падала и ниже 3 р. въ мѣсяцъ, а на одномъ пріискѣ поднималась до 8 р. [1]). Въ

[1]) На пріискахъ арендатора Никонова рабочіе получали 4—5 р. въ мѣсяцъ; на пріискахъ Степановыхъ 20—50 р. за 6 мѣсяцевъ; на пріискахъ Касаткиныхъ 25—30 р. за

1883 году, по отчету о золотопромышленности въ Западной Сибири, рабочіе въ Семипалатинской области получали 20—50 р. въ лѣто, на нѣкоторыхъ-же пріискахъ полагалось мѣсячное жалованье отъ 4 р. до 5 р. 50 к. Въ отчетахъ за 1884—87 гг. указана та-же плата за все лѣто, а мѣсячное жалованье иногда повышалось до 6 р. Въ 1889 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ, по свидѣтельству мѣстнаго окружнаго инженера, рабочая плата падала иногда и до 2 р. въ мѣсяцъ! Въ 1888 г. въ Семипалатинской области. если считать операцію въ 6 мѣсяцевъ, вознагражденіе въ мѣсяцъ колебалось между 2 р. 50 к. и 7 р. 50 к., то есть равнялось 8—25 к. въ день, а по отчету за 1889 г. maximum платы на двухъ пріискахъ доходилъ до 60—65 р. въ операцію [1]). Въ 1890 г. плата въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ равнялась 3 р. 60—7 р. 50 к. въ мѣсяцъ и 20—70 р. въ операцію. Въ 1891 г., по свидѣтельству Н. Боголюбскаго, въ томъ-же горномъ округѣ мѣсячное жалованье равнялось 4—6 р., а за операцію—22 р. 50 к.—60 р.; мы видѣли, что операція продолжалась 6 мѣсяцевъ, слѣдовательно maximum платы въ мѣсяцъ равнялся 10 р. Въ 1893 г., по свидѣтельству мѣстнаго окружнаго инженера, плата мущинамъ равнялась въ мѣсяцъ 3—6 р., въ среднемъ 5 р., а за операцію—18—93 р. въ среднемъ—27 р. 50 коп. Максимальную плату получали безъ сомнѣнія, мастеровые. По крайней мѣрѣ на Пановскомъ пріискѣ Сурова въ Семирѣченской области таранчинцы и киргизы получали по 5 р., русскіе по 7 р.. мастеровые отъ 15 до 25 р. въ мѣсяцъ. По свидѣтельству г. Коцовскаго, на пріискахъ Семипалатинской области рабочіе получали слѣдующее мѣсячное жалованье: забойщикъ и накладчикъ 3 р. 50 к.—6 р., возчикъ 3 р.—5 р., пробойщикъ (протирщикъ) 3 р. 50—6 р., табуп-

---

6 мѣсяцевъ; на пріискахъ Симоновыхъ 17 р. 50 к.—30 р., за то-же время; на пріискѣ Перфильева 4—5 р. въ мѣсяцъ; у Сабурова 22 р. 50 к. за шесть мѣсяцевъ; на пріискѣ Сурова и Пухова и на пріискахъ Проскуряковыхъ 30 р.

[1]) А именно: въ 1888 г. на пріискахъ Валитова 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, на пріискахъ Самсоновыхъ 30—40 р. за 6 мѣсяцевъ, на пріискахъ Степановой 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, у Касаткиныхъ 30—35 р. во всю операцію, на пріискѣ Селиверстова 30—40 р. въ операцію, у Брюханова 15—25 р. въ операцію, на пріискѣ арендаторши Хотинской 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, на пріискахъ компаніи Степанова и Попова 25—30 р. въ лѣто, на пріискахъ Москвина 5 р.—7 р. 50 к. въ мѣсяцъ, у Степановыхъ 25—40 р., у Афонина и Грековой 20—40 р. за операцію, на пріискѣ Смирнова 50 р. Въ операцію 1889 г. плата была почти вездѣ та-же, что и въ предыдущій годъ, но на нѣкоторыхъ показана нѣсколько выше: такъ на пріискѣ Брюханова мы не находимъ уже 15 р. платы за все лѣто, на пріискахъ компаніи Степанова и Попова плата значительно повышена (45—65 р. въ операцію); на пріискахъ Степановыхъ 30—60 р. въ операцію. Изъ договора со Степановою видно, что мѣсячная плата у нея колебалась между 3 р. 30 к. и 5 р. 65 к.

щикъ 7 р.—7 р. 50 к., поторжные до 5 р. Ремесленники, по большей части изъ русскихъ, получаютъ мѣсячное жалованье: кузнецы 10—25 р., плотники и шорники 10—20 р. Въ Акмолинской области рабочему платили на золотыхъ промыслахъ 4—8 р. въ мѣсяцъ или 20—25 р. за операцію. Нужно впрочемъ помнить, что контрактныхъ рабочихъ на Кокчетовскихъ промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа весьма немного: въ 1890 г. хозяйственнымъ способомъ разработывалось 4 пріиска, причемъ плата мущинамъ равнялась 8 р. 85 к. въ мѣсяцъ, вѣроятно на собственномъ продовольствіи, по крайней мѣрѣ на трехъ пріискахъ, работавшихся хозяйственными работами въ 1893 году, мѣсячная плата забойщику въ 9 р. была назначена на своемъ содержаніи.

Плата подросткамъ-возчикамъ Семипалатинской области въ 1879 г. равнялась 18 р. за 6 мѣсяцевъ. Подростки нанимались въ этой мѣстности не моложе 15-ти лѣтняго возраста. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ подросткамъ платили въ 1890 г. 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, а по свидѣтельству Крашенинникова, въ 1893 г. подросткамъ-возчикамъ—*4 р. на собственномъ содержаніи!*

Женщины, находящіяся при различныхъ занятіяхъ на пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа, получали мѣсячную плату 3 р. 50—5 р. 50 к. на хозяйскомъ содержаніи. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ 6 р.—6 р. 75 к. въ мѣсяцъ на своемъ продовольствіи.

При ничтожной мѣсячной платѣ, вычетъ за недоработку уроковъ назначается весьма большой. По договору со Степановою (1888 г.) за каждую недоработанную куб. сажень вычитали изъ мѣсячной платы на пескахъ 1 р. 20 к., на торфахъ—60 к. По условію, составленному Усть-Каменогорскими золотопромышленниками на съѣздѣ 1894 г., неокончившіе урокъ должны платить пріисковому правленію за каждую недоработанную ¼ куб. саж. по 75 к., разлагая отвѣтственность эту на дѣйствительно виновныхъ.

Кромѣ мѣсячнаго жалованья, на многихъ пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа существуетъ плата за подъемное золото, «т.-е. такое, которое поднято въ забой или снято съ вашгердовъ, какъ непроскочившее черезъ отверстіе рѣшетъ». За это золото платятъ отъ 1 р. до 1 р. 50 к. за золотникъ. Есть такіе пріиски, какъ Казанскій Москвина, на которомъ подъемное золото составляетъ чуть-ли не четверть всего добытаго на этомъ пріискѣ золота, благодаря его крупности. По договору со Степановыми за самородки менѣе 1 ф. платили по 1 р. за золотникъ, а за самородокъ болѣе 1 ф. плата назначалась по усмотрѣнію управляющаго, причемъ вообще плата за самородки выдавалась нашедшему его, а не дѣлилась «на компанію».

По договору съ Брюхановымъ, ему предоставлялось передавать рабочаго по своему усмотрѣнію другому золотопромышленнику На съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. было постановлено, что вообще въ случаѣ перевода рабочаго съ одного пріиска не другой ему должно было платить на пути прежнее жалованье, перевозить и кормить семью рабочаго на счетъ хозяина.

Горныя работы на промыслахъ киргизской степи производятся не всегда за мѣсячное вознагражденіе, а иногда изъ подряда, но за скудную плату. Такъ въ 1889 и 93 гг. за вскрышу торфовъ и добычу песковъ съ подряда, платили 60—80 к. за 1 куб. саж. По словамъ г. Коцовскаго, торфа очень рѣдко снимаются въ Семипалатинской области контрактными рабочими и, по большей части, на эту работу задолживаются вольные киргизы съ платою за добытую кубическую сажень отъ 50 к. до 1 р, причемъ инструменты, таратайка и упряжь хозяйскіе, а торфофшикъ долженъ имѣть свою лошадь или быка *и кормиться на свой счетъ*. На Кокчетовскихъ промыслахъ Тобольско-Акмолинскаго округа за вскрышу торфа и отвозъ на отвалъ платятъ по 1 р., а за перевалку по 60 к. съ кубической сажени; за добычу песковъ и подвозку ихъ на бутару по 1 р. 20 к. съ кубической саж; за добычу и промывку песковъ на ручныхъ бутарахъ—по 5 к. съ тарагайки, что составляетъ немного болѣе 2 р. 40 к. съ кубической сажени. Плата эта назначается при возкѣ не далѣе 100 саж. При вскрышѣ торфа рабочіе должны имѣть здѣсь при такомъ способѣ найма не только свое содержаніе и своихъ лошадей, но также свои таратанки и свои инструменты. При добычѣ-же и промывкѣ песковъ (по 5 к. съ таратайки) золотопромышленникъ даетъ отъ себя рабочимъ бутару, таратайку и необходимые инструменты.

На одномъ пріискѣ Семипалатинской области въ 1888 г добывалось рудное золото; средняя плата за поденщину равнялась здѣсь мужчинамъ—40 к., женщинамъ—30 к. и дѣтямъ—10 к. Въ 1889 г. средняя плата рабочему на томъ-же пріискѣ считалась—37 к. въ день.

Относительно продовольствія хозяйскихъ рабочихъ на промыслахъ Семипалатинской области въ отчетѣ о тамошней золотопромышленности за 1879 г. годъ сообщаются слѣдующія свѣдѣнія: «пища рабочимъ приготовляется въ весеннее время отъ пріиска, а въ лѣтнее время женами ихъ и родственниками изъ отпускаемыхъ имъ отъ пріиска на каждаго рабочаго, въ мартѣ и апрѣлѣ крупы ¹/₄ фунта, мяса 1 ф. и печенаго хлѣба, со дня прихода на работу и до окончанія операціоннаго времени, по 4 ф. въ сутки, а съ 1 го мая по 1-е

октября. первыхъ двухъ предметовъ» (т.-е. крупы и мяса) не выдается; слѣдовательно лѣтомъ рабочіе получали отъ пріискового управленія только одинъ хлѣбъ. Точно такое-же пищевое довольствіе выдавалось рабочимъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа въ 1889 г., т.-е. 10 лѣтъ позднѣе, только весною рабочимъ выдавалась еще соль. Въ отчетѣ за 1890 г. сказано, что на нѣкоторыхъ пріискахъ мясо, крупа, соль, печенный ржаной хлѣбъ и иногда кирпичный чай отпускаются во всю операцію. Водки киргизы не пьютъ, и потому винной порціи имъ не выдается. По отчету за 1893 г., на тѣхъ промыслахъ, гдѣ пищевое довольствіе не измѣняется въ теченіе всей операціи, рабочимъ постоянно отпускали и кирпичный чай. На такихъ пріискахъ припасы выдавались въ слѣдующемъ количествѣ: печенаго ржаного хлѣба отъ 110 до 120 ф. въ мѣсяцъ, бараньяго мяса 25—35 ф., поваренной соли 4—6 ф., круп (гречихи и пшена) 15—30 ф., кирпичнаго чаю $^1/_4$—$^1/_2$ ф. Число пріисковъ, на которыхъ отпускается лѣтомъ одинъ хлѣбъ, не особенно велико,—по свидѣтельству г. Зборовскаго, не болѣе семи (изъ 69 работавшихся пріисковъ). «На послѣднее обстоятельство, впрочемъ», продолжаетъ г. Зборовскій, «обращено вниманіе» мѣстной полицейской власти. «и вѣроятно въ 1894 г. болѣе не будетъ продолжаться подобное, черезчуръ скромное довольствіе». Женщины, занимающіяся приготовленіемъ пищи для служащихъ и рабочихъ, получаютъ готовое содержаніе, а также мастеровые изъ русскихъ—плотники, кузнецы и т. п. На съѣздѣ золотопромышленниковъ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. относительно продовольствія рабочихъ было постановлено, что «пріисковое управленіе обязано выдавать на рабочихъ ежедневно по 4 ф. ржаного печенаго хлѣба, по 1 ф. свѣжаго или соленаго мяса, по 1 ф. просяной крупы, пшена или пшеничной муки; продукты эти должны быть вполнѣ годные къ употребленію, кромѣ сего полагается ежемѣсячно по четверти кирпича чаю и 3 ф. соли; такая-же порція выдается по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ». На этомъ-же съѣздѣ постановлено, что «не вышедшіе на работу по лѣности или притворству не получаютъ никакого содержанія». Когда мы увидимъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находится врачебное дѣло на здѣшнихъ промыслахъ, мы поймемъ весь вредъ этого постановленія, такъ какъ пріисковое управленіе само совершенно не компетентно въ томъ, чтобы рѣшить, болѣнь-ли рабочій или притворяется, да и вообще не слѣдуетъ дозволять лишать пищи на промыслахъ рабочаго, нанятаго на хозяйскомъ продовольствіи. А между тѣмъ подобное правило только въ еще болѣе рѣшительной формѣ мы встрѣчаемъ и въ договорѣ Степановой

съ киргизами, по которому рабочіе до 1-го мая получали 4 ф. ржаного хлѣба и 1 ф. мяса въ день, а съ 1-го мая только хлѣбъ, но они лишались и его, если «въ случаѣ *болѣзни* или лѣности» не выйдутъ на работу. По договору же съ Брюхановымъ, во все время пребыванія на промыслахъ съ 1-го апрѣля, рабочіе должны были получать только одинъ хлѣбъ по 4 фунта въ день [1]).

Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ на большинствѣ пріисковъ работали старатели-золотничники, а потому въ 1890 г. на 24 пріискахъ (изъ 26 дѣйствовавшихъ въ это время) были на собственномъ продовольствіи.

На Ивановскомъ пріискѣ Сурова въ Семирѣченской области содержаніе чернорабочихъ въ 1890—92 гг. стоило 3—4 рубля, мастеровыхъ 6—8 р. въ мѣсяцъ; есть указаніе, что въ Усть-Каменогорскомъ округѣ въ 1889 г. содержаніе рабочаго во всю операцію стоило 15 р.

Никакихъ бараковъ для рабочихъ золотопромышленники въ степныхъ областяхъ не строятъ, потому что киргизы почти всегда являются на работы со своими юртами, семействами и скотомъ. Въ нѣкоторыхъ контрактахъ включено обязательство рабочихъ имѣть свое помѣщеніе, иногда холостые рабочіе живутъ въ юртахъ семейныхъ товарищей, но бываетъ и хуже. «Многіе изъ рабочихъ киргизовъ», говоритъ г. Коцовскій, «до такой степени обнищали, что не имѣютъ юрты и помѣщаются въ какихъ-то жалкихъ земляпкахъ, привести которыя въ состояніе болѣе или менѣе удобное для жилья рабочій не можетъ, владѣлецъ-же пріиска не считаетъ своею обязанностію заботиться объ устройствѣ помѣщенія для рабочихъ». Имѣя въ виду предстоящее изданіе новыхъ правилъ о наймѣ рабочихъ, онъ настаиваетъ на томъ, что «освобождать золотопромышленниковъ киргизской степи отъ постройки жилья для рабочихъ, основываясь только на томъ, что киргизъ привыкъ жить въ юртѣ, не основательно... Большинство нынѣшнихъ рабочихъ киргизовъ принадлежитъ къ числу людей, матеріальное благосостояніе которыхъ раньше было значительно лучше; въ то лучшее время у нихъ имѣлось достаточное количество всякаго скота, въ томъ числѣ и овецъ, изъ шерсти которыхъ выкатывалась кошма, необходимая для юрты. Въ силу обстоятельствъ (падежа скота и т. д.) киргизъ потерялъ все и отправился наниматься на пріискъ. Отъ прежняго благосостоянія у него оста-

---

[1]) Въ Семипалатинской области существуетъ на пріискахъ такое правило: если три холостыхъ киргиза помѣщаются въ юртахъ семейнаго и жена этого послѣдняго приготовляетъ для нихъ пищу, то ей разрѣшается ежемѣсячно брать изъ лавки на 1 р. товара. Впрочемъ холостыхъ рабочихъ киргизовъ очень мало.

лось только двѣ-три головы скота и юрта. Послѣдняя изъ года въ годъ приходить въ ветхость, ремонтировать же ее или построить новую рабочій не имѣетъ возможности... Съ увѣренностью можно сказать, что всѣ нынѣ существующія юрты сооружены въ то лучшее время, когда матеріальное благосостояніе киргизовъ было иное, и не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ эти юрты придутъ въ такую вѣтхость, что киргизы-рабочіе принуждены будутъ ихъ бросить и перейти въ землянки или какое-либо другое помѣщеніе.. Привычка киргиза проводить лѣто въ юртѣ будетъ оставлена, и онъ принужденъ будетъ искать другое жилье, о постройкѣ котораго, какъ мнѣ кажется, и долженъ озаботиться золотопромышленникъ».. Г. Коцовскій совершенно основательно настаиваетъ на томъ, что золотопромышленниковъ слѣдуетъ обязать устраивать для рабочихъ жилища или по крайней мѣрѣ исправлять существующія у нихъ юрты «согласно тѣмъ условіямъ, къ которымъ привыкли киргизы».

Въ пріисковыхъ лавкахъ за деньги или въ счетъ заработка рабочіе могутъ получать съѣстныя припасы, разный красный товаръ, обувь, табакъ, и т. под. [1]) Къ сожалѣнію, по словамъ г. Зборовскаго, мѣстною полицейскою властью обнаружено, что не всѣ золотопромышленники относятся къ дѣлу снабженія рабочихъ товарами одинаково добросовѣстно: одни дѣйствительно преслѣдуютъ цѣль доставить рабочему товаръ по возможности лучше и сравнительно недорогой по цѣнѣ.... другіе-же на этой продажѣ строятъ чуть-ли не все благополучіе пріиска, сбывая рабочему за дорогую цѣну никуда негодный товаръ. Правда въ 1889 г. горный исправникъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа составилъ таксу, въ которой были приняты во вниманіе интересы рабочихъ, но золотопромышленники нашли себѣ защитника въ лицѣ мѣстнаго окружнаго инженера Игнатьева, который въ своемъ донесеніи въ томское горное управленіе, отъ 28 ноября 1889 г., писалъ: «Въ настоящее время горнымъ исправникомъ составлена такая такса цѣнъ на товары, что нѣкоторые золотопромышленники ради избѣжанія убытка при продажѣ спрашивали меня, имѣютъ-ли они право» не держать товара на пріискахъ. «Многіе мелкіе золотопромышленники не имѣютъ возможности покупать товаръ если не изъ первыхъ рукъ, то отъ большихъ фирмъ; по этому при таксѣ, составленной по цѣнамъ какой-нибудь большой оптовой фирмы, мелкій золотопромышленникъ всегда долженъ продавать въ убытокъ». «Поэтому я не могу согласиться»,

---

[1]) Въ договорѣ со Степановою (1888 г.) сказано: «выдача намъ въ плату изъ пріисковаго магазина припасовъ и товарныхъ вещей должна быть производима по отработкѣ долга или взятаго при займѣ задатка,—словомъ по усмотрѣнію управляющаго».

продолжаетъ Игнатьевъ, «съ замѣчаніемъ исправника, ...что нельзя имѣть никакой вѣры къ заявленія золотопромышленниковъ въ дѣлѣ назначенія цѣнъ. Они должны быть спрошены, такса должна быть выработана совмѣстно съ ними, при ихъ согласіи безъ всякаго давленія и послѣ того утверждена». Немудрено, что, находя себѣ такихъ защитниковъ, многіе золотопромышленники путемъ продажи припасовъ и товаровъ на пріискахъ эксплуатируютъ рабочихъ. «Таксы на пріискахъ киргизской степи», говоритъ г. Коцовскій, «хотя и нельзя считать особенно высокими, но во всякомъ случаѣ, принимая во вниманіе незначительное жалованье рабочихъ, вполнѣ достаточны, чтобы къ концу операціи поглотить у рабочаго весь денежный заработокъ». Онъ находитъ, что необходимо уменьшить цѣны на необходимые товары и припасы. «Не знаю», продолжаетъ онъ, «почему сложилось убѣжденіе, что золотопромышленникъ долженъ получать на товары и припасы десять, пятнадцать и двадцать процентовъ барыша. Я думаю, что для золотопромышленника вполнѣ достаточно тѣхъ выгодъ, какія онъ получаетъ отъ разработки пріиска, и онъ не долженъ гнаться въ ущербъ рабочимъ за барышами на товарахъ и припасахъ. Но даже допустивъ, что это послѣднее необходимо, такъ какъ пріобрѣтеніе товаровъ связано съ нѣкоторыми заботами и трудомъ, то и тогда барышъ въ 5—8% вполнѣ достаточенъ, чтобы вознаградить эти труды». Есть указаніе, что, при отпускѣ товаровъ золотничникамъ Кокчетовскаго уѣзда, хозяева набавляютъ отъ 40 до 50% на покупныя цѣны. Это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что на пріискахъ Акмолинскаго округа, повидимому, не существуетъ таксы, утвержденной полиціей. По крайней мѣрѣ горный исправникъ этого округа говоритъ: «на пріискахъ Акмолинской области все продается изъ мѣстныхъ лавокъ по цѣнамъ Кокчетова, съ надбавкою процентовъ за перевозку товаровъ на протяженіи 60—100 верстъ до пріисковъ.... На пріискахъ-же... Семипалатинской области все отпускается по утверждаемой исправникомъ таксѣ».

Въ санитарномъ отношеніи, по словамъ окружнаго инженера Зборовскаго, положеніе рабочихъ на промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченской области «не можетъ считаться не только блестящимъ, но даже порядочнымъ, ибо юрты, въ коихъ живутъ киргизы, благодаря присущей имъ неряшливости, содержатся въ самомъ неопрятномъ видѣ». Точно также «далеко не на всѣхъ пріискахъ можно видѣть, чтобы помѣщеніе для служащихъ и рабочихъ, такъ сказать, привилегированнаго на пріискахъ сословія, соотвѣтствовало самымъ неприхотливымъ гигіеническимъ условіямъ. Если иногда и встрѣчаются болѣе или менѣе чистыя

помѣщенія, то все-таки они выстроены изъ сырцоваго кирпича, обыкновенно тѣсны, низки, сыры, а потому и не могутъ быть полезны для здоровья проживающихъ въ нихъ, и пожалуй юрты, которыя, благодаря своему устройству, могутъ постоянно провѣтриваться, въ видахъ сохраненія здоровья, будутъ болѣе безопасны. Впрочемъ есть пріиски, на которыхъ имѣются, не только для управляющихъ, но и для служащихъ и рабочихъ, очень хорошія деревянныя постройки; но такихъ пріисковъ очень немного. Правда, лѣсъ довольно дорогъ и доставать его надо издалека».

Относительно состоянія медицинской части на промыслахъ киргизской степи, мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ оффиціальныхъ источникахъ. Въ отчетѣ о золотопромышленности въ Западной Сибири за 1889 годъ сказано, что «на пріискахъ Семипалатинской и Акмолинской областей медицинской частью завѣдуетъ Усть-Каменогорскій уѣздный врачъ (слѣдовательно особаго приискового врача нѣтъ). «Лекарей не имѣется, а замѣняются они вольнонаемными фельдшерами; *медикаменты имѣются не на всѣхъ пріискахъ, а только на нѣкоторыхъ*» (много-ли поможетъ фельдшеръ безъ лекарствъ?) [1]) Въ отчетѣ за 1888 годъ сказано, что только на нѣкоторыхъ пріискахъ Семипалатинской области находились вольнонаемные фельдшера; медикаменты также не на всѣхъ промыслахъ, а только на нѣкоторыхъ [2]). Въ подобномъ-же видѣ организована была медицинская помощь и въ 1890 году, что-же касается Тобольско-Акмолинскаго округа, то въ отчетѣ за 1890 годъ весьма категорически сказано, что «на пріискахъ этой мѣстности *не имѣлось ни больницъ, ни аптекъ, ни фельдшеровъ, ни ветеринаровъ;* заболѣвающіе рабочіе обращались за медицинскою помощью въ городъ Кокчетовъ, гдѣ по желанію и поступали въ уѣздную больницу на свой собственный счетъ». Это и объясняетъ, почему въ отчетахъ 1880—87 гг. совершенно умалчивается о медицинской части на промыслахъ Акмолинской области. Въ 1893 году въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ было 13 фельдшеровъ и фельдшерицъ на пріискахъ 18-ти золотопромышленныхъ компаній и единоличныхъ хозяевъ. Тамъ, гдѣ находились фельдшера, были устроены больничные или пріемные покои, но бывало и такъ, что существовали больничные покои при отсутствіи фельдшеровъ. Аптеки были

---

[1]) Буквально тоже повторено относительно пріисковъ Семипалатинской области въ отчетахъ за 1880, 81, 83, 84 и 85 гг.

[2]) А именно: наслѣдниковъ Самсонова, купца Касаткина, купчихи Степановой, купцовъ Москвина, Степанова, Брюханова и Валитова.

на 15 пріискахъ. По словамъ г. Коцовскаго, «санитарное состояніе пріисковъ» Семипалатинской области «неудовлетворительно». «Больницъ на пріискахъ совершенно не имѣется, и только въ мою бытность оканчивалась постройка первой пріисковой больницы. Аптеки также неудовлетворительны. Фельдшера хотя и имѣются почти на каждомъ пріискѣ, но большинство изъ нихъ изъ какихъ-то отставныхъ солдатъ, яко-бы исполнявшихъ въ полку обязанности фельдшеровъ и, какъ мнѣ кажется, имѣющихъ очень слабое представленіе о медицинѣ. Впрочемъ рабочіе изъ киргизъ.... какъ-то недовѣрчиво относятся къ русской медицинѣ», (развѣ можно при такихъ условіяхъ и говорить объ истинной медицинской помощи?) «и при болѣзняхъ всегда обращаются къ своимъ народнымъ лекарямъ и медицинскимъ средствамъ, въ родѣ ртути, киновари, ...александрійскаго листа, опія, стручковаго перца и т. п., которые, по ихъ мнѣнію, излѣчиваютъ отъ всѣхъ болѣзней». На съѣздѣ золотопромышленниковъ Усть-Каменогорскаго и Зайсанскаго уѣздовъ въ 1894 году было постановлено «имѣть на каждомъ пріискѣ нормальную аптеку и пріемный покой». Но будетъ-ли это постановленіе исполнено,—это другой вопросъ На томъ же съѣздѣ постановлено, что лекарства должны выдаваться безплатно, но рабочіе не могутъ брать ихъ для передачи посторонним лицамъ.

На томъ-же съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. былъ поставленъ вопросъ, должно-ли выдавать жалованье больнымъ рабочимъ, и рѣшено было, что за время болѣзни жалованья рабочимъ вовсе не полагается, кромѣ случаевъ ушиба и пораненія на самой работѣ, или же отъ свойства работы (напр., въ вотѣ), когда рабочіе должны получать половинное жалованье. Если-же болѣзнь произошла по винѣ самого управленія, то больные получаютъ полное жалованье. До этого постановленія рабочіе, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, въ случаѣ болѣзни и нахожденія въ больницѣ, жалованья не получали, такъ какъ мѣсяцъ считается въ тридцать рабочихъ дней [1]), но въ другихъ мѣстахъ они получаютъ въ это время все необходимое пропитаніе. Относительно этого съѣздъ въ Усть-Каменогорскѣ постановилъ, что больнымъ наружными болѣзнями или поврежденіями выдается не менѣе половины порціи, назначенной для здоровыхъ, а больнымъ внутренними болѣзнями по особому указанію фельдшера. Въ 1890 г. на пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа всего чаще бывали слѣдующія болѣзни: перемежающіяся лихорадки, воспаленіе

---

[1]) По крайней мѣрѣ такое условіе мы находимъ въ договорахъ Степановой и Брюханова.

горла, горячки, ревматизмы, цынга и др. По словамъ г. Коцовскаго, не смотря на неудовлетворительное санитарное состояніе пріисковъ «процентъ заболѣванія здѣсь очень незначительный, что можно объяснить хорошимъ, здоровымъ климатомъ, а главное тѣмъ, что пріисковая обстановка стени очень мало нарушаетъ народныя привычки киргизовъ. Между рабочими-киргизами замѣтно развитіе главнымъ образомъ слѣдующихъ болѣзней: цынги, сифилиса и въ особенности лихорадки и ревматизма—послѣднія отъ условій пріисковыхъ работъ».

Несчастныхъ случаевъ на пріискахъ Семипалатинско-Семирѣченской области бываетъ, повидимому, немного; это объясняется тѣмъ, что работы ведутся, за немногими исключеніями, въ довольно мелкихъ разрѣзахъ, глубиною ниже человѣческаго роста. Впрочемъ прежде о незначительныхъ случаяхъ не заставляли сообщать, и только недавно повсюду завели книги для записки несчастныхъ случаевъ и завѣдующихъ пріисками обязали доносить мѣстнымъ властямъ о всѣхъ подобныхъ случаяхъ, какъ-бы ни были они маловажны.

На съѣздѣ въ Усть-Каменогорскѣ въ 1894 г. было постановлено, что увѣчные и разнаго рода неспособные къ работѣ, сдѣлавшіеся таковыми благодаря работѣ на пріискахъ, должны получать пособія отъ золотопромышленниковъ. Но на составленіе необходимаго для этого капитала золотопромышленники согласились жертвовать слишкомъ мало: всего по 10 коп. съ рабочаго въ годъ! Разсчитывая собрать такимъ образомъ всего по нѣсколько сотъ рублей въ годъ, золотопромышленники все-таки просили Усть-Каменогорскаго уѣзднаго начальника выработать уставъ о выдачѣ пособій изъ капитала, который такимъ образомъ составится. Подобные факты показываютъ, что доброхотныя даянія гг. золотопромышленниковъ будутъ очень мало помогать увѣчнымъ, и необходимо, чтобы государство установило или единоличную отвѣтственность предпринимателей за несчастные случаи въ приличномъ размѣрѣ, или государственное страхованіе.

Школъ и церквей на степныхъ пріискахъ нигдѣ нѣтъ.

Въ договорахъ съ рабочими здѣсь, какъ и въ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, установлены штрафы за провинности. Такъ, по договору со Степановою, за самовольную отлучку, мнимую болѣзнь и наемъ другого лица вмѣсто себя, безъ согласія управляющаго, полагается за каждый день штрафъ по 30 коп.; такой-же штрафъ назначенъ и за жестокое обращеніе съ животными. По договору съ Брюхановымъ, за самовольную отлучку съ пріиска опредѣленъ штрафъ по 50 коп. за каждый прогульный день. Начальникъ Томскаго

горнаго управленія въ отчетѣ за 1889 годъ увѣряетъ, что «неустойки взыскиваются очень рѣдко, штрафы также, хотя обо всемъ этомъ и говорится въ договорахъ». Въ договорѣ со Степановою на рабочихъ возлагается обязанность «составить изъ среды своей артельную расправу» на основаніи правилъ, установленныхъ въ законѣ, и вполнѣ подчиняться ей. Въ договорѣ съ Брюхановымъ упоминается о правѣ хозяина разсчитать рабочаго и ранѣе срока.

Полицейская власть на промыслахъ киргизской степи находилась въ рукахъ горнаго исправника Семипалатинско-Акмолинскаго горно-полицейскаго округа, но 1-го мая 1893 г. эта должность упразднена, и обязанности исправника возложены на уѣздныхъ начальниковъ.

Бѣжало съ пріисковъ Семипалатинскаго округа въ 1879 г. 6,7% рабочихъ, поймано 42% бѣжавшихъ; въ 1880 г. бѣжало 2,7%, поймано 12% бѣжавшихъ; въ Акмолинской области въ томъ-же году бѣжало 17% рабочихъ, пойманныхъ не было. Въ 1881 г. въ Семипалатинской области бѣжало 1,5% рабочихъ, изъ числа ихъ поймано 50%; въ 1888 г. бѣжало 1,7%, изъ нихъ поймано 12%. Въ 1890 г. съ пріисковъ Семипалатинскаго округа бѣжало 4,7%, изъ нихъ поймано 35%; въ 1893 г. бѣжало 2,5%, изъ нихъ поймано 61%. Эти цифры показываютъ, что жалобы въ нѣкоторыхъ газетныхъ корреспонденціяхъ на громадные побѣги съ пріисковъ Семипалатинскаго округа сильно преувеличены [1]).

Общій размѣръ вознагражденія рабочихъ въ теченіе всей операціи былъ указанъ выше (не считая впрочемъ вознагражденія за подъемное золото),— данныхъ-же о томъ, какую часть заработка составляли задатокъ, заборъ на промыслахъ и додача, мы имѣемъ очень мало. На Ильинскомъ пріискѣ Смирнова, въ Зайсанскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, въ теченіи операціи 1893 г., продолжавшейся съ 1-го февраля по 1-е октября, 146 рабочихъ заработали въ среднемъ всего по 30 рублей. Въ томъ числѣ задатокъ составлялъ 50%, заборъ деньгами на промыслахъ 19%, заборъ припасами и товарами 7% и додача 24%. Мѣстный окружный инженеръ въ донесеніи своемъ въ Томское горное управленіе (1889 г.) говоритъ: рабочимъ киргизамъ при окончательномъ разсчетѣ «приходится получить пустяки», а именно за вычетомъ задатка «половину годовой платы (рублей 14), которую они постепенно помѣсячно и получаютъ». На съѣздѣ золотопромышленниковъ въ Усть-Каменo-

---

[1]) О волненіяхъ рабочихъ на промыслахъ киргизской степи мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

горскѣ было постановлено: всѣ разсчеты съ рабочими производить только деньгами, выдавая на одну треть всей заработанной въ операцію платы такой лишь товаръ, какъ сапоги, шапка и рубаха». Судя по отчетамъ пріисковъ Смирнова и Степановой, правило это (по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ пріисковъ) не уменьшаетъ, а скорѣе увеличиваетъ выдачу товарами и припасами, такъ какъ эта выдача составляла на пріискѣ Смирнова 28%, а на пріискѣ Степановой даже лишь 7% всего заработка.

Время разсчета на промыслахъ киргизской степи позже, чѣмъ на многихъ другихъ золотопромышленныхъ системахъ, а именно 1-го октября.

Въ продолженіе всего года оставалось рабочихъ для карауловъ и корма скота въ 1879 г. на промыслахъ Семипалатинской области лишь 3%, въ Акмолинской 5%, въ 1880 г. въ первой 1,5%, во второй 6% Въ 1888 г. на Свято-Макарьевскомъ пріискѣ съ рудянымъ золотомъ задолжалось на весь годъ 177 человѣкъ, такъ что въ этомъ году годовые рабочіе составляли въ въ Семипалатинской области 8,5% всѣхъ рабочихъ. Но въ 1890 г. на промыслахъ Семипалатинско-Семирѣченскаго округа оставалось на весь годъ опять 1,4% рабочихъ, а въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ—около 3%.

Мы уже упоминали, что въ Семипалатинской области мало развита разработка пріисковъ старателями-золотничниками [1]), въ Акмолинской же области она, наоборотъ, преобладаетъ. Въ Тобольско-Акмолинскомъ округѣ въ Кокчетовскомъ уѣздѣ въ 1889 г. всѣ пріиски, кромѣ одного, работались старателями, а въ 1890 г. изъ 26 пріисковъ—22 работались старателями. Большинство рабочихъ на промыслахъ этого округа мѣстные жители, инородцы или крестьяне ближайшихъ деревень, и потому «наплывъ или убыль рабочихъ находится въ прямой зависимости отъ домашнихъ полевыхъ работъ старателей». «Крестьянинъ, управившись съ пашней, отправляется на пріиски и работаетъ до покоса (до 1-го іюля), а затѣмъ или уѣзжаетъ домой на сѣнокосъ, или-же нанимаетъ приготовить ему сѣно, смотря потому, каковъ заработокъ на пріискахъ и что ему выгоднѣе». Въ виду этого нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Крашенинникова, что слѣдуетъ разрѣшить работу на промыслахъ артелямъ-старателей изъ меньшаго числа рабочихъ, напр., изъ 5 человѣкъ вмѣсто установленныхъ зако-

---

[1]) Въ 1893 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ лишь 3 пріиска разрабатывались старательскими артелями, да и то не исключительно ими; работало на этихъ пріискахъ 13 артелей старателей, всего 130 человѣкъ (3% всѣхъ пріисковыхъ рабочихъ въ этомъ округѣ).

номъ 10-ти чел. И. Боголюбскій поясняетъ, что «въ пріисковыхъ свѣдѣніяхъ (этого округа) показываютъ въ числѣ рабочихъ всѣхъ старателей, перебывавшихъ на пріискѣ въ теченіе операціоннаго года, хотя-бы нѣкоторые изъ старателей пробыли на пріискѣ всего нѣсколько дней». По словамъ мѣстнаго окружнаго инженера (1892 г.) «рабочіе, при старательскомъ способѣ работъ, часто мѣняютъ хозяевъ, смотря по получаемой или ожидаемой выгодѣ отъ работъ». но болѣе бѣдные и, вѣроятно, бездомные старатели остаются зимовать въ земляныхъ и дерновыхъ избушкахъ съ своими семействами.

Помѣщенія и продовольствіе старатели-золотничники вездѣ имѣли свои. На Кокчетовскихъ пріискахъ старатели киргизы живутъ «впроголодь. питаясь кумысомъ и надеждою на удачную урывками смывку золота; крестьяне старатели при плохой добычѣ золота поддерживаютъ себя сбереженіями отъ домашняго хозяйства».

Въ Семипалатинской области старатели золотничники получали въ 1879—1887 гг. 1 р. 50 к.—2 р. 10 к. за золотникъ золота, въ 1888 г. 1 р. 50 к.—2 р. 50 к., въ 1889 г. 1 р. 50 к.—3 р. 75 к., въ 1890 г. въ Семипалатинско-Семирѣченскомъ округѣ 1 р. 50 к.—4 р. за золотникъ, въ 1891 г. 1 р. 50 к.—3 р. 75 к., въ 1893 г. 2 р.—3 р. за золотникъ; слѣдовательно въ послѣднее время плата увеличилась сравнительно съ первою половиною 80-хъ годовъ. Въ Кокчетовскомъ уѣздѣ Акмолинской области золотничники получали въ 1885 г. по 3 р. 50 к. съ золотника, въ 1889 и 91 гг.—3 р.—3 р. 50 к. Г. Крашенинниковъ считаетъ (1892 г.) наиболѣе обычною платою 2 р. 50 к.—3 р. 50 к. за золотникъ. По вычисленію мѣстнаго горнаго инженера на Кокчетовскихъ промыслахъ заработокъ старателя при 5-ти-мѣсячной операціи составляетъ, въ среднемъ, около 4-хъ рублей въ мѣсяцъ.

В. Семевскій.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ.

Въ 170 верстахъ отъ Канска, по направленію къ сѣверу, по обоимъ берегамъ Усолки, получившей названіе отъ соляного ключа съ знаменитымъ когда-то Троицкимъ солеваренымъ заводомъ, расположено на протяженіи двухъ верстъ село Тасѣевское. Мѣстопребываніе засѣдателя, почтовая станція и волость,—село это представляетъ тотъ административный пунктъ, къ которому тяготѣетъ весь, обнимающій собою 15000 кв верстъ, сѣверный раіонъ Канскаго округа. Раскинутое частью на двухъ довольно высокихъ буграхъ, частью въ низинѣ, и опоясанное вѣчно зеленымъ поясомъ невырубленной поскотины, съ широкою голубою лентою перерѣзывающей его Усолки, бѣлою какъ снѣгъ церковью, красивыми, чистенькими домиками, между которыми высятся двухъ-этажные дома мѣстныхъ торговцевъ, Тасѣево точно просится въ раму.

Сейчасъ-же вслѣдъ за поскотиной, по лѣвому берегу рѣки, начинаются необозримыя тасѣевскія поля и пустоши, занимающія около 150 квад. верстъ и болѣе чѣмъ на 30 верстъ тянущіяся къ западу отъ селенія. Правый берегъ рѣки окаймленъ дремучею тайгою, по которой вьются двѣ небольшія рѣчки Шумиха и Плотбищная, притоки Усолки и притокъ Кайтыма, впадающаго въ Ону, Фанычетъ,—по нимъ оазисами разбросаны заимки и поля правобережныхъ тасѣевцевъ, тамъ-же расположена и большая часть паевыхъ покосовъ. Обиліе плодородной пахатной земли, пастбищъ и покосовъ, находящаяся подъ бокомъ, изобилующая дичью и пушнымъ звѣремъ, тайга, изобиліе лошадей и рогатаго скота, кованныя телѣги, бороны съ желѣзными зубьями, неуклюжій, глубоко пашущій, нарокопный сабанъ, прочныя надворныя постройки, чистые, свѣтлые домики съ самодѣльною мебелью и полами, покрытыми довольно красивыми половиками, самоваръ, сытые, здоровые ребятишки.... Все это либо послѣдствія, либо факторы «сытаго довольства» сибиряка,—казовая сторона его жизни.

Лѣтъ 60 тому назадъ, ежедневный, сшитый изъ льняного холста, костюмъ тасѣевца дополнялся броднями съ холщевыми голенищами, кожаныя головки которыхъ приготовлялись изъ матеріала, выдѣлываемаго его женою. Сама она вмѣстѣ со своими дочерьми, обладая всѣми достоинствами и недостатками праматери Евы, не довольствуясь льняною бѣлою юбкою, окрашиваетъ ее въ жел-

тый, коричневый, розовый и черный цвѣта, добываемыхъ ею растительныхъ красокъ. Обувь шьетъ ей ея мужъ, а она «налаживаетъ» ему шапку изъ шкуръ имъ-же самимъ убитаго звѣря. Теплая одежда, однорядки, шабуры и юбки приготовлялись изъ шерсти овецъ. Тотъ-же валъ ткацкаго станка, съ котораго только-что сняли холстъ, служилъ и для выдѣлки сукманины. Шкура овцы предохраняла тасѣевца отъ холода, ея жиръ шелъ на выдѣлку мыла и маканыхъ свѣчей; ея мясо, смѣняясь, по временамъ то рыбою, то говядиною, то дичью. приправленное овощами съ своего огорода, служило ему ежедневною пищею. Вина онъ почти не употреблялъ. Пиво и брага—вотъ напитки, которыми встрѣчали и провожали здѣсь праздники. Громадный общественный чанъ и котелъ, находившіеся въ центрѣ села, служилъ тасѣевцу при производствѣ этихъ напитковъ, и, если послѣдній справлялъ свадьбу или крестины,—такъ сказать индивидуальное торжество—онъ пользовался этимъ котломъ и чаномъ, внося небольшую сумму денегъ въ пользу церкви; что-же касается другихъ праздниковъ. имѣющихъ такъ или иначе общественный характеръ, о которыхъ обыкновенно говорится: «у насъ»—будутъ-ли они чисто религіозные, или праздниками труда, каковы начало и конецъ жатвы—«зажинъ» и «отжинки»—всѣ они справлялись сообща, сообща варилось пиво изъ матеріаловъ, собранныхъ въ складчину, сообща-же приготовлялись и закуски. Одинъ даетъ хмѣль, другой муку, третій приноситъ закуски или сласти. Громадные составленные на улицѣ столы, ломясь подъ тяжестью ушатовъ съ пивомъ, окруженныхъ незатѣйливыми сластями и закусками собственнаго приготовленія. поджидаютъ неприхотливыхъ гостей, отъ обѣдни являющихся на «братчину». Каждый пришедшій кладетъ въ стоящую здѣсь на столѣ церковную кружку грошъ, много два. Всѣ представители общины, начиная отъ побѣлѣвшихъ какъ лунь стариковъ и кончая сладко спящими или неистово кричащими на рукахъ у матерей грудными ребятами. находятся здѣсь въ сборѣ въ теченіе цѣлаго дня и только не задолго уже до захода солнца расходятся по домамъ для того, чтобы «обряжаться»; посылать кого-либо одного на работу съ праздника, семья считала неприличнымъ, ибо это лишило-бы возможности посланнаго присутствовать на праздникѣ. Такъ справлялись, конечно, лѣтніе праздники; зимою братчинѣ ставились непреодолимыя препятствія климатическими условіями страны и тогда братчина замѣнялась «заводиловкою», тогда праздновавшіе переходили изъ дома въ домъ, пріѣдая и выпивая все приготовленное на праздники. Посмотримъ теперь. какъ проводились будни.

Еще задолго до разсвѣта, поздней осенью, съ первыми пѣтухами, во всѣхъ занимаемыхъ семьею (8—16 челов.) домахъ, а ихъ было по два и по три, пылаютъ большія русскія печи; около одной изъ нихъ, приготовляя обѣдъ на всѣхъ, хлопочутъ двѣ «молодухи»—невѣстки 1-го января онѣ окончатъ свой очередной годъ стряпни и перемѣнятся ролью съ невѣсткою и золовкою, которыя теперь ухаживаютъ за скотомъ. Сегодня у стряпокъ работы по горло: три большія кадки, наполненныя пшеничнымъ тѣстомъ, стоятъ на столѣ у печки, они должны быть выпечены, ибо сегодня-же необходимо отправить хлѣбъ въ тайгу съ однимъ изъ деверей, только-что вчера пріѣхавшимъ оттуда за нимъ. Двое другихъ съ собаками остались въ зимовьѣ въ ожиданіи провизіи. Въ этомъ году имъ повезло—добыли двухъ медвѣдей, убили россомаху, двухъ выдръ, поймали около 10 соболей и нѣсколько сотенъ бѣлки. Зима не снѣжная, можно еще долго пробыть на ухожьѣ, будетъ чѣмъ уплатить подати, да и на воротники бабамъ останется. Изба, въ которой стряпали, была обыкновенно просторнѣе другихъ. Здѣсь подъ иконами, въ переднемъ углу, помѣщался большой обѣденный столъ. Глиняная и деревянная посуда разставлена на широкой полкѣ, подвѣшенной у печи надъ другимъ столомъ, гдѣ производится стряпня. У дверей въ углу стоитъ грубо сколоченная кровать съ мягкою периною и пуховыми подушками, покрытая суконнымъ одѣяломъ домашняго производства. На полатяхъ, у печки, видны также подушки; это комната стариковъ, здѣсь помѣщается также большакъ и большуха съ ребятами. Комната эта ничѣмъ не отличается отъ комнатъ всѣхъ остальныхъ членовъ семьи, живущихъ въ другихъ избахъ. Столы тамъ, правда, поменьше, какъ и сами комнаты; нѣтъ полки съ посудою прибитыя къ стѣнѣ лавки и грубо сколоченныя скамьи, находящіяся здѣсь, замѣнены тамъ не менѣе грубыми табуретами,—это «черная половина». Къ избѣ стариковъ пристроена «чистая». Полъ чистой половины, ея подоконники и рамы поражаютъ своею чистотою, столы покрыты тканьми въ клѣтку разноцвѣтными льняными скатертями, полы устланы шерстяными половиками, мебель также нѣсколько изящнѣе—она окрашена въ коричневый цвѣтъ. Тамъ-же находятся и предметы роскоши женскаго туалета, запрятанные въ крашенные, окованные жестью, сундуки—единственные, запирающіеся на замокъ, хранилища въ хозяйствѣ таежевца. Сдѣланные тамъ, гдѣ-то далеко въ городѣ, и полученные въ приданое каждою изъ невѣстокъ, они со своими замками—результатомъ гдѣ-то начинающагося развиваться, неизвѣстнаго еще Таежкѣ, противорѣчія между городомъ и деревнею, стоятъ въ прямомъ проти-

ворѣчІи съ обычаями послѣдней: амбаръ тасѣевца, его кладовыя запираются пока только наружнымъ деревяннымъ, рѣдко желѣзнымъ «засовомъ».

Въ ожиданіи завтрака, подложивъ подъ себя конецъ прясницы и усердно крутя веретенами, все женское населеніе семьи, между которымъ видна десятилѣтняя дѣвушка—дочь большака—учащаяся прясть, собралось въ комнатѣ стариковъ. Каждая изъ представительницъ этого населенія должна «обрядить» не только себя, мужа и своихъ дѣтей—она обязана приготовить извѣстное количество холста на мѣшки для хлѣба. Золовка помогаетъ матери; тѣ у кого нѣтъ дѣтей или ихъ мало, помогаютъ тѣмъ, у кого ихъ много. Одна изъ невѣстокъ должна произвести холста и сукманины нѣсколько болѣе другихъ, для того чтобы можно было ими уплатить кузнецу за его работу для всей семьи; на будущій годъ это сдѣлаетъ другая невѣстка (или золовка)—очередь въ распредѣленіи работы строго соблюдалась. И если одна теперь ткетъ больше другихъ, то другая варитъ мыло, третья макаетъ свѣчи, четвертая выдѣлываетъ «сѣряники». Напр., въ семьѣ, которую мы описываемъ со словъ 80-ти-лѣтней старухи, разсказчица должна была за починку «пальмы», поправку серповъ и сошниковъ выткать кузнецу сукманины на теплые штаны и холста на двѣ рубахи.

Всѣ мужчины также за работой: двое изъ нихъ въ тайгѣ, большакъ и подростокъ лѣтъ 11, его сынишка, задаютъ кормъ скоту, отецъ помогаетъ сряжаться пріѣхавшему изъ тайги по хлѣбъ младшему сыну.

— «Скажи Митюхѣ», говоритъ отецъ отъѣзжающему, «чтобы не зазѣвывались, въ тайгѣ-ту живо на звѣря напорешься, подавайтесь съ ухожьемъ къ Онѣ, прибавляйте плашникъ [1]), здѣсь только и денегъ добудешь что за пушнину Мы тутъ безъ васъ вплотную за работу примемся, надо сани справлять, деготьку да смолы къ лѣту выгнать,—поня сидѣть большаковъ чередъ, какъ кончитъ съ веревками, такъ и отвалитъ къ ямамъ; мы тутъ съ Пашуткой, пока што, со скотомъ управимся, а я сани налажу, да хомутъ сошью, а тамъ и за молотьбу примемся».

Начинаетъ свѣтать. Около коровъ закопошились съ подойниками третья невѣстка и золовка. Коровы подоены, кормъ заданъ, всѣ направляются въ избу, а тамъ на столѣ уже клубится паръ отъ двухъ большихъ чашекъ съ похлебкою; рядомъ съ каждой изъ нихъ стоятъ двѣ деревянныя тарелки съ ворохами нарѣзанной баранины и грудою пшеничныхъ калачей. Семья крестится и дружно

---

[1]) Ловушки для бѣлокъ и соболей. Ухожье—все мѣсто занятое ловушками.

принимается за завтракъ, ѣдятъ молча, сосредоточенно. Завтракъ окончен. На востокѣ показываются первые лучи восходящаго солнца. Со двора съѣзжаютъ большакъ, отправляющійся за водою и его отъѣзжающій въ тайгу братъ. Въ рукахъ бабъ крутятся веретена стучатъ берда и бѣгаютъ челноки. Старикъ съ вертящимся около него подросткомъ внукомъ принимается за выдѣлку деревянной чашки. Раза три еще примется эта семья въ теченіе дня за ѣду. Она пообѣдаетъ, пополдничаетъ и поужинаетъ. Все это запивается квасомъ. О чаѣ тасѣевецъ того времени имѣлъ весьма смутное представленіе, больше по-наслышкѣ.

Весною, съ 1-го мая, все мужское населеніе откачевываетъ на поля, а къ періоду жатвы въ домѣ остаются только очередная невѣстка, золовка да старуха мать. Онѣ управляются со скотомъ, пекутъ на поля хлѣбъ, присматриваютъ за ребятишками. Посѣвы незначительны. Хлѣбъ пока еще представляетъ собою только потребительную стоимость, и потому 5—6 десятинъ пахоты казались уже большимъ полемъ. Десятина давала до 450 пуд. хлѣба: урожай въ 300 пудовъ считался посредственнымъ; амбары тасѣевцевъ ломились отъ переполнявшихъ ихъ избытковъ. Жатва оканчивалась быстро,—недѣля, самое большее полторы, и поля покрываются кладями.

Ткачество, при тѣхъ первобытныхъ орудіяхъ труда, съ помощью которыхъ волокна льна и конопли обращались сначала въ пряжу, а затѣмъ въ холстъ, давало въ 1 рабочій день въ теченіе котораго ткачиха должна была кромѣ этого справить и всѣ другія приходящіяся на ея долю работы при домѣ 1 аршинъ готоваго продукта—будетъ-ли то сукманина, сукно или холстъ [1]. Поэтому въ теченіе года каждая работница могла произвести такое количество материала для одежды, которое было болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы одѣть всѣхъ тѣхъ, кого она должна была одѣвать.

Добыча пушнины была единственнымъ почти продуктомъ производимымъ семьею не для себя, а обмѣниваемымъ ею на деньги, которые были страшно дороги. За бѣлку платили не дороже 1 коп., за соболя не дороже рубля, россомаха и выдра стояли въ той-же цѣнѣ, шкура медвѣдя продавалась не свыше 2 руб. Пушной промыселъ, начинаясь съ 1-го октября, охватывалъ собою всю зиму. 1-го октября уходили сторожить ловушки на бѣлку, и бѣлковали обыкновенно до половины декабря. Къ этому времени пріѣзжали скупщики пушнины изъ

---

[1]) Одна стѣна (15 аршинъ) любаго изъ этихъ трехъ продуктовъ вытыкается 1 женщиною въ 1 день. Пряжа, необходимая для этого, производится тою-же работницею въ теченіе 14 дней. Производительность труда 1 рабочаго дня нашей работницы равна 1 аршину.

Енисейска. Тасѣевецъ реализировалъ цѣну первой партіи вынесеннаго имъ изъ тайги товара. Съ Крещенья, подвязавъ лыжи, онъ снова отправлялся въ тайгу съ наметомъ [1]) на соболя и пробывалъ тамъ до половины февраля—новаго пріѣзда купцовъ и реализаціи цѣны второй партіи. 1-го марта по-насту начиналось истребленіе сохатыхъ тѣми, у кого были ружья, и добыча ихъ въ ямы тѣми, у кого ружей не было. Впрочемъ эти послѣднія представляли собою большую рѣдкость, большинство шло въ тайгу вооруженное топоромъ и «пальмою»; вдвоемъ ходили только смѣльчаки. Три человѣка считалось необходимымъ условіемъ промысла, даже и въ томъ случаѣ, если-бы одинъ изъ нихъ представлялъ собою счастливца, обладавшаго перевязанными веревочками кремневымъ ружьемъ. Поэтому семья должна была по необходимости состоять изъ этихъ трехъ взрослыхъ работниковъ, плюсъ никакъ не менѣе двухъ, которые должны были во время промысла справляться съ неотложными работами при домѣ. Дѣлиться при такихъ условіяхъ семьямъ было не выгодно. Въ Тасѣевкѣ производительныя группы того времени—семьи состояли не только изъ двоюродныхъ и троюродныхъ родственниковъ, но было нѣсколько примѣровъ соединенія въ одну производительную группу лицъ, не связанныхъ никакимъ родствомъ, они вели общее хозяйство, вмѣстѣ отправлялись на промыслы и чисто экономическая связь этихъ группъ была ни чуть не слабѣе, если еще не крѣпче, связи тѣхъ группъ, которыя состояли изъ однихъ близкихъ родственниковъ [2]). Здѣсь родовая связь не играла никакой роли. Раздѣловъ въ этотъ періодъ не наблюдается вовсѣ. Пять, въ крайнемъ случаѣ, четыре рабочихъ представляютъ необходимое условіе существованія производительной группы, но этимъ пяти нисколько не помѣшаетъ и шестой. Онъ дастъ имъ средство разширить сферу приложенія промысловаго труда, сдѣлаетъ ихъ трудъ производительнѣе, да и вчетверомъ легче бороться съ опасностями таежной жизни, съ суровыми условіями промысла. Здѣсь каждый лишній рабочій представляется желательнымъ, онъ еще не составляетъ обузы, какъ это мы увидимъ впослѣдствіи.

Минимумъ численнаго состава нашихъ группъ, ихъ экономическое строеніе, а слѣдовательно и экономическая организація нашей, жившей почти изолирован-

[1]) Сѣть, которой обносится то мѣсто, гдѣ спрятался загнанный соболь.

[2]) Почему-же соединялись они? Предлагаете вы вопросъ убѣленному сѣдинами старцу.—«А такъ, обмиловали другъ друга, шибко обмиловали. Жить не могли другъ безъ друга: одинъ въ тайгу—и другой за нимъ; а дома ребята съ дѣломъ справляются; и жили дружно, шибко дружно жили—басче братьевъ родныхъ.... Что братья? Вотъ мы бывало, что грѣха таить, часто перекоряемся, а они—хоть-бы когда, для смѣху. И бабы-то у нихъ и то меньше нашихъ ругались».

ною жизнью. общины, строго опредѣлены «Экономическая организація общества. имѣя цѣлью удовлетвореніе потребностей существованія его членовъ. въ каждую историческую хозяйственную стадію своего развитія, приводитъ въ движеніе для достиженія этой цѣли тѣ силы, которыя по условіямъ даннаго времени въ состояніи достигнуть наибольшаго результата съ наименьшею тратою этихъ силъ. Весь строй даннаго общества обусловливается такою хозяйственною его организаціею» [1]).

Будучи совершенно независимы другъ отъ друга въ обыденныхъ процессахъ труда, живя каждая, повидимому, совершенно изолированною жизнью. составляющія общину группы, въ дѣйствительности, тѣсно связаны между собою. Дикая, непокорная природа сѣвера. еще сравнительно такъ недавно почувствовавшая здѣсь впервые прикосновеніе къ себѣ слабой руки своего будущаго владыки, очень неохотно подчиняется ему. Этотъ могучій противникъ долженъ быть покоренъ. долженъ быть обращенъ въ союзника во чтобы-то ни стало, отъ этого зависитъ большая или меньшая возможность обмѣна веществъ между человѣкомъ и природою.—т. е. сама жизнь Для борьбы съ такимъ противникомъ усилія одной группы оказывались-бы далеко недостаточными. Необходимость побѣды требуетъ дружной работы всѣхъ группъ. Взаимная помощь между ними была широко развита, и разъ встрѣчалась какая-либо работа, требовавшая значительныхъ усилій.—всѣ группы соединялись вмѣстѣ, увеличивая посредствомъ коопераціи не только производительную силу каждаго члена ея. но и развивая особую производительную силу—силу массъ Эта-то послѣдняя и составляетъ. въ большинствѣ случаевъ, чтобы не сказать всегда, на данной ступени экономической культуры общества дѣйствительную цѣль соединенія Натискъ и быстрота—вотъ девизъ союза. Затѣмъ, когда работа, требующая развитія этой силы, окончена. жизнь вступаетъ въ свою обычную колею, каждая производительная группа живетъ совершенно индивидуальною жизнью, удовлетворяя всѣмъ своимъ потребностямъ наличными силами. Два, три кузнеца и гончаръ, пригнанные сюда издалека поселенцы. выброшенные зауральскою жизнью. совершенно сливаются съ общиною и содержатся ею, какъ ея необходимые члены Первые чинятъ ея оружіе. навариваютъ сошники, дѣлаютъ къ боронамъ зубья, куютъ ножи и сѣрпы изъ добываемаго ими-же самими желѣза и стали. Второй снабжалъ ее глиняною посудою. Получая средства существованія отъ общины нату-

[1]) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго хозяйства, стр. 303.

рою, эти квалифицированные работники, работая столько-же, сколько и представители крестьянскаго труда, жили не хуже и не лучше послѣднихъ. Иначе и быть не могло въ общинѣ, состоявшей изъ группъ, производившихъ въ массѣ одинъ только потребительныя стоимости и сознательно расходовавшихъ подчасъ свои индивидуальныя рабочія силы, какъ одну общественную рабочую силу. Здѣсь трудъ былъ общественно раздѣленъ, но продукты его не дѣлались товарами. Правда, для уплаты податей требовались деньги, а слѣдовательно часть произведеннаго продукта должна была обращаться въ товаръ, а затѣмъ и въ деньги, но—и только.

Громадные стада овецъ, которыхъ приходилось отъ 40 до 50 на дворъ; табуны коней; большія стада рогатаго скота; едва передвигавшіе ноги отъ жира свиньи: превосходные покосы, распаханные участки дѣвственной почвы, большая часть которыхъ засѣвалась злаками, а меньшая льномъ и коноплею; желѣзная руда, находящаяся чуть-ли не на самой поверхности почвы; рѣка, изобиловавшая рыбою; необъятныя дѣвственные лѣса, переполненные пушнымъ звѣремъ и дичью: всѣ эти находившіеся въ распоряженіи общины предметы, давали возможность послѣдней, прилагая къ нимъ свои простыя орудія труда, не только удовлетворять всѣ несложныя потребности, не выходя за предѣлы владѣній общины, но и воспроизвестись послѣ пожара, истребившаго Тасѣево до тла въ 1848 году, въ той-же формѣ, на томъ-же самомъ мѣстѣ и подъ тѣмъ-же самымъ названіемъ.

«Иглой да сохой стоитъ деревня», и пожаръ не тронулъ ни одного изъ этихъ ея основныхъ устоевъ. Гораздо позднѣе рушатся они хотя и не вполнѣ. Почти всѣ починки и поправки своихъ орудій труда тасѣевецъ производитъ самъ, онъ все еще «по малости» и сапожникъ, и плотникъ, и бондарь. Сегодня онъ поспѣшно ковыряетъ чирки своей женѣ для того, чтобы, окончивъ эту работу, чинить тѣлѣгу и сбрую. Завтра онъ оканчиваетъ тяжелый и грубый стулъ, и затѣмъ набиваетъ обручи на полуразвалившіеся бочонки: новыхъ онъ самъ не сдѣлаетъ, но старые починить еще можетъ. Еще только два года тому назадъ, здѣшній кузнецъ-старикъ, помня старыя традиціи производства, самъ выплавлялъ изъ руды необходимое ему желѣзо. Но отъ братчины теперь уже ничего не осталось. Старики еще указываютъ то мѣсто, гдѣ когда-то находились общественный чанъ и котелъ; люди среднихъ лѣтъ, имѣютъ о нихъ очень смутное представленіе, а «молодяжникъ» на вопросъ о чанѣ обыкновенно отвѣчаетъ: «это не у насъ, это въ Шеломкахъ», гдѣ дѣйствительно общественный

котелъ и чанъ существуютъ еще и до сихъ поръ, а съ ними вмѣстѣ доживаетъ свой вѣкъ и братчина, справляемая только одинъ разъ въ годъ, 29-го іюня, въ престольный праздникъ. Братчина, ярко вспыхнувъ въ послѣдній разъ непосредственно вслѣдъ за пожаромъ 1848 года, случившимся весною въ самую горячую пору сельскохозяйственныхъ работъ и потому потребовавшемъ для возстановленія истребленныхъ имъ построекъ наивысшаго напряженія трудовыхъ силъ общины, изчезаетъ безслѣдно, если не принимать въ разсчетъ ея жалкаго остатка «помочи», этого найма за угощеніе.

Тасѣевецъ твердо убѣжденъ, что земля не можетъ представлять собою частной собственности лица или группы, она «обчая». Земли много, очень много, и потому всякій пашетъ, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ; какъ только ея сдѣлается мало — міръ сей часъ-же предъявитъ свои права, какъ это онъ уже сдѣлалъ по отношенію къ покосамъ, подвергающимся въ настоящее время передѣламъ и жеребьевкамъ. Всѣ ближайшіе къ селенію покосы разбиваются на десятни, одинъ изъ представителей такой десятни вынимаетъ жребій, и затѣмъ уже каждый членъ десятни обкашиваетъ приходящійся на его долю пай въ предѣлахъ десятни. Передѣлы совершаются весною черезъ каждые три года. Здѣсь міръ регулируетъ отношеніе своихъ членовъ къ покосамъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы его воззрѣніе на покосы отличалось чѣмъ-либо отъ его воззрѣній на землю вообще — покосы также «обчее», и пай въ нихъ будетъ выдѣленъ всякому постороннему человѣку по его первому требованію; конечно міръ наложитъ на него соотвѣтственную тяготу — отбываніе натуральныхъ повинностей. Права здѣсь порождаютъ обязанности, а не наоборотъ. Таковы-же воззрѣнія тасѣевца на предоставленныя ему самою природою орудія труда. Красную рыбу тасѣевецъ добываетъ въ глухой тайгѣ, въ ямахъ. Ямы распредѣлены уже между извстари занимающимися этимъ промысломъ артелями. Каждая изъ такихъ артелей принимаетъ въ нихъ новыхъ членовъ, обыкновенно присоединяющихся къ ней парами — этого требуютъ самыя условія промысла. Каждая пара обязана имѣть свою лодку и нѣсколько переметовъ. Въ присоединеніи новыхъ паръ соблюдается строгій порядокъ, состоящій въ томъ, что артель принявшая уже разъ новую пару, не приметъ болѣе таковой до тѣхъ поръ, пока число паръ во всѣхъ артеляхъ не уравняется. Затѣмъ пріемъ новыхъ паръ происходитъ уже въ обратномъ порядкѣ, т.-е. первую новую пару принимаетъ артель, которая только-что приняла послѣднюю пару. Не принимать желающихъ ни одна изъ очередныхъ

къ пріему артелей не имѣетъ права—«ямы обчія». Кромѣ этихъ «обчихъ» ямъ, земли и покосовъ, у тасѣевцевъ въ коллективномъ владѣніи нѣсколькихъ (отъ 2—3) дворовъ состоятъ ухожья, гумна и избушки на поляхъ и промыслахъ. Въ послѣднемъ случаѣ право владѣнія двора обусловливается трудомъ, результатомъ котораго является предметъ владѣнія

Открытіе золотыхъ пріисковъ въ южной енисейской тайгѣ застаетъ Тасѣево въ только что набросанной нами формѣ производства и обмѣна. Почти не имѣвшій никакой цѣны хлѣбъ, съ трудомъ находившій покупщика при цѣнѣ его по семиткѣ (2 коп за пудъ), сразу пріобрѣтаетъ ее—цѣна ржи поднимается до 1 руб. 50 коп. за пудъ. Тасѣевецъ дѣлается теперь, какъ онъ выражается «кумъ королю». У него есть постоянный рынокъ для сбыта. Скотъ, хлѣбъ, холстъ, пушнина, смола.... Всѣ эти производительныя стоимости его хозяйства сразу пріобрѣтаютъ общественную форму, форму мѣновыхъ стоимостей Добыча пушнины еще продолжаетъ существовать въ тѣхъ-же размѣрахъ, но часть ея идетъ на удовлетвореніе потребностей самого тасѣевца и потому теряетъ свою общественную форму. Энергія объединяющаго фактора ослабляется, но, по мѣрѣ того какъ старая связь слабѣетъ, новая крѣпнетъ, а на ряду съ нею идетъ и реорганизація самихъ группъ, сообразно съ требованіями новаго фактора. Первымъ послѣдствіемъ этихъ экономическихъ перемѣнъ было распаденіе большихъ производительныхъ группъ—артелей, члены которыхъ не были связаны кровнымъ родствомъ.

Пожаръ, уничтоживъ послѣднюю связь ихъ общаго хозяйства—общее жилье, подвелъ итоги этаго распаденія. Они еще «связчики», еще идутъ на промыселъ вмѣстѣ, у нихъ общія гумна, общія избушки, но уже къ 49 г. пушной промыселъ упалъ. Связчики пробываютъ въ тайгѣ только до половины ноября и иногда по-насту идутъ на сохатыхъ въ мартѣ Времени для того, чтобы управиться съ собственнымъ хозяйствомъ каждой семьѣ въ отдѣльности, совершенно достаточно, промыселъ-же требуетъ общаго хозяйства, и оно распадается. Новый объединяющій факторъ, производство хлѣба, мало-по-малу ставшій на мѣсто стараго, снова, какъ мы увидимъ далѣе, объединитъ эти, продержавшіеся въ прежнемъ численномъ составѣ, большіе производительные организмы. Старый объединяющій факторъ смѣняется новымъ. Но ни этою смѣною, ни открытіемъ пріисковъ тѣсный союзъ «иглы и сохи» не былъ, да и не могъ быть нарушенъ; для этого требовалось кое-что большее. Требовался 1861 годъ со всѣми своими экономическими послѣдствіями. Поднявшаяся цѣна на хлѣбъ

дала тасѣевцу средство увеличить число предметовъ, подлежащихъ обмѣну. 3—5 руб., которые иному изъ нихъ удалось отложить на черный день раньше, теперь уже не деньги. Тасѣевецъ рѣшается закончить метаморфозу товара въ своихъ рукахъ, онъ *продастъ* избытки и начинаетъ *покупать* даже предметы роскоши. Знакомство съ чаемъ и сахаромъ, горящій, какъ жаръ, мѣдный тульскій самоваръ, красующіяся на поставцѣ красныя деревянныя, китайскія чашечки... Не остался безъ измѣненія и праздничный костюмъ женскаго персонала Тасѣевки. Ихъ шелковые платки, гарусныя шали, «брильянтиновыя» юбки, покупаемыя по 70—80 коп. за аршинъ,—все это создано уже не на мѣстѣ, все это привезено изъ Енисейска заѣзжими торговцами. Вся эта роскошь, впрочемъ поглощаетъ крайне незначительную часть покупательныхъ средствъ тасѣевца; надѣваемая только по великимъ праздникамъ, она передается отъ матери къ дочери. Еще въ настоящее время жена какого-нибудь обнищавшаго въ конецъ обывателя въ праздникъ наряжается въ доставшееся ей отъ бабушки шелковое платье, составляющее рѣзкій контрастъ съ ея изорванною шалью и просящими каши башмаками. Очень понятно, что при такихъ условіяхъ открывать лавку въ Тасѣевѣ, обосновывать осѣдлую торговлю на той поглотительной способности рынка, при которой покупатель, не имѣя дѣйствительной потребности пріобрѣтать товаръ, дѣлаетъ покупку, только прельщаясь непосредственнымъ зрѣлищемъ разложенныхъ передъ нимъ новинокъ, не имѣло-бы смысла. При такихъ условіяхъ границы торговаго раіона даннаго торговца должны были быть отнесены какъ можно дальше—этого онъ достигаетъ, развозя товары, производя, такъ сказать, кочевую торговлю.

«Молодцы» отъ скупщиковъ хлѣба и другихъ необходимыхъ для пріисковъ товаровъ также разъѣзжаютъ по деревнямъ, сдѣлавъ центромъ своихъ операцій Тасѣево. Здѣсь поселились ихъ хозяева. Золото наталкивается здѣсь на простой экономическій организмъ общины, который удовлетворяетъ всѣ свои потребности самъ. Общинѣ не зачѣмъ даже выходить для этого за предѣлы своихъ владѣній,—ея потребности въ этомъ «желтолицемъ космополитѣ» крайне ограничены [1]). И золото—«деньги по природѣ»—идетъ на поклонъ къ труду. Оно,

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь одинъ эпизодъ, характеризующій собою насколько тасѣевецъ того времени индифферентно отвосился къ деньгамъ.—«Далъ мнѣ, братецъ ты мой, хозяинъ, записку», разсказываетъ старикъ, «я ему на пріиски хлѣбъ доставлялъ. Ссыпалъ, записку отдалъ, выноситъ мнѣ управляющій мѣшокъ,—«тутъ, говоритъ, 15,000 золотомъ».—«Что же, братецъ ты мой, вѣдь, отдалъ, даже и въ умъ мнѣ не пало припрятать ::хъ—на что онѣ мнѣ? Гмъ, на что? теперь знаю на что.... Эхъ кабы

привыкшее къ господству, на этотъ разъ вынуждено играть подчиненную роль,— но, съ одной стороны, это подчиненіе, эти поклоны оплачиваются достаточно дорого: купленный на мѣстѣ за 1 р. 50 к. и доставленный въ тайгу пудъ хлѣба продавался тамъ за 4 р. золотомъ,—было изъ-за-чего кланяться; а, съ другой, такое положеніе дѣлъ долго продолжаться не могло. Рынокъ для сбыта мѣстныхъ произведеній открытъ, первый актъ купли-продажи состоялся, остановиться уже нѣтъ возможности—этотъ моментъ былъ моментомъ грѣхопаденія общины.

Скупка хлѣба въ этотъ періодъ является строго отдѣленною отъ продажи привозныхъ товаровъ. Ими заняты совершенно различныя лица. Одинъ поселившійся въ Тасѣевкѣ скупщикъ хлѣба и изъ нея, какъ изъ центра, производящій свои операціи по сходящимся радіусамъ; другой, являющійся наѣздами зимою, торговецъ мануфактурными, колоніальными и другими производимыми внѣ общины товарами. Оба они, пока кубышки тасѣевца не опорожнены, совершенно независимы другъ отъ друга. Но ни что не вѣчно въ подлунной. Пожаръ, уничтоживший Тасѣевку до основанія, два, слѣдовавшіе съ небольшими промежутками другъ за другомъ, года, въ которые хлѣбъ убило морозомъ на цвѣту, быстро опорожнили кубышки большинства тасѣевцевъ. Пожаръ, въ виду необходимости возстановить уничтоженныя имъ постройки въ теченіе какихъ-нибудь 4—5 мѣсяцевъ. заставилъ тасѣевца прибѣгнуть къ найму посторонннхъ рабочихъ плотниковъ, которымъ платилось по 1 р. въ день и дороже. Онъ унесъ значительную часть накопленныхъ денегъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвалъ къ жизни уже начинавшую было умирать связь между группами, выражавшуюся когда-то въ широко развитой взаимной помощи. Съ небывалою энергіей проявилась она въ этотъ послѣдній разъ. Община слилась въ одинъ производительный организмъ. Онъ сознательно расходуетъ свои индивидуальныя силы, какъ одну общественную силу и, подъ вліяніемъ охватившаго всѣхъ его членовъ массоваго аффекта, достигаетъ замѣчательныхъ результатовъ. Сгорѣвшая въ половинѣ мая 49 года Тасѣевка встрѣтила 1-е октября того-же года уже совершенно возобновленною. Ея амбары наполнились только-что собраннымъ хлѣбомъ, а поля подготовлены для посѣва на будущій годъ Но два послѣдо-

---

это теперь». Управляющій, глядя на меня послѣ, животики надрывалъ: «Дуракъ, говоритъ. дуракъ. привалило тебѣ счастье и то не могъ взять»... А я-то, должно молодъ и глупъ тогда былъ, даже и въ толкъ не могу взять, какое такое мнѣ счастье приваливало... Эхъ кабы теперь: не видать-бы хозяину этихъ денегъ—глупы были! то-то и оно-то». Это далеко не одинъ случай такой пересылки денегъ.

вавшіе затѣмъ голодные года очистили амбары тасѣевцевъ и вынудили дѣлать покупки для прокормленія. Между торговцами появляется невидимая тѣсная связь. Операція скупщика хлѣба должна предшествовать во времени операціи торговца привозными товарами. Его зимній пріѣздъ уже не обусловливается однимъ сибирскимъ бездорожьемъ, а является уже результатомъ этой связи. Продажи торговца дѣлаются возможными только послѣ того, когда крестьянину удастся превратить свою рожь въ деньги, послѣ того, какъ состоится покупка хлѣба скупщикомъ. Поэтому пріѣзды торговца принимаютъ правильный періодическій характеръ, начинаясь со второй половины декабря, въ то время, когда скупщикомъ производится разсчетъ за первую доставленную въ тайгу партію хлѣба, и заканчиваясь мартомъ, когда произведены окончательные разсчеты за хлѣбъ, и члены общины дѣлаютъ закупки на весь послѣдующій девятимѣсячный рабочій сезонъ.

Оба они, какъ скупщикъ, такъ и торговецъ, за наличный товаръ уплачиваютъ и получаютъ наличныя деньги. Крестьянинъ слѣдовательно обмѣниваетъ уже созданную стоимость, а не потенцію, кристализованный трудъ, а не трудъ, результаты котораго, какъ стоимости, появятся не менѣе, какъ черезъ годъ.

Теперь капиталъ уже поднялъ голову. Мѣна приняла форму правильнаго общественнаго процесса Нужда въ предметахъ потребленія, производимыхъ внѣ общины, мало-по-малу укоренилась. Разъѣзды молодцовъ прекратились. Крестьянинъ является самъ съ предложеніемъ хлѣба. Ему необходимо превратить его въ деньги къ извѣстному сроку, вслѣдствіе этого цѣна хлѣба значительно падаетъ,— она доходитъ до 35 к. за пудъ съ доставкой въ тайгу. Интересы торговца и скупщика становятся въ противорѣчіе: чѣмъ въ меньшее количество денегъ превратитъ свои злаки крестьянинъ, тѣмъ меньше число покупокъ онъ сдѣлаетъ. Поэтому поглотительная способность рынка торговца товарами сокращается—онъ вступаетъ въ борьбу со скупщикомъ и для этого переноситъ центръ своей дѣятельности въ Тасѣево Его переѣздъ былъ его побѣдою, ибо, устроивъ здѣсь складъ и удаливъ для крестьянина необходимость спѣшить съ продажею хлѣба, онъ тѣмъ самымъ отнялъ возможность пониженія цѣны хлѣба у скупщика. Является возможность открыть лавку мануфактурныхъ, бакалейныхъ и колоніальныхъ товаровъ, которая появляется въ Тасѣевѣ въ началѣ второй половины пятидесятыхъ годовъ. Темная, съ болѣе чѣмъ скромною вывѣскою, занимающая не болѣе двухъ съ половиною квад. саж., она суще-

ствуетъ и до сихъ поръ на томъ-же мѣстѣ и въ томъ-же помѣщеніи. Не велики были ея обороты, ибо не велики потребности, которымъ она удовлетворяла: ружья, чай, сахаръ, косы, нѣсколько штукъ аршиннаго товара, нѣсколько банокъ сластей, праздничныя ботинки, сапоги, стекло... Et voilà tout.

Это перенесеніе центра торговли привозными товарами въ самый центръ скупки товара мѣстнаго производства даетъ возможность торговцу на каждую волну прилива мѣстнаго товара въ амбаръ скупщика отвѣчать волною отлива своихъ привозныхъ товаровъ. Но, повторяемъ, производительный организмъ общины еще не тронутъ; покупаются только предметы, которые сама община не производила, большинство-же ея потребностей удовлетворяются по старому собственнымъ домашнимъ производствомъ. Тѣсный союзъ добывающей и обрабатывающей промышленности дѣлаютъ изъ общины ту экономически неприступную крѣпость, о твердыни которой разбиваются въ прахъ не только мелкія вождѣленія, ютящагося въ ея порахъ торговаго капитала, но даже и стихійныя бѣдствія. Пожаръ и послѣдовавшіе за нимъ съ незначительными промежутками два неурожайные года не нанесли существеннаго ущерба благосостоянію тасѣевца. Скупщикъ и торговецъ при этомъ выиграли очень не много, ихъ норма торговой прибыли, ихъ барышъ былъ несоизмѣримо больше именно въ предшествовавшій періодъ, когда покупались ненужные предметы роскоши, отъ которыхъ крестьянинъ могъ легко отказаться, если-бы покупка ихъ разоряла его.

Другое дѣло, когда нужда въ предметахъ потребленія, производимыхъ внѣ общины, мало-по-малу укоренилась и когда постоянное повтореніе мѣны сдѣлало ее правильнымъ общественнымъ процессомъ. Поэтому, теперь, часть продуктовъ труда должна производиться нарочно для обмѣна. Съ этого мгновенія укрѣпляется различіе между полезностью вещей для непосредственнаго употребленія и полезностью ихъ для мѣны; ихъ потребительная стоимость отдѣляется отъ ихъ мѣновой стоимости. Потребности тасѣевцевъ въ товарѣ, производимомъ внѣ общины, растутъ; для удовлетворенія ихъ они вынуждены постепенно расширять запашку, вынуждены производить больше хлѣба. Онъ не нуженъ имъ какъ потребительная стоимость, но за то онъ необходимъ имъ какъ мѣновая. Чѣмъ большее количество общественно необходимаго рабочаго времени тасѣевцы кристализируютъ въ хлѣбѣ, тѣмъ большимъ количествомъ покупательныхъ средствъ будутъ располагать они, тѣмъ полнѣе будутъ удовлетворены ихъ потребности въ производимомъ внѣ общины товарѣ. Это не значитъ, конечно, что у нихъ нѣтъ досуга, ихъ досугъ обусловленъ съ одной стороны климатическими усло-

віями, въ которыхъ совершается земледѣльческій процессъ труда, съ другой стороны тѣмъ, что данная группа сѣетъ ровно столько, сколько можетъ сжать своими наличными рабочими силами.

Въ описываемый періодъ, вторая половина 50 годовъ и первая 60, наемныхъ рабочихъ на поляхъ тасѣевца не было; появляются они впервые во второй половинѣ 60 годовъ, когда община была вынуждена снова расширить посѣвъ. Поэтому въ данное время напряженіе трудовой энергіи семьи въ періодъ жатвы должно было достигнуть своего апогея. Такъ оно и было въ дѣйствительности. Поэтому наивыгоднѣйшею организаціею общины будетъ та, которая, при данныхъ условіяхъ, дастъ возможность выдѣлить для всѣхъ остальныхъ работъ въ періодъ жатвы наименьшее количество рабочихъ силъ.

Мы видѣли, что рабочія группы перваго, описаннаго нами періода, когда добыча пушнины регулируетъ ихъ минимальный численный рабочій составъ, должны были заключать въ себѣ не менѣе 4—5 мужчинъ въ рабочемъ возрастѣ. Открытіе пріисковъ въ первое время не произвело почти никакихъ измѣненій ни въ самой общинѣ, ни въ составляющихъ ее группахъ,—добыча пушнины и производство хлѣба остаются въ тѣхъ-же размѣрахъ. Но связь составляющихъ производительную группу элементовъ уже начинаетъ ослабѣвать. Ей—этому цементу, который скрѣплялъ отдѣльныя части, казалось, несокрушимаго зданія, нанесенъ роковой ударъ. Зданія еще цѣлы, но они держатся только по традиціи; тѣ, соединенные кровнымъ родствомъ, у которыхъ оно сильнѣе, переживутъ этотъ кризисъ и выйдутъ обновленными подъ вліяніемъ пріобрѣтавшаго все большее и большее значеніе новаго объединяющаго фактора; тѣ, у которыхъ традиція слабѣе, группы—артели, распадутся. Пожаръ 1849 г. является сильнѣйшимъ стимуломъ этого разложенія. Онъ истребилъ ихъ общія жилища, онъ разрушилъ окончательно ихъ послѣднюю связь и онѣ распались, на составляющіе ихъ, связанные родствомъ, мелкіе элементы. Потребности въ товарѣ, производимомъ внѣ общины, растутъ. Пріѣзды торговцевъ товарами принимаютъ правильный періодическій характеръ. Тасѣевцы все свое свободное время посвящаютъ расширенію запашекъ. Ко второй половинѣ 50 годовъ количество посѣвныхъ десятинъ стоитъ не много менѣе 4 на каждую рабочую пару, но это уже и есть все то, съ чѣмъ въ состояніи справиться данная большая производительная группа [1]). Жатва привлекаетъ и приводитъ въ движеніе те-

---

[1]) Чтобы не быть голословными, приведемъ примѣры: семья Тараса Малышева, состоя изъ 20 человѣкъ, изъ коихъ 9 въ рабочемъ возрастѣ, располагаетъ 32 десят. пахоты;

перь наибольшее количество рабочихъ силъ. Уходъ за домашнимъ скотомъ въ періодъ жатвы также требуетъ рабочаго. Есть и другія работы при домѣ: нужно выдоить коровъ, накормить свиней, загнать овецъ, испечь хлѣбъ для уѣхавшихъ на поля рабочихъ, присмотрѣть за оставшимися въ селѣ ребятишками, стеречь оставшееся при домѣ имущество, нужно, какъ выражается тасѣевецъ, «домовничать». Община для этого должна выдѣлить изъ своей среды извѣстное число людей и при томъ въ возможно меньшемъ количествѣ. Если-бы община представляла собою, работающихъ общинными средствами производствъ и сознательно расходующихъ свои многія индивидуальныя рабочія силы, какъ одну общественную рабочую силу,—рѣшеніе задачи было-бы крайне просто. Но община распадается на группы. Задача очевидно будетъ нѣсколько сложнѣе. Ея рѣшеніе не такъ просто. Посмотримъ сначала, какъ рѣшили ее для себя сохранившіяся большія производительныя группы, — онѣ пока все еще составляютъ большинство. Для такой группы рѣшеніе задачи сводится къ размѣщенію ея наличныхъ рабочихъ на двухъ противоположныхъ полюсахъ производства: по одинъ изъ нихъ, жатву, нужно выдѣлить ихъ наибольшее количество, на другой—домашнія работы и уходъ за скотомъ—наименьшее. На практикѣ могло быть два случая: семьи выбрасывали изъ своей среды лишки, или наоборотъ, принимали въ домъ какого-либо родственника, чаще всего зятя. Въ первомъ случаѣ отецъ выталкиваетъ сына,—въ большинствѣ женатаго большака. У него больше дѣтей, за которыми необходимо присмотрѣть домовницѣ, больше непроизводительныхъ ртовъ, нуждающихся въ молокѣ и пищѣ, онъ требуетъ лишняго скота, лишней работы при домѣ—лишней домовницы, а потому и самъ дѣлается лишнимъ—дѣлается обузой, отъ которой стремятся избавиться. Во второмъ—дочь выдаютъ за перваго попавшагося бездомнаго поселенца, не спрашивая ея согласія, его бездомность—его преимущество. Здѣсь требуется только здоровая рабочая сила, согласная идти въ домъ. Съ 56 года начинаются эти раздѣлы и свадьбы. Въ этомъ году Малышевы женятъ своего младшаго сына и непосредственно, вслѣдъ за свадьбой, выбрасываютъ большака, его жену и двухъ ребятъ. Въ 1861 г. Усачевы выдѣляютъ всю семью большака, состоявшую изъ 4 человѣкъ. Раздѣлъ слѣдуетъ за раздѣломъ и всѣ они совер-

въ хозяйствѣ было 10 дойныхъ коровъ, 10 свиней, около 60 овецъ. Семья Антипа Агафонова имѣла 18 человѣкъ, изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ 10, подъ пашнею у нихъ было 36 десят., 9 дойныхъ коровъ, 10 свиней, до 50 овецъ. Семья Порфирія Усачева (9 въ рабочемъ возрастѣ) пахала 32 десят., имѣла 9 дойныхъ коровъ, до 12 свиней и до 50 овецъ.

шаются по одному и тому-же типу, по типу выбрасыванія. Выдѣленнымъ даютъ обыкновенно 6 десятинъ пахоты (сѣвооборотъ двупольный), съ большимъ количествомъ они не въ состояніи справиться,—надѣляютъ орудіями труда и рабочимъ скотомъ въ необходимомъ количествѣ, а рогатымъ даже въ большемъ, чѣмъ приходится на часть выдѣленнаго [1]). Такъ продолжается до второй половины 60 годовъ, когда на поляхъ тасѣевцевъ въ періодъ жатвы появляются наемные рабочіе. Большая часть таежнаго ухожья всегда передавалась такимъ, подвергаемымъ остракизму большакамъ. Добыча пушнины почти всецѣло перешла къ нимъ и тѣмъ мелкимъ группамъ, на которыя распались группы—артели. Въ періодъ жатвы эти выброски большихъ экономическихъ группъ нанимали обыкновенно домовницу, какую-нибудь старуху, принадлежавшую къ мелкой производительной группѣ, рабочій день которой не былъ поглощенъ вполнѣ работою при собственномъ домѣ. Они соединялись вмѣстѣ для устройства общаго гумна и, если это было возможно, общей избы на поляхъ. Но уже трудъ этой выброшенной рабочей пары дѣлался менѣе производительнымъ, ибо работница должна уѣзжать съ поля. Ей необходимо испечь хлѣбъ и наблюсти за хозяйствомъ при домѣ, да и на самыхъ поляхъ она отвлекается необходимостью присмотрѣть за ребятами. Домовница, обыкновенно, отказывалась принять на себя эту обязанность. Зимою одиночки соединялись въ артели изъ 2—3 человѣкъ каждая (съ домашнимъ хозяйствомъ справляется оставшаяся дома баба), уходя въ тайгу за пушниной. Но пушной промыселъ уже упалъ,—въ тайгѣ они остаются не долго: 1—1½ мѣсяца.

Экономическая организація общины въ томъ видѣ, какой она приняла теперь, не есть, конечно, идеальное рѣшеніе задачи, но оно лучшее изъ всѣхъ тѣхъ, которыя для нея возможны при наличныхъ условіяхъ. Рабочіе размѣщены на обоихъ полюсахъ производства, хотя и не безъ непроизводительныхъ затратъ ихъ рабочаго времени; но эти затраты, если принять во вниманіе тотъ матеріалъ, какимъ располагали организующіе факторы, совершенно понятны, безъ нихъ нельзя было обойтись. Все что можно было сдѣлать—сдѣлано. Здѣсь, въ Тасѣевѣ, идетъ напряженная до нельзя работа домовницъ: одинѣ изъ нихъ перебѣгаютъ изъ дома въ домъ, другія въ теченіе цѣлаго дня два раза покажутся на улицѣ, чтобы встрѣтить возвращающійся скотъ. Тамъ, на поляхъ,

---

[1]) Такъ, выброшенный изъ группы Малышевыхъ Емельянъ Малышевъ получилъ 6 дес. пахоты, 4 рабочихъ лошади, соху, двѣ бороны, двѣ телѣги, 4 дойныхъ коровы, 3 свиньи, 15 овецъ и большую часть таежнаго ухожья.

работа еще напряженнѣе: съ разсвѣта и до позднихъ сумерекъ дружно сверкаютъ серпы, срѣзанный хлѣбъ быстро устанавливается въ суслоны, то поднимаются, то опускаются искусанныя мошкою, облитыя потомъ спины жнецовъ...

Мы уже видѣли, что до начала 60 годовъ скупки хлѣба и торговля продуктами, производимыми внѣ общины, были строго разграничены. Той и другой занимались независимыя другъ отъ друга лица, сталкивавшіеся интересы которыхъ вызывали борьбу. Мы видѣли, какъ постепенно укоренившаяся потребность въ продуктѣ, производимомъ внѣ общины, вначалѣ вызвала періодичность пріѣздовъ торговца этими предметами, какъ возросшая, вслѣдствіе развитія потребностей, часть продукта, производимая общиною для обмѣна, побудила торговца перенести центръ своей дѣятельности изъ Енисейска въ Тасѣево. Здѣсь обосновываетъ онъ свой складъ, который весьма быстро обращается въ лавку. При такихъ условіяхъ, разграниченіе скупки хлѣба и продажи продуктовъ, производимыхъ внѣ общины, между двумя независимыми лицами, хотя оно и продолжало существовать, было явленіемъ чисто случайнымъ, что блистательно доказывается открытіемъ, въ началѣ 60 годовъ, въ Тасѣевѣ водочнаго склада [1]). Соединивъ, такимъ образомъ, въ своемъ лицѣ двѣ вначалѣ строго разграниченныя функціи, тѣсный союзъ скупки хлѣба и торговли водкою не замедлилъ открыть свои дѣйствія.

Посмотримъ теперь, какъ отразился наемъ постороннихъ рабочихъ на экономической структурѣ составляющихъ общину производительныхъ группъ. «До 60 годовъ семьи были куда больше, народъ жилъ дружнѣе, не дѣлился», отвѣтитъ вамъ любой старикъ, къ которому вы обратитесь съ вопросомъ по этому поводу. Онъ, конечно, сейчасъ-же добавитъ, что причиною распаденія большихъ семей на мелкія экономическія группы были семейные раздоры и, главнымъ образомъ, неуживчивость бабъ. При чемъ здѣсь бабы—это мы увидимъ. Что-же касается объясненія раздѣловъ раздорами, а послѣднихъ обѣдненіемъ, какъ это дѣлаютъ многіе, то такое объясненіе, прежде всего, является крайне поверхностнымъ. Не задаваясь болѣе широкими задачами, попробуемъ выяснить эти причины по стольку, по сколько онѣ проявились въ Тасѣевѣ.

---

[1]) Первый водочный складъ и кабакъ были открыты въ Тасѣевѣ, если не ошибаемся, въ 40 годахъ,—доходы ихъ поддерживались только одними пріисковыми рабочими, возвращающимися въ Тасѣево по окончаніи работъ на пріискѣ. Количество-же потребляемой водки коренными обитателями Тасѣева было на столько незначительно и доходъ отъ него такъ малъ, что имѣвшійся здѣсь громадный общественный чанъ, о которомъ мы уже говорили, приносилъ гораздо большій доходъ. Доходъ этотъ шелъ въ пользу церкви.

Случайный обмѣнъ въ избыткѣ произведенной потребительной стоимости на золото, а золота на какой нибудь, производимый внѣ общины, продуктъ по мѣрѣ укорененія потребности въ продуктахъ, производимыхъ внѣ общины, по мѣрѣ установленія мѣны, какъ правильнаго общественнаго процесса, дѣлаетъ избытки потребительныхъ стоимостей мѣновыми стоимостями. Онъ превращаетъ этотъ, когда-то никому не нужный избытокъ, въ нѣчто необходимое Онъ, въ связи съ наростающими потребностями, заставляетъ производить ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ только ради ихъ новой общественной формы — мѣновыхъ стоимостей. Къ этой новой общественной формѣ, когда-то произведенная въ избыткѣ, никому не нужная, потребительная стоимость, дѣлается всѣмъ нужной: дѣлается глубоко интересной, она можетъ быть превращена въ деньги; а деньги — это богатство, съ ихъ помощью является возможность разширить ту узкую сферу наслажденія, которая была ограничена производствомъ только однихъ потребительныхъ стоимостей,ими можно удовлетворить тщеславіе, удовлетворять стремленіе къ относительному, какъ и все въ мірѣ, комфорту. Онѣ неуклонно тянутъ рабочую пару къ выдѣленію изъ группы. Всякая случайность, въ родѣ большей производительности труда или бездѣтности данной пары, будитъ въ ней постоянное недовольство противъ остальныхъ паръ группы, заѣдающихъ, какъ ей кажется, ея трудъ, и остальныхъ противъ нея — недовольство всѣхъ противъ всѣхъ: начинаются раздоры по всякому малѣйшему поводу. Группа стоитъ наканунѣ своего распаденія на составляющія ее молекулы. Новый экономическій факторъ — деньги, въ связи съ простыми орудіями труда, факторъ, индивидуализирующій трудъ, становится въ прямой антагонизмъ съ объединяющимъ группы факторомъ — жатвою. Противорѣчіе это наконецъ достигаетъ такой интенсивности, что малѣйшее ослабленіе объединяющаго фактора вызоветъ кризисъ. Когда удовлетвореніе потребностей продуктами, производимыми внѣ общины, предписываетъ полное поглощеніе всѣхъ наличныхъ рабочихъ силъ группы въ процессѣ труда, производящемъ мѣновыя стоимости, объединяющій факторъ очень силенъ. Онъ подчиняетъ себѣ и заставляетъ молчать факторъ, индивидуализирующій трудъ. Экспропріація части домашняго производства и увеличившіеся налоги принуждаютъ группы прибѣгнуть къ найму посторонникъ рабочихъ во время жатвы. Расширяя запашку, группа дѣлается богаче, но за то объединяющій группу факторъ парализованъ, индивидуализирующій-же выступаетъ теперь вооруженнымъ jusqu' aux dents. Большія семьи, начинаютъ распадаться до предѣловъ, опредѣляемыхъ уже не серпомъ, а сохою. Семья состоитъ теперь изъ мужа, жены и ребятъ, изъ которыхъ каждый, до-

стигнувъ рабочаго возраста, обзаведясь женою, стремится выдѣлиться, и если не выдѣляется, то это происходитъ только благодаря препятствіямъ, противопоставляемымъ его желанію. Отношенія взаимной чужести не только въ средѣ общины, но и въ средѣ распавшихся группъ, достигаютъ своего крайняго предѣла. Сидка дегтя могла составлять и составляла одну изъ функцій большого производительнаго организма, занимая собою то одного, то другого изъ ея рабочихъ. Явившаяся слѣдствіемъ разложенія большихъ группъ группа—молекула уже не можетъ считать эту функцію въ числѣ своихъ производительныхъ функцій, ея потребности въ дегтѣ крайне ограниченны. Сидѣть какія-нибудь 10—15 ведеръ—дѣлается невыгоднымъ, и функція эта переходитъ къ одной изъ такихъ молекулъ, производящихъ уже не деготь какъ деготь, а деготь какъ товаръ, какъ мѣновую стоимость, производимую для неизвѣстнаго потребителя. Ограниченность рынка мѣшаетъ этимъ новымъ общественнымъ наслоеніямъ посвятить все свое рабочее время выдѣленному вмѣстѣ съ ними процессу труда: они еще на половину заняты земледѣліемъ, но такое положеніе вопросъ времени.

Распаденіе большихъ производительныхъ организмовъ не могло не отразиться на производительности труда всей общины. Одна и та-же работница вынуждена теперь: и приготовлять обѣдъ, и шить; она принялась бы за тканье, но ей необходимо для этого напрясть; пряла она и прежде, но прежде, какъ мы видѣли, ей помогали. Она должна напить свѣчей, приготовить мыло, убрать скотъ . . Словомъ, всѣ тѣ потребности, которыя когда-то удовлетворялись коллективными усиліями общественно раздѣленнаго труда группы, должны удовлетворяться теперь индивидуальными усиліями одной работницы. Возросло количество трудовыхъ усилій, возросла потребность въ орудіяхъ труда, возросла потребность, наконецъ, и въ самыхъ жизненныхъ средствахъ. Пять работницъ, приготовляя обѣдъ каждая для себя, мужа и семьи израсходуютъ, если и не въ пять разъ больше, то все же большее количество мускульной силы, нежели одна работница, приготовляя обѣдъ на 18 человѣкъ. Имъ потребуется для этого большее количество посуды, большее количество дровъ, большее количество сковородниковъ и ухватовъ. Онѣ въ своихъ пяти отдѣльныхъ избахъ должны имѣть больше ткатскихъ станковъ, сжечь больше свѣчей, израсходовать большее количество мыла. Условія труда другого атома этой производительной молекулы измѣняется въ томъ-же направленіи. Масса мелкихъ разнообразныхъ работъ, которыя приходится выполнять теперь данной группѣ молекулѣ, такъ велико, что одни переходы отъ одной работы къ другой занимаютъ уже значительное время.

Справиться со всѣми этими работами группа молекула не въ состояніи. Поэтому совершившееся внутри общины перераспредѣленіе труда должно было либо вызвать сокращеніе потребленія, либо расширеніе тѣхъ процессовъ труда, которые направлены на производство товара. Но сокращеніе потребленія является только тогда, когда потребленіе наталкивается на неодолимую преграду. Въ настоящемъ случаѣ преграды такой не было, у производительной молекулы еще оставался исходъ въ расширеніи запашки, въ обмѣнѣ продуктовъ собственнаго производства Такое положеніе дѣлъ отразилось прежде всего на ткачествѣ. Въ настоящее время производство холста сдѣлалось уже кустарнымъ промысломъ. домашнее производство оставило за собою только тканье половиковъ. основа для которыхъ большинствомъ покупается. Тогда же, въ началѣ 70 годовъ, въ каждомъ домѣ домѣ еще ткали холстъ для бѣлья и мѣшковъ и на хлѣбъ. но уже этого холста далеко не хватало, потребности общины въ немъ не могли быть удовлетворены теперешнею ея экономическою организаціею. Товаръ и деньги являются на выручку: стоило только увеличить производство товара. и недостающее количество продуктовъ ткацкаго пополняется прикупленнымъ ситцемъ. Ситецъ покупался и раньше. но тогда онъ представлялъ собою предметъ роскоши: теперь же онъ обращается уже въ предметъ настоятельной необходимости. «Переворотъ, произведенный въ 1861 году въ организаціи обработывающей промышленности и въ частности въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ какъ во всемъ строѣ Россіи. сдѣлалъ исключительнымъ достояніемъ механическаго ткачества производство самыхъ простыхъ тканей, которые разсчитаны на потребленіе крестьянства. Такое перемѣщеніе ткатскихъ станковъ изъ крестьянскихъ избъ и свѣтелокъ на фабрику имѣло для крестьянскаго хозяйства громадное значеніе, перешедшее далеко за предѣлы того раіона. который былъ непосредственно захваченъ капитализмомъ». Развившееся къ началу 70 годовъ пароходство по Оби и ея притокамъ перекинуло границу дѣйствія такого перемѣщенія ткатскихъ станковъ за предѣлы Урала Отразилось оно и въ Тасѣевѣ,—здѣсь цѣна ситца падаетъ до 35 коп. за аршинъ. Домашнее ткачество еще продолжаетъ существовать. но ему уже нанесенъ первый ударъ. Размѣръ запашки увеличивается снова. Въ поляхъ замѣчается нѣкоторая перемѣна: посѣвъ льна и конопли уменьшается относительно и абсолютно; на ихъ мѣстѣ теперь волнуются золотистые колосья злаковъ. Ихъ уберутъ. Тасѣевецъ теперь уже не соображаетъ количество засѣваемыхъ имъ десятинъ съ количествомъ труда. которое онъ можетъ развить во время жатвы: серпъ потерялъ свое первенствующее значеніе— онъ уступилъ его сохѣ.

Мѣна сдѣлалась не только правильнымъ общественнымъ процессомъ, она сдѣлалась необходимымъ процессомъ Число лавокъ возрастаетъ до трехъ. Продавцы товара—лавочники начинаютъ по-немногу дѣлаться скупщиками хлѣба. Наступаетъ первая половина 80 годовъ — число лавокъ возросло до 6. Цѣна ситца не превышаетъ уже 20 коп. за аршинъ. Торговля хлѣбомъ вступаетъ въ полное сожительство съ лавкою. Понизившаяся цѣна ситца и сукна вытѣсняетъ окончательно мѣстное домашнее ткачество. Тѣ-же результаты достигаются удешевленіемъ привознаго товара и во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ производства одежды. Шабуры, однорядки, бродни, шапки, словомъ вся одежда тасѣвца покупается теперь въ лавкѣ Керосинъ замѣняетъ мало-по-малу свѣчи. Сѣряники собственнаго производства замѣняются спичками, домашнее производство мыла прекращается, если не принимать въ разсчетъ одной семьи, которая и до сихъ поръ производитъ его, собирая необходимую для этого золу у сосѣдей—своей не хватаетъ. Табакъ уже давно изчезъ съ огорода тасѣвца, конопля и ленъ совершенно изчезаютъ теперь. Количество овецъ сокращается больше, чѣмъ втрое. Тасѣвецъ пашетъ теперь во всю, не стѣсняясь ни жатвою, ни молотьбою. Распаханной земли съ двупольнымъ сѣвооборотомъ ему дѣлается мало. Но увеличеніе запашки, поднятіе залога требуетъ много времени, и потому не выгодно: онъ переходитъ къ трехполью безъ унавоживанія [1]). На его гумнахъ появляются зимніе рабочіе — «молотяги». Появляется первая задолженность. Цѣна хлѣба стоитъ 50—55 коп. за пудъ.

Съ 1885 года цѣна на хлѣбъ начинаетъ быстро повышаться, чтобы достигнуть въ 1889 году, вслѣдствіе неурожая въ Иркутской губ., который отвлекъ часть хлѣба отъ пріисковъ, 1 р. 20 к. за пудъ; на томъ-же уровнѣ держится она вплоть до первой половины 1891 года, когда блестящіе виды на урожай сразу понизили ее до 50 к., затѣмъ до 40 к. и наконецъ до 35 к. за пудъ. Лавочники, какъ мы видѣли, уже окончательно вырвали скупку хлѣба у скупщиковъ. Хорошій урожай 1889 года и большія прибыли, полученныя ими отъ реализаціи подряда на пріискахъ, вмѣстѣ съ поднявшеюся цѣною хлѣба, оживляютъ торговлю. Товаръ сбывается не только за наличныя, но и въ кредитъ, дѣло доходитъ до того, что товаръ прямо навязывается въ кредитъ крестьянину. Болѣе чѣмъ слабый урожай 90 года не уменьшаетъ этого послѣдняго.

---

[1]) Посѣвы на жниво.

Н· торговый капиталъ, скромно ютившійся вначалѣ въ порахъ производительнаго организма—тасѣевской общины, теперь уже возросъ и окрѣпъ. Теперь торговецъ перестаетъ довольствоваться только ролью капиталиста-торговца и той двойною торговою прибылью, которую онъ получаетъ въ одной и той-же сдѣлкѣ, то первыхъ, какъ продавецъ производимаго внѣ общины товара, и, во-вторыхъ, какъ продавецъ того-же товара, получающій въ обмѣнъ за него не деньги, а хлѣбъ. Ему должны. О! теперь капиталъ господинъ положенія, онъ и только онъ одинъ, предписываетъ условія контрагенту. Цѣна, по которой товаръ продается изъ магазина или лавки, заключаетъ въ себѣ, какъ извѣстно, не только торговую прибыль, но и всѣ капитальныя издержки, сдѣланныя торговцемъ,—на провозъ товара, на наемъ помѣщенія и т. д. Товаръ, продаваясь по этой цѣнѣ, продается только по своей полной стоимости, не выше и не ниже ея. Въ той новой формѣ, которую капиталъ принимаетъ здѣсь теперь, товары продаются не по ихъ стоимости, а гораздо выше ея. Иллюстрируемъ это примѣромъ: мы уже говорили, что «ручной залогъ» крестьянина прожитъ, что живетъ онъ въ счетъ будущаго, что продаетъ онъ не стоимости, а потенціи. И вотъ, съ такой-то потенціей является онъ въ лавку. Ему не отказываютъ; набираетъ онъ, положимъ, на 100 руб. по тѣмъ цѣнамъ, которыя установлены для всякаго другаго покупателя на наличныя деньги. На эти 100 руб. ему сейчасъ-же накидываютъ отъ 20—30 руб., смотря по степени задолженности. За эти 120—130 руб. тасѣевецъ обязывается доставить зимою хлѣбъ на такой то пріискъ, по указанію подрядчика-лавочника, по цѣнамъ 1890 года. За доставку въ этомъ году платили 50 к. съ пуда. По всѣмъ видимостямъ, въ этомъ случаѣ состоящему въ долгу, тасѣевцу по доставкѣ хлѣба на мѣсто, должны вымарать изъ общей суммы долга собственно за доставку до 50 руб., но это только повидимому, въ дѣйствительности ему вымараютъ только 40 руб. Вычетъ производится опять за тоже «пожданье». Крестьянинъ недоволенъ, онъ протестуетъ, онъ требуетъ объясненія.... Въ результатѣ опять двойственное накопленіе: прежде накопляли торговецъ и скупщикъ, теперь накопляютъ торговецъ, соединившій въ своемъ лицѣ функціи скупщика и крестьянина. Различіе только въ томъ, что первый по старому на-

копляетъ капиталъ, благодаря «воздержанію», а крестьянинъ, хотя воздержаніе его въ настоящее время тоже достигло достаточной напряженности, накоплметъ на свою, когда-то сильную экономически, шею только одинъ долгъ. Число лавокъ за эти годы возрастаетъ до 10. 1891 годъ съ его упавшею цѣною на хлѣбъ подвелъ итоги благосостоянію тасѣевца. Онъ повергъ его въ задолженность и тѣмъ самымъ далъ въ руки торговца-ростовщика могучее средство противъ крестьянина. Никого уже не удивляетъ въ настоящее время тотъ фактъ, что наши безграмотные фабричные рабочіе прекрасно знаютъ Рикардо. Не будетъ ничего удивительнаго также и въ томъ, что наши полуграмотные, частью совсѣмъ безграмотные тасѣевскіе кулаки, не имѣя никакого понятія о значеніи словъ trust и картель, тѣмъ не менѣе осуществляютъ эти понятія. Ежегодно собирается большинство изъ нихъ передъ жатвою либо въ Красноярскѣ, либо въ Тасѣевѣ. На этомъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ своего Бренна, они устанавливаютъ цѣны, по которымъ будетъ скупаться хлѣбъ. здѣсь-же назначаются и цѣны, по которымъ будетъ продаваться товаръ. Не принимаютъ участія въ картели человѣка 2—3, но это не измѣняетъ сущности дѣла, – они безмолвно принимаютъ ея постановленія. Картель существуетъ около 3 лѣтъ и блистательно ведетъ свои дѣла Въ 1891 году она понизила цѣну хлѣба до 35 к. за пудъ на мѣстѣ, въ 1892 и 1893 гг. она установила ее въ 40 коп. съ доставкою въ тайгу, (доставка 20 коп.). Крестьянскій долгъ два года тому назадъ достигалъ 30,000 руб.; теперь онъ значительно больше. Вотъ результаты которыхъ достигла въ этомъ отношеніи лавченка, начавшая свои торговыя операціи два съ половиною года тому назадъ: годовой оборотъ ея не превышаетъ 2,000 р., а общая сумма долга, перенесеннаго въ мартѣ настоящаго года, когда были закончены годовые разсчеты съ должниками, достигла 300 р. [1]). Эти 300 р. росли и будутъ расти.

Приведемъ теперь одну интересную таблицу, составленную нами по податной книгѣ Тасѣевскаго сельскаго управленія на 1894 годъ.

---

[1]) Необходимо замѣтить, что лавка эта не торгуетъ краснымъ товаромъ.

1. Группы.	2. Дес. пахатной земли отъ — до	3. Дворовъ.	Мужское населеніе въ рабочемъ возрастѣ. 4. Старожиловъ.	5. Малолѣтокъ.	6. Всего.	7. Пахатной земли.	8. Лошадей рабочихъ.	Обрабатывающихъ своими силами. 9. Дворовъ.	Въ нихъ: 10. Мужчинъ въ рабоч. возр.	11. Пашни подъ посѣвы.	12. Лошадей рабочихъ.	18. Посѣвъ земли на 1 рабочаго.	14. Лошадей на 1 рабочаго.	Нанимающихъ жнецовъ. 15. Дворовъ.	Въ нихъ: 16. Мужчинъ въ рабоч. возр.	17. Пашни подъ посѣвъ.	18. Изъ нихъ убираютъ сами дес.	19. Лошадей.	20. Посѣвъ земли на 1 рабочаго.	21. Лошадей на 1 рабочаго.
Безземельная.	Безлошадныхъ	78	69	14	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Малолошадныхъ	17	17	3	20	—	29	—	—	—	—	—	1,7	—	—	—	—	—	—	—
	Многолошадныхъ	8	6	1	7	—	31	—	—	—	—	—	4,5	—	—	—	—	—	—	—
Землевладѣльческая	1 — 4	24	28	2	30	68	66	24	30	44	66	1,5	2	—	—	—	—	—	—	—
	5 — 6	21	23	3	26	117	97	21	26	78	97	3	4	—	—	—	—	—	—	—
	7 — 10	64	72	1	73	544	366	7	16	42	38	3	2	57	57	346	228	330	6	6
	12 — 16	41	51	—	51	581	357	4	9	36	38	4	4	37	42	354	168	319	8,4	9
	18 — 40	23	38	—	38	553	313	1	3	12	10	4	3	22	35	366	140	303	10	9
Итого.		276	301	24	328	1862	1261	57	84	212	249	2,5	3	116	134	1066	536	952	9	9

Все населеніе Тасѣевки въ этой таблицѣ разбито нами на 2 большихъ группы. Первая изъ нихъ, группа безземельныхъ, за исключеніемъ 8 многолошадныхъ дворовъ, не занимающихся земледѣліемъ, не вслѣдствіе недостатка средствъ производства, и потому выдѣленныхъ нами въ особую рубрику, составляетъ 95 дворовъ съ 103 мужчинами въ рабочемъ возрастѣ, изъ которыхъ 17 дворовъ съ 20 рабочими, обладаютъ 29 лошадьми; у нихъ есть и рогатый скотъ. Остальные 78 дворовъ съ 83 мужчинами въ рабочемъ возрастѣ владѣютъ

только усадьбою и жилищемъ. Ихъ орудія труда—серпъ, коса и топоръ. Эти жнецы, дроворубы и косари сѣна, по преимуществу, дрова для собственнаго потребленія вынуждены возить на себѣ. Въ самые жестокіе морозы они едва рѣшаются нанять для этой цѣли кого-нибудь изъ своихъ болѣе счастливыхъ товарищей по группѣ, у которыхъ есть лошади. «Привезъ-бы», говорилъ намъ въ январскую 45% стужу одинъ изъ нихъ, «да одежонка шибко плоха—тулупъ-то ужь совсѣмъ вытерся, а шабуръ, хошь ты его сейчасъ брось, хошь за-мѣсто невода весной пусти»... Всѣ эти 95 дворовъ потомки каторжанъ и поселенцевъ. Поколѣніе смѣнилось поколѣніемъ, 78 дворовъ уже записаны въ сторожилы и потому представляютъ собою, по меньшей мѣрѣ, третье поколѣніе; они состоятъ на полномъ окладѣ, несутъ всѣ натуральныя и денежныя повинности наравнѣ съ прочими группами, и до сихъ поръ никакъ не могутъ выбиться изъ подчиненнаго положенія наемнаго рабочаго. Очевидно эта нанимающаяся группа обладаетъ столь-же широко развитыми общественными чувствами, какъ и нанимающая, она стремится доставить своимъ многоземельнымъ и многолошадным сообщинникамъ постоянную почву для развитія ихъ благородныхъ чувствъ. Въ послѣднемъ выводѣ, насъ, какъ нельзя болѣе, убѣждаетъ статья г. Кочаровскаго «Переселенцы Азіатской Россіи», помѣщенная въ «Запискахъ Западно-Сибирскаго отдѣла Русскаго Географическаго Общества» (кн. XVI, выпускъ 1-й) [1]). Авторъ этой статьи полагаетъ средній срокъ для хозяйственнаго обзаведенія переселенца, истратившагося въ дорогѣ, выпросившагося по приходѣ на мѣсто на квартиру у сторожила ради Христа и вынужденнаго жить на первое время «личнымъ трудомъ», отъ 3—5 лѣтъ. Приведя затѣмъ данныя о количествѣ возвращающихся обратно переселенцевъ, г. Кочаровскій заключаетъ: «Такъ, если прожившіе болѣе одного года всѣ вмѣстѣ даютъ обратныхъ переселенцевъ въ 4 раза меньше, чѣмъ прожившіе менѣе 1 года, а прожившіе болѣе 3 лѣтъ и особенно 5 лѣтъ и совсѣмъ почти перестаютъ выдѣлять обратныхъ, то ясно, что и безхозяйныхъ—неудачниковъ среди нихъ почти уже не имѣется (?!). Этотъ «личный трудъ» вынуждаютъ насъ сдѣлать не менѣе ясный выводъ о существованіи полной гармоніи интересовъ между продающими свою рабочую силу 95 тасѣевскими безземельными дворами и покупающими ее 116. Для того, чтобы ссыпать хлѣбъ съ 1 десятины въ свой амбаръ, тасѣевецъ долженъ употребить: на пашню и бороньбу 8 дней,

---

[1]) Цитировано по статьѣ «Русскихъ Вѣдом.» «Переселенцы въ Сибири», № 68, 1894 г.

на жнитво 8, 1 день онъ поправляетъ городьбу и свозитъ хлѣбъ въ клади, 6 дней возитъ на гумно, 6 молотитъ, 2 вѣетъ, итого 31 день. Въ этотъ 31 день входятъ 38 рабочихъ дней лошади. При существующей цѣнѣ на овесъ и сѣно, рабочій день лошади стоитъ 10 к. или 0,5 пуда хлѣба. При урожаѣ отъ 110—130 пуд на десятинѣ, а за вычетомъ сѣмянъ и стоимости работы лошади (всего 27 пуд.), производительность труда 1 рабочаго въ 1 рабочій день въ первомъ случаѣ будетъ 2,5 пуд.. во второмъ 3. Излишки идутъ на амортизацію орудій труда. Рабочая плата за уборку одной десятины, при производительности труда въ 2,5 пуда, будетъ 20 пудовъ, при производительности въ 3 п.—25 пудовъ. Сжать рабочая пара можетъ не болѣе 4 десятинъ. Ея заработокъ, при наилучшихъ условіяхъ, не превыситъ 100 пудовъ, или въ переводѣ на деньги по существующимъ цѣнамъ—20 руб. Дровъ наша пара поставитъ до 40 саж., считая по 25 к. сажень—10 руб. Въ періодъ съ 1-го іюля по 6-е августа она накоситъ и смечетъ въ стога до 200 копенъ сѣна; эта работа, считая отъ 10—15 руб. за сотню, дастъ ей еще 30 руб. Зимою на молотьбѣ она добудетъ не болѣе 10 руб. Поэтому годовой заработокъ нашей рабочей пары не превыситъ 70 руб. Подати она, положимъ, заработаетъ на пушномъ промыслѣ.

Вторая группа — большинство внѣземледѣльческихъ работниковъ сосредоточены въ той ея части, которая обработываетъ отъ 1—4 десятинъ. Земледѣліемъ здѣсь занимаются только по стольку, по сколько это необходимо, съ одной стороны, для удовлетворенія собственныхъ потребностей непосредственно хлѣбомъ, а съ другой для пополненія бюджета вообще, большая часть котораго создается приложеніемъ труда въ сферѣ обработывающей промышленности. Здѣсь сосредоточены выдѣлка кожъ, деревянной посуды, дугъ, лодокъ, телѣгъ, колесъ, кирпича. Производство валенокъ, кузнечное, гончарное и столярное ремесла находятся въ рукахъ поселенцевъ; они-же портные, стекольщики и маляры. Слѣдующая рубрика этой группы мало-по-малу выбивается первою изъ сферы промысловыхъ занятій, она уже вынуждена расширить запашку, какъ разъ по стольку, по сколько первая сокращаетъ ее; большинство промышленниковъ этой второй рубрики не квалифицированные рабочіе. Они представители тѣхъ отраслей домашняго производства большой группы, которыя, какъ мы уже говорили, сдѣлались не выгодными для возникшей на развалинахъ этихъ группъ, группы — молекулы. Ихъ появленіе и существованіе дѣлается возможнымъ только на почвѣ разрушенія старой формы домашняго производства, на почвѣ отдѣленія обрабатывающей промышлености отъ добывающей, и по этому на почвѣ обѣдненія

самой общины. Разбросанныя и раздѣленныя ворвавшимся во внутреннюю экономическую жизнь общины капиталистическимъ обращеніемъ большія производительныя группы, какъ продуктъ своего разложенія, дали новое экономическое населеніе, кустарей. Они пока являются самостоятельными и независимыми Сначала явятся скупщики продуктовъ кустарнаго производства, а затѣмъ нагрянутъ и обобществители кустарнаго труда. Многихъ-ли обобществятъ они— это вопросъ, обсуждать который мы здѣсь не будемъ.

Рубрику обрабатывающую отъ 7—10 десятинъ на дворъ, составляютъ наши старые знакомые, это въ большинствѣ потомки тѣхъ не связанныхъ кровнымъ родствомъ группъ-артелей, которыя, подъ дефиринцирующимъ вліяніемъ товара и денегъ, распались на составлявшія ихъ, соединенныя кровнымъ родствомъ, мелкія группы. Сюда-же вошли цѣликомъ и всѣ выдѣленные, по способу выбрасыванія въ періодъ предшествовавшій найму посторонихъ рабочихъ, большаки. Обратитесь съ вопросомъ къ любому тасѣевцу, стоящему внѣ этой рубрики: почему составляющіе ее дворы живутъ бѣднѣе другихъ? и вы получите одинъ неизмѣнный отвѣтъ: «начали форсить раньше другихъ». Намъ совершенно понятны причины, выпудьшія эти сравнительно небольшія семьи и вышвырнутыя изъ большихъ семей молекулы, прибѣгнутъ раньше большихъ производительныхъ группъ къ покупкѣ необходимыхъ матеріаловъ для одежды и большинства тѣхъ продуктовъ, которые явились результатомъ домашняго производства большихъ производительныхъ организмовъ общины. Мы не поставимъ имъ этого въ вину, какъ это дѣлаютъ тасѣевцы.

Слѣдующія рубрики той, исключительно посвящающей все свое рабочее время земледѣлію, группы составляютъ сами распавшіеся большіе производительные организмы Тасѣева.

Различіе дворовъ въ количествѣ пахоты, по которому мы ихъ разбили, всецѣло зависитъ отъ различія въ количествѣ средствъ производства, которыми они обладаютъ. Слѣдуетъ только прибавить, лошади 1-хъ рубрикъ — это далеко не то, что лошади послѣднхъ рубрикъ, — это выбитыя изъ тѣла, почти не годные для работы одры, работа на нихъ вдвое менѣе производительна, нежели работа на лошадяхъ послѣднихъ рубрикъ. Па-днихъ, одинъ изъ восьми десятинниковъ, владѣющій 5 лошадьми, жаловался намъ, что у него не на чемъ пахать.—Да, вѣдь, у тебя пять лошадей. «Пять-то пять, да что въ нихъ: ихъ хоть сейчасъ на махапину продай, хоть послѣ—честь равна. За шкуру татары, пожалуй, заплатятъ, а мясо-то и собаки ѣсть побрезгуютъ—

захудали шибко, кормить нечѣмъ, еще лонись на нихъ одинъ страмъ приняль: люди уже давно отсѣялись, за покось принимаются, а я пяти десятинъ вспахать не могу, хоть ты тресни. Пошелъ на покось поздымъ-поздно, накосилъ курамъ на смѣхъ. Поня-то, по веснѣ, мы съ женой чуть не на себѣ ихъ на поля выволакивали, ну, а на поляхъ до Еремѣя-то запрягальника (1-го мая) что возьмешь? Пища 3-ей рубрики земельной группы мало чѣмъ отличается отъ пищи безземельныхъ; на праздники они разрѣшаютъ себѣ убить свинью, если у нихъ она есть, въ обыкновенное-же время—картофель и чай, лѣтомъ тотъ же бѣлоголовникъ. Ихъ хлѣбъ дольше стоитъ на поляхъ, больше осыпается, потому что жнецы охотнѣе идутъ къ «богачу». «Тамъ, когда не приди за зароботанным, сейчасъ и разсчетъ, а къ имямъ ходишь-ходишь... Отдаютъ по полудику, пропадай-ты, та и работа...» «Кредитъ» имъ тоже не полагается. Должны они сравнительно очень не много, ихъ долгъ не превышаетъ 50 р. на дворъ. Рубрика эта начинаетъ уже уменьшать количество пахатныхъ десятинъ, запуская часть пашни, поросшей жабреемъ и осотью, подъ пустоши за невозможностью вспахать все то, что пахалось и сѣялось раньше.

Представители послѣднихъ 2-хъ рубрикъ этой группы—такъ называемые «богачи». На сколько такое названіе оправдывается дѣйствительно трудно сказать. Все въ мірѣ относительно, и если начать сравнивать ихъ благосостояніе съ нищетою называющихъ ихъ богачами безземельныхъ, пожалуй что они и окажутся «богачами». Они ѣдятъ несоизмѣримо лучше послѣднихъ, ихъ хлѣбъ убирается раньше, они пользуются кредитомъ, но уже весь ихъ «ручной залогъ» прожитъ, продаютъ они не стоимости, а потенціи. Условія ихъ кредита мы уже знаемъ. Благополучно сводятъ концы съ концами только 10 дворовъ, которые и представляютъ собою дѣйствительно крестьянъ Тасѣева.

1—2 двора 4-й рубрики и столько-же 5-й держатъ лѣтнихъ рабочихъ. Рабочая плата этихъ послѣднихъ съ 1-го мая по 1-е октября колеблется между 37 и 40 рублями. На харчи въ 150 рабочихъ дней уйдетъ, считая по 10 коп. въ день, 15 руб., всего 52—55 руб. Вспашетъ такой рабочій 10 десятинъ, сѣна поставитъ 120 копенъ, сожнетъ 2 десятины, поправитъ остожья и свезетъ въ нихъ хлѣбъ съ 10 десятинъ. Всего произведетъ стоимостей, принимая тѣ-же цѣны и ту-же производительность труда, какіе были приняты нами при подсчетѣ заработка безземельныхъ, на 54 р. 80 к. Степень эксплоатаціи рабочей силы здѣсь также равна нолю. Нанимаютъ этихъ рабочихъ единственно только за тѣмъ, чтобы, удержавъ ихъ отъ ухода на пріиски, имѣть

возможность накосить необходимое количество сѣна. Другое дѣло годовой рабочій. Рабочая плата и харчи этого послѣдняго обходятся въ 96 рублей, стоимости, произведенныя имъ, кромѣ тѣхъ-же 54 р. 80 к., что и лѣтнимъ, будутъ: 30 саж. дровъ—7 р. 50 к., молотьба и возка съ 1-го октября по 1-е апрѣля, полагая по 24 рабочихъ дня въ мѣсяцъ—144 рабочихъ дня, при принятіи нами производительности труда и цѣнъ хлѣба въ 20 коп. за пудъ, дадутъ 432 пуда, или 86 р. 40 к.—всего 148 р. 70 к. Степень эксплоатаціи рабочей силы будетъ равняться 55%. Мы взяли для нашего разсчета производительность труда въ 3 пуда въ день, которая бываетъ при урожаѣ въ 130 пуд. съ десятины; урожай въ 100 пудовъ не измѣнитъ сущности дѣла,—заработная плата падаетъ съ 60 на 50 р. и отношенія остаются безъ измѣненія. Число наемныхъ работниковъ пополняется отчасти проживающими въ Тасѣевѣ поселенцами, не уходящими на пріиски, а главнымъ образомъ 24 дворами первой рубрики 2-й группы. Но, для того чтобы привлечь къ лѣтнимъ работамъ это сравнительно экономически сильное населеніе, необходимо отдать ему весь произведенный имъ продуктъ. Только этимъ, а не чѣмъ-либо другимъ объясняется здѣсь отсутствіе эксплоатаціи не годнаго рабочаго во время лѣтнихъ работъ. Тѣхъ рабочихъ, у которыхъ есть свой огородъ и лачуга, не эксплоатируютъ, потому что не могутъ эксплоатировать. Но разъ у рабочаго этого нѣтъ, разъ онъ вынужденъ идти въ батраки, онъ уже не получаетъ всѣхъ произведенныхъ имъ стоимостей. На этой почвѣ уже успѣли вырости 2 чисто капиталистическія хозяйства. Первое изъ нихъ при одномъ мужчинѣ въ рабочемъ возрастѣ располагаетъ 40 десятинами, а второе при одномъ мужчинѣ, въ томъ-же возрастѣ, 35 д. Владѣльцы этихъ хозяйствъ уже не принимаютъ участія въ работахъ. Они наблюдаютъ за работою батраковъ. Они сельско-хозяйственные капиталисты. Отдѣленіе обработывающей промышленности отъ добывающей отторгло цѣлую треть населенія Тасѣевки отъ средствъ производства. Оно превратило старую однообразную форму производства большихъ семей въ форму смѣшанную, въ которой, по терминологіи Лоріа, патронъ (владѣлецъ средствъ производства) и компаніонъ (простой рабочій) распредѣляли продуктъ по количеству овеществленнаго въ немъ каждымъ изъ нихъ труда. Въ настоящее время кончаютъ уже и съ этою формою—появляется капиталистическое производство въ Тасѣевой, обладающей 15000 десятинъ, при 45 десятинномъ надѣлѣ на рабочаго.

В. А.

В. ТОМСЕНЪ.

Дешифровка орхонскихъ и енисейскихъ надписей

Съ предисловіемъ бар. Розена: Suum cuique. По поводу дешифровки орхонскихъ и енисейскихъ надписей. (Отд. оттискъ изъ «Записокъ Восточн. Отдѣл. Имп. Русск. Археолог. Общ.», т. VIII). Спб. 1894.

W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. I Lieferung: Die Denkmäler von Koscho-zaidam. Text, Transcriptionen und Ubersetzung. St. Ptb. 1894. II. Lieferung: Die Denkmäler von Koscho-zaidam. Glossar, Index und die chinesischen Inschriften, übersetzt von B. P. Wassiljew. St Ptb. 1894.

Остатки древняго города Каракорума и другія орхонскія древности, которымъ посвящены названныя выше брошюры, открыты сибиряками. Первый, европейски образованный человѣкъ, посѣтившій остатки Каракорума и давшій о нихъ первое извѣстіе былъ Падеринъ; вторымъ послѣ него на развалинахъ этого города былъ Ядринцевъ, который исправилъ ошибку Падерина, принявшаго остатки центральной цитадели за весь городъ. Ядринцевъ открылъ два Каракорума, одинъ древнѣйшій—уйгурскій, т. е. тюркскій, VII вѣка, другой—монгольскій, XIII вѣка; но самое главное открытіе Ядринцева заключалось въ находкѣ тюркскихъ рунъ на камняхъ, которые ранѣе были извѣстны только изъ долины верхняго Енисея. Теперь эти, долго бывшія загадочными, надписи разобраны датскимъ ученымъ Томсеномъ, который признается, что безъ орхонскихъ надписей эту незнакомую транскрипцію было-бы невозможно разоблачить—такъ важно, слѣдовательно, открытіе Ядринцева. Къ сожалѣнію Томсенъ, съ своей стороны, игнорируетъ участіе Ядринцева въ этомъ открытіи и приписываетъ его несправедливо финляндскому ученому Гейкелю, который посѣтилъ долину Орхона черезъ годъ послѣ Ядринцева; самое отправленіе Гейкеля изъ Гельсингфорса на Орхонъ было вызвано сенсаціей, которая была произведена открытіемъ Ядринцева; Ядринцевъ рекомендовалъ г. Гейкелю взять съ собой изъ Кяхты того самого переводчика, который сопровождалъ Ядринцева въ орхонской поѣздкѣ, такъ что по указаніямъ этого переводчика финляндскій ученый могъ вновь осмотрѣть всѣ тѣ мѣстности, гдѣ Ядринцевымъ были сдѣланы находки. Помѣстивъ въ «Запискахъ Восточн. Отдѣленія Археол. Общества» переводъ статьи Томсена, редакторъ «Записокъ», баронъ Розенъ, счелъ своимъ долгомъ реабилитировать заслуги Ядринцева передъ археологіей. «Мы считаемъ своей обязанностью, говоритъ редакторъ «Записокъ», самымъ энергическимъ образомъ протестовать, въ интересахъ истины и справедливости,

противъ одного мѣста статьи проф. Томсена, которое содержитъ крупную неточность: открытіемъ драгоцѣнныхъ памятниковъ орхонской долины наука обязана всецѣло Н. М. Ядринцеву. Экспедиціи А. Гейкеля и В. В. Радлова явились прямымъ слѣдствіемъ поѣздки Н. М. Ядринцева: эти экспедиціи увѣнчались открытіемъ тѣхъ самыхъ памятниковъ, которые уже были открыты Ядринцевымъ». Этими строками уважаемаго предсѣдателя возстановляется не только заслуга Н. М. Ядринцева, но также и честь Восточно-Сибирскаго Отдѣла Географич. Общества, который обратилъ вниманіе на Орхонскую долину прежде, чѣмъ финно-угрское общество снарядило туда свою экспедицію, и по порученію котораго была совершена поѣздка Н. М. Ядринцева.

Въ статьѣ, переведенной въ «Запискахъ», проф. Томсенъ изложилъ тѣ пріемы, благодаря которымъ онъ проникъ въ смыслъ загадочныхъ письменъ, и тайна, почти 200 лѣтъ не поддававшаяся усиліямъ стольких ученыхъ поколѣній, была наконецъ разгадана. «Это открытіе, говоритъ баронъ Розенъ, ставитъ имя проф. Томсена въ одинъ рядъ съ именами Champollion и Гротефенда и обѣщаетъ со временемъ пролить почти столько-же свѣта на исторію сѣверной и средней Азіи, сколько и дешифровка іероглифовъ и клинописи разныхъ системъ на исторію Египта и передней Азіи». Путь, которымъ дошелъ проф. Томсенъ до своего открытія, напоминаетъ тотъ, который привелъ Гротефенда къ чтенію клинописи. Гротефендъ предположилъ, что два слова, часто встрѣчающіяся въ надписи, надъ которой онъ трудился, означаютъ: одно – имя царя Дарія, другое – его титулъ «царь царей», шахиншахъ, и нынѣ употребляемое въ Персіи. Проф. Томсенъ также остановился на двухъ словахъ; въ одномъ онъ предположилъ имя Кюль-тегинъ, имя князя, въ честь котораго былъ поставленъ памятникъ, какъ это было прочитано на находившейся на немъ-же китайской надписи, въ другомъ — тэнгри-ханъ — «царь небесный». Предположеніе оправдалось и дало возможность разобрать остальныя руны.

Открытіе проф. Томсена дало возможность читать надписи; часть ихъ прочитана академикомъ Радловымъ и уже издана въ первомъ выпускѣ академическаго изданія: Alttürkischen Inschriften. Въ этомъ выпускѣ напечатаны транскрипціи и нѣмецкій переводъ памятниковъ, найденныхъ въ урочищѣ Кошо-цайдамъ. Содержаніе тюркскихъ надписей не состоитъ, къ счастью, изъ риторики, какъ въ китайскихъ надписяхъ; хотя и краткія, онѣ заключаютъ въ себѣ интересныя для науки извѣстія: онѣ перечисляютъ имена племенъ, населявшихъ тогда Монголію, разсказываютъ о войнахъ и походахъ, о ханахъ, прославившихся завоеваніями, о Бумынъ-ханѣ, Элтересѣ, Кюль-тегинѣ и Билгэ-ханѣ, о предѣлахъ, до которыхъ эти ханы расширили свое государство. Все это ожидаетъ сопоставленія съ китайскими лѣтописями, съ одной стороны, и съ устными народными преданіями, живущими еще и теперь въ населеніи Монголіи, съ другой. До сей поры единственными источниками для исторіи времени, къ которому относятся эти надписи, служили китайскія лѣтописи; отсутствіе другихъ памятниковъ дѣлало невозможной историческую критику этихъ лѣтописей. Пользованіе китайскими лѣтописями затруднялось тѣмъ, что въ нихъ историческія и географическія имена испорчены до неузнаваемости китайскимъ косноязычіемъ; Кюль-тегинъ въ нихъ явился въ видѣ Кюэ-теле, Билгэ-ханъ въ видѣ Пикя-хана, а имя народа «тюркъ» исказилось въ Тукюэ. Нѣкоторыя положенія, благодаря открытымъ надписямъ, уже и теперь могутъ быть установлены. Во-первыхъ, изъ нихъ видно, что въ эпоху, когда были поставлены памятники, т. е. въ VIII в. по Р. Х.,

Монголія была населена турецкими племенами или, по крайней мѣрѣ, въ ней владычествовали тюрки и тюркскій языкъ былъ языкомъ степной интеллигенціи. Во-вторыхъ, что памятники съ рунами были поставлены народомъ, который въ китайскихъ лѣтописяхъ называется тукюэ, и что эти тукюэ были тюрки, а не монголы. Въ-третьихъ, что буддизма въ это время въ сѣверной Монголіи еще не было. Очень жаль, что до сихъ поръ не было возможности произвести раскопки въ найденныхъ городахъ; можетъ быть въ нихъ оказались-бы культурныя отложенія, скрывающія въ себѣ древнія издѣлія въ родѣ тѣхъ издѣлій изъ терракотты, которыя теперь доставляются изъ Хотана. Разрѣшеніе раскопокъ будетъ зависѣть отъ нашей дипломатіи, которая вѣроятно окажетъ просвѣщенное покровительство наукѣ и исходатайствуетъ дозволеніе производить ихъ отъ китайскаго правительства. Китайскіе мандарины уже извѣщены объ орхонскихъ находкахъ и отнеслись къ русскому открытію съ интересомъ,—притворнымъ или искреннимъ, судить не можемъ. Китайскій посланникъ въ Петербургѣ Шу-кинъ-ченъ взялъ на себя трудъ возстановить текстъ китайской надписи на памятникѣ въ честь Кюль-тегина. Текстъ этой надписи съ переводомъ синолога В. П. Васильева на нѣмецкій языкъ напечатанъ во второмъ выпускѣ изданія Alttürkischen Inschriften. Этотъ второй выпускъ, недавно вышедшій, занятъ преимущественно словаремъ къ руническимъ надписямъ, напечатаннымъ въ I выпускѣ. Языкъ надписей, по словамъ Томсена, оказывается настоящимъ тюркскимъ нарѣчіемъ, очень близкимъ къ уйгурскому, но нетождественнымъ съ нимъ: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ орхонское нарѣчіе кажется болѣе первобытнымъ. Руны надписей, по словамъ Томсена, напоминаютъ знаки алфавита семитско-пехлевійскаго. Словарь къ орхонскимъ надписямъ составленъ акад. Радловымъ; нѣкоторыя слова оставлены имъ безъ опредѣленія и снабжены вопросительными знаками; нельзя-ли часть ихъ истолковать словами, вошедшими въ монгольскую устную и книжную рѣчь? Напримѣръ, загадочное чынданъ ыгачъ, «дерево чынданъ», не будетъ-ли монгольскимъ «зайданъ модо», «дерево зайданъ», т. е. сандальное дерево, sandalum? загадочное «кунчай» можно объяснить китайскимъ «гуньчжу», «царевна», которое часто встрѣчается въ монгольскихъ устныхъ преданіяхъ; контексты этихъ словъ не противорѣчатъ такому толкованію.

Г. Потанинъ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

на 1895 годъ.

(ЧЕТЫРНАДЦТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.)

„ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ

выходитъ подъ редакціей **И. И. Попова три раза** въ недѣлю:

по Воскресеньямъ, Средамъ и Пятницамъ.

Въ остальные дни будутъ выпускаться бюллетени Россійскаго Телеграфнаго Агентства.

Программа газеты слѣдующая:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты или отдѣльными бюллетенями.

2) Отдѣлъ официальный — важнѣйшія правительственныя распоряженія.

3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и заграницей.

4) Обзоръ русской общественной и провинціальной жизни. Хроника событій на окраинахъ.

5) Политическія извѣстія общія и въ частности, касающіяся азіатскихъ странъ.

6) Корреспонденціи изъ Европейской Россіи, Сибири, Туркестана и сосѣднихъ азіатскихъ государствъ.

7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи-статистикѣ и промышленности и общенаучныя статьи.

8) Литературное обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненій объ Азіи; извлеченія и переводы.

9) Изящная литература. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.

10) Фельетонъ.

11) Судебная хроника.

12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.

13) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются, въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ, періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

Въ теченіе текущаго года въ «Сибирскомъ Сборникѣ» будутъ помѣщены статьи: В. И. Семевскаго, А. Кауфмана, Г. Н. Потанина, И. Коростовца, Н. М. Ядринцева и друг.

109

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—**8** р., полгода—**5** р., 5 мѣс.—**4** р. **50** к., 4 мѣс.—**3** р. **75** к., 3 мѣс.—**3** р. и 1 мѣс—**1** р. Газета съ приложеніями «Сибирскаго Сборника» за годъ—**10** р.

Заграницу: на годъ—**11** р., полгода—**6** р. **50** к., три мѣсяца—**3** р. **75** к. и на одинъ мѣсяцъ—**1** р. **40** к. Съ приложеніями за годъ **14** р.

За ежедневные бюллетени особо доплачивается **3** руб. Неподписчики платятъ **4** руб.

За перемѣну адреса—**40** к.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ «Сибирскій Сборникъ» за 1885 г. 1 кн.—1 р. 50 к. 1886 г. 4 кн. 2 р., 1888 г. 4 кн.—2 р., 1889 г. 1 кн.—50 к., 1890 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1891 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1892 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1893 г. 2 кн.—1 р. 50 к., 1894 г. вып. 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й—1 р. 50 к. Выпускъ 1-й за 1894 г. и 2 к. 1887 г. разошлись всѣ.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются съ платою за строку петита: по 10 коп.—позади текста и по 20 коп.—впереди. За разсылку при газетѣ объявленій взимается по 1 руб. за 100 экз. Объявленія изъ Европы и Европейской Россіи, исключая губерній Казанской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Пермской, Уфимской, Оренбургской и области Уральской, принимаются черезъ центральную контору Л. Э. Метцль—Москва, Мясницкая и ея отдѣленіе въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 11, по 15 к. за строку петита—впереди, и 30 к.—позади текста.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ. Крупныя статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, мелкія—уничтожаются. Статьи безъ подписи и указанія адреса автора не разсматриваются. Рукописи, на которыхъ не обозначены условія, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи.

Адресъ: *Иркутскъ, редакція газеты „Восточное Обозрѣніе".*

Контора редакціи газеты (Харлампіевская, № 1) для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно отъ 9-ти до 3-хъ час.

Для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты просятъ обращаться въ редакцію газеты (Большая ул., № 1) по четвергамъ отъ 2-хъ до 4 час.

Телефонъ редакціи № 121, конторы и типографіи № 85.

Уполномоченные и отдѣленія редакціи для личныхъ объясненій съ сотрудниками и пріема подписки и объявленій:

Въ **Петербургѣ**—Григорій Николаевичъ Потанинъ, Лиговка, № 29.
» **Москвѣ**—Веніаминъ Ивановичъ Семидаловъ, Серпуховская застава, дача Канатчикова (имѣется телефонъ).
» **Омскѣ**—редакція газеты «Степной Край»
» **Красноярскѣ**—Владиміръ Михайловичъ Крутовскій.

Отдѣленія редакціи будутъ открыты и въ другихъ губернскихъ городахъ Сибири.

За издателя наслѣдниковъ **Н. М. Ядринцева.**

Редакторъ **И. И. Поповъ.**

Дозволено цензурою. Иркутскъ, марта 6-го дня 1895 г.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ

ТИПОГРАФІЯ, | ЛИТОГРАФІЯ и

К. І. ВИТКОВСКОЙ

ПЕРЕПЛЕТНО- | ТЕЛЕФОНЪ № 85. | ЛИНЕВАЛЬНОЕ

ЗАВЕДЕНІЕ

въ г. Иркутскѣ,

обставленныя скоропечатными, просѣкальной, бумагорѣзальными и номеровальной машинами, типографскими и литографскими станками и бостонскимъ прессомъ для выполненія мелкихъ работъ,

разнообразными шрифтами, политипажами, всевозможными украшеніями и прочими типографскими принадлежностями,

имѣетъ возможность

скоро и аккуратно выполнять разнообразныя типо-литографскія работы:

бланки, заголовки для книгъ и расчетныхъ листовъ, табелей, раскомандировокъ, квитанцій, фактуръ, контрактовъ, реестровъ, прейсъ-курантовъ, винныхъ этикетовъ и проч.,

КОТОРЫЕ БУДУТЪ ВЫПОЛНЯТЬСЯ

по удешевленнымъ въ сравненіи съ прошлыми годами цѣнамъ.

ПЕРЕПЛЕТНО-ЛИНЕВАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

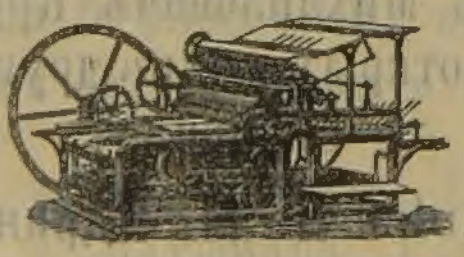
изготовляетъ:

конторскія книги, ученическія тетради, бархатные альбомы, памятныя книжки и проч., линуется бумага по всевозможнымъ образцамъ, наклеиваются карты и картины на коленкоръ и картонъ.

При типографіи всегда имѣются въ большомъ количествѣ книги на записку золота, для винокуренныхъ заводовъ и складовъ, ученическія тетради, транспоранты и проч.

Гг. иногороднимъ заказы наложеннымъ платежемъ, видѣ задатка, не менѣе

Заказы на сумму менѣе платежемъ



могутъ быть высылаемы при уплатѣ впередъ, въ трети стоимости заказа. 1 р.—наложеннымъ не высылаются.

К. І. ВИТКОВСКОЙ.

ПЕРЕПЛЕТНОЕ И ЛИНЕВАЛЬНОЕ ЗАВЕДЕНІЯ

К. І. ВИТКОВСКОЙ, ХАРЛАМПІЕВСКАЯ, № 1-И.